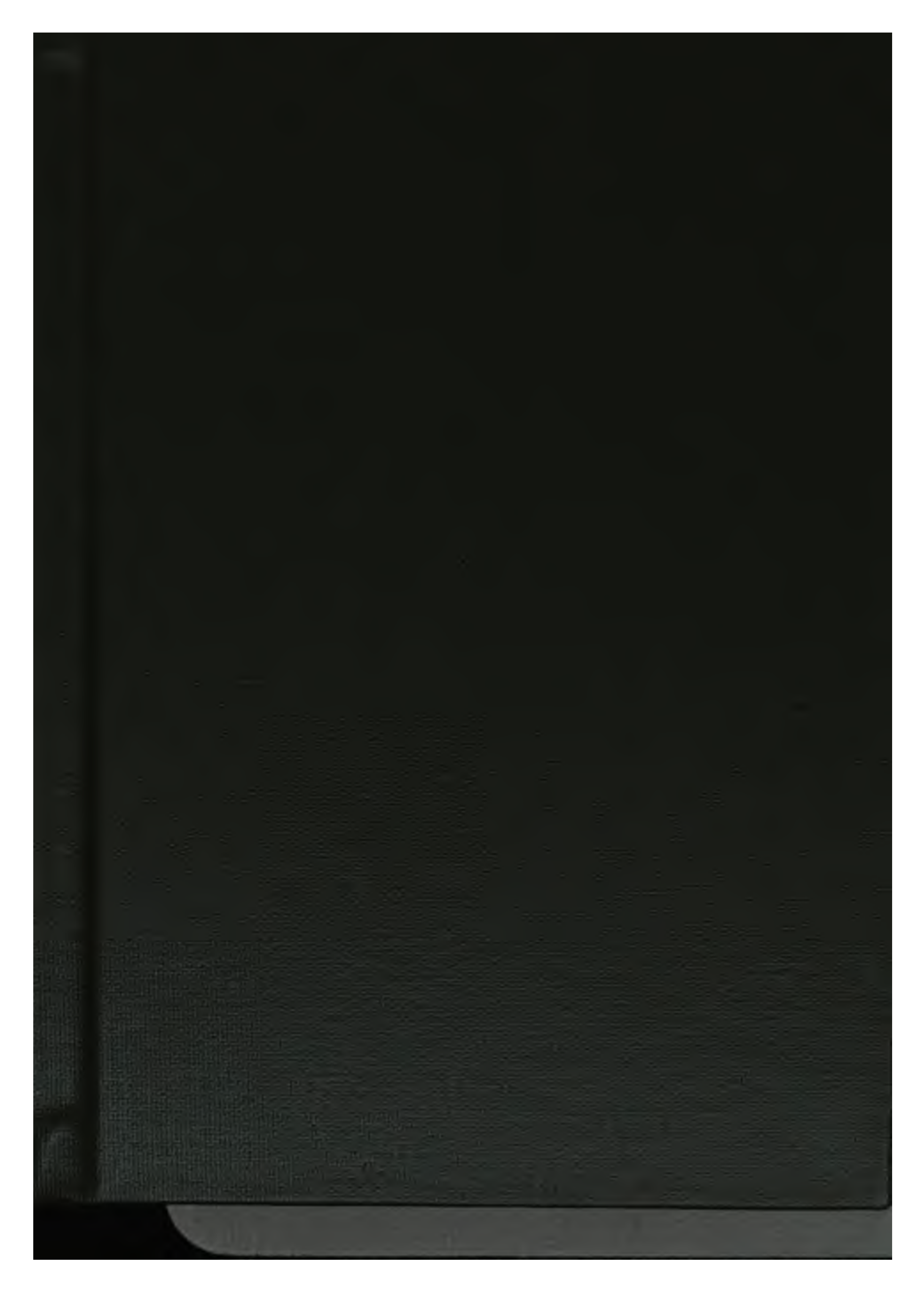
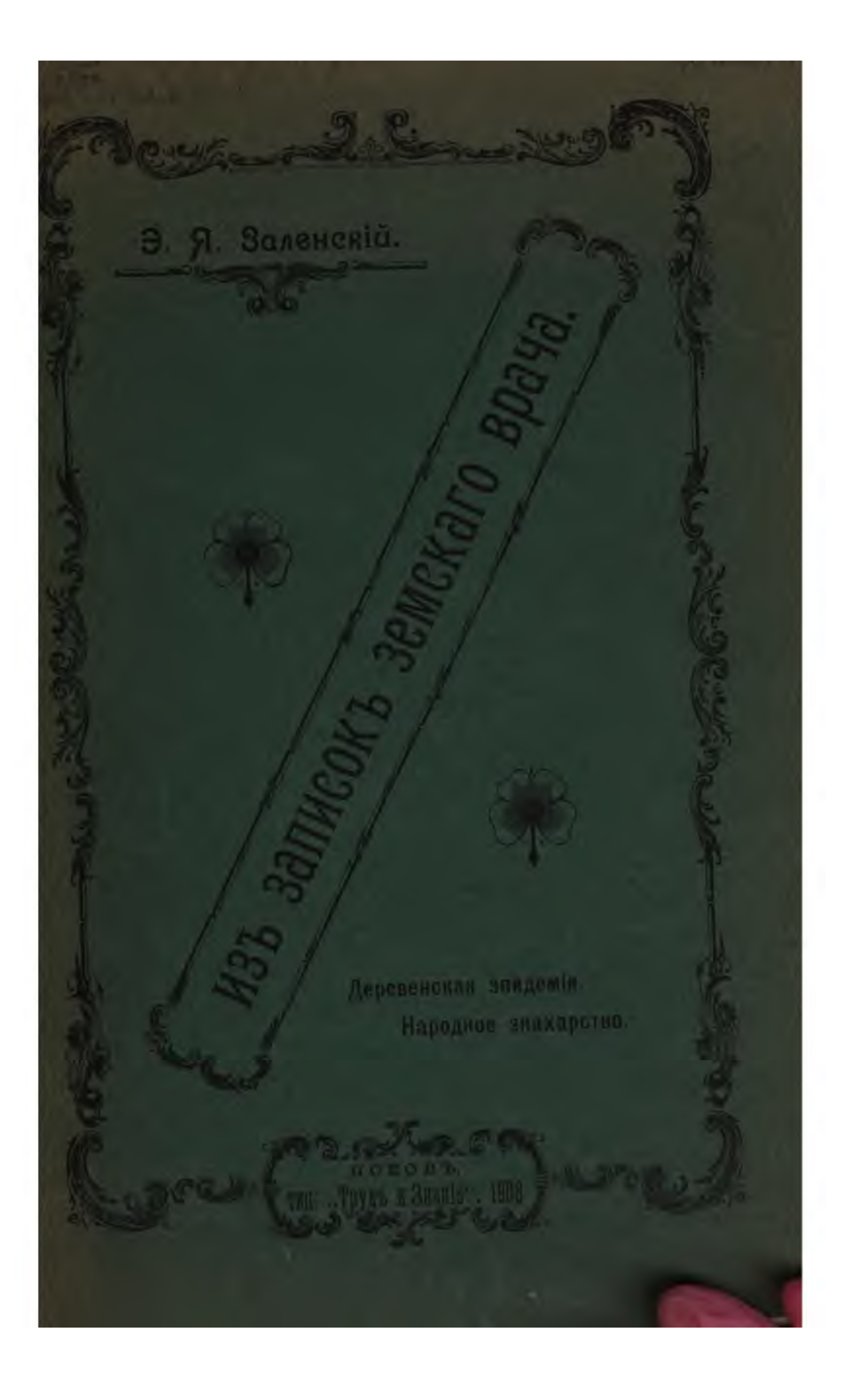

Э. Я. Заленскій.
Изъ записокъ земскаго врача.
Деревенская эпидемія.
Народное знахарство.
ПСКОВЪ.
Тип. „Трудъ и Знаніе". 1908

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ
ЗЕМСКАГО ВРАЧА.

Деревенская эпидемія.
Народное знахарство.

Э. Я. ЗАЛЕНСКАГО.

ПСКОВЪ,
типогр. „Трудъ и Знаніе“
1908.

Изъ записокъ земскаго врача.

Мужикъ, что быкъ: втемяшится въ башку какая блажь—коломъ ее оттулова не выбьешь.

Н. Некрасовъ.

I.

Не такъ давно мнѣ пришлось ѣхать въ качествѣ эпидемическаго врача въ одинъ изъ большихъ погостовъ Псковскаго уѣзда. Я ѣхалъ весною. Она проявилась тогда, противъ обыкновенія, весьма рано: еще въ началѣ марта вездѣ тронулся, какъ называютъ крестьяне, „донникъ“, т. е. оттаявалъ самый нижній промерзшій слой земли и расплывался, особенно въ мѣстахъ низкихъ, въ „жидель“. Такою жидкою земляною кашицей были заполнены безконечныя выбоины на проселочной дорогѣ, по которой пара земскихъ клячъ тащила меня въ злополучное селеніе, гдѣ распространялась горячка, появившіеся жертвы которой, поневолѣ, должны были вывести сельское начальство изъ того тупого безразличія, съ которымъ оно въ подобныхъ случаяхъ сплошь да рядомъ относится къ своему такому же, какъ и оно само, заспанному обществу.

— Сколько же верстъ намъ ѣхать до мѣста?—спросилъ я своего ямщика, проѣхавши какихъ нибудь верстъ пять, отъ которыхъ уже становилось мнѣ „майно“.

— По такой пути верстъ двадцать, баринъ, выде—отвѣтилъ ямщикъ, не переставая „охорашивать“ кнутомъ запотѣвшую пару, тянувшую стонавшій тарантасъ, колеса котораго въ „иншихъ“ мѣстахъ врѣзались въ „жидель“ по самыя „бабины“.

— А што, баринъ, не буде ли вашей милости одолжить папиросочку? Свой мартіалъ весь вышелъ — обратился ко мнѣ ямщикъ, замѣтивъ, что я досталъ портсигаръ. Я далъ ему папироску.

— Вашъ, вотъ, табакъ, а нашъ Дюбекъ — отъ него и самъ чертъ бѣгъ и не оглядывался — сострилъ ямщикъ, запаливая „сѣрничкою" полученную папиросу.

— Во, посмотрите-ка, како звѣрье иде сюды, — снова обратился ко мнѣ ямщикъ, указывая кнутовищемъ по направленію впередъ.

Въ шагахъ двадцати отъ тарантаса, сторонкою отъ проѣзжей дороги, навстрѣчу намъ тащился пьяный мужикъ. Онъ шелъ въ „родимыхъ осташахъ", т. е. босикомъ и въ теплой шапченкѣ, сбитой на затылокъ. Кафтанъ весь былъ въ грязи, не смотря на то, что полы его были свернуты въ трубку до самаго пояса, гдѣ они машинально прижимались широкими мужицкими руками.

Видно было, что мужичку не разъ приходилось становится „козелкомъ".

— Ишь, сколько старости придало! Эхъ, винище ты, винище! И до чего эвто ты насъ, грѣшныхъ, доводишь! Взялъ бы таперь всѣ эвти вертепы и позакрылъ — началъ было скорбѣть о родномъ пьянствѣ мой ямщикъ, какъ вдругъ поравнялся съ субъектомъ, вызвавшемъ въ немъ такія неподходящія для него мысли. Въ это время и кони стали, тщетно попытавшись разъ — другой вытащить глубоко застрявшій въ „вязели" тарантасъ.

Плеть ямщика не замедлила заходить по взъерошеннымъ бокамъ измученныхъ животныхъ.

— Чаво стучишь-то? Нешто кто въ брюхѣ е? — заговорилъ остановившійся мужикъ, подмываемый обычнымъ желаніемъ пьянаго человѣка къ кому-нибудь да привязаться.

— Проваливай! Ишь, мордву то какъ намочилъ! Безъ васъ вумныхъ здѣсь дѣло обойдется.

— А ты, думаешь, вумный? Коли ежели старый человѣкъ тобѣ о дѣлѣ толкуе, ты должонъ слухать. Вотъ што, разлюбезный, дурья твоя башка! Нешто не чуешь, што въ вязель попалъ. Ты вотъ снараломъ то не сиди, а слѣзь, я те говорю. Ишь, коней-то умаялъ какъ! — въ отвѣтъ на „усмѣшку“ моего ямщика дѣльно замѣтилъ пьяный мужикъ, стараясь всмотрѣться въ меня своими едва раскрываемыми глазами Такъ какъ нечего было возразить на такое замѣчаніе мужика, то ямщикъ мой, не долго „вразумляясь“, соскочилъ съ облучка и тѣмъ освободилъ отъ значительной тяжести передокъ тарантаса, который теперь безъ особаго усилія вытащили кони. Долго смотрѣлъ намъ вслѣдъ охмѣлѣвшій мужикъ, покачиваясь въ стороны и качая головою, по всей вѣроятности, по адресу моего ямщика, у котораго вплоть до конца поѣздки не появлялось уже больше желанія клеймить пьянство, отъ котораго трудно удержаться въ крестьянской средѣ. Въ высшей степени тряская и крайне тяжелая дорога тянулась верстъ на десятокъ, пока наконецъ не пошла по твердому каменисто-песчаному грунту. По бокамъ дороги стали попадаться каменоломни и котловины. Но снѣга и въ нихъ нигдѣ не было видно.

Отсутствіе суровой и снѣжной зимы помогло вешнему солнцу въ самое непродолжительное время вызвать весну. Небо было чисто и безоблачно. Яркій солнечный блескъ золотилъ свѣтлозеленый пушокъ обширныхъ озимей; воздухъ не производилъ рѣзкаго ощущенія сырости и легко вдыхался легкими; въ глубинѣ воздушнаго пространства тянулись углами и линіями стада „журавовъ“ и „лѣшихъ“ гусей и звенѣли невидимыя для глазъ жаворонки; въ придорожныхъ кустахъ, выкинувшихъ почки, покрикивали монотонно „холоденки“. Надъ однимъ промелькнувшимъ вблизи дороги селеніемъ мой ямщикъ открылъ даже пару „черногузовъ, которые „грузно“ плавали въ воздухѣ. Ранняя теплая

весна сулила крестьянству урожай хлѣбовъ, вызрѣваніе которыхъ уже высчитывалось къ Петрову дню. „Добрыхъ" три часа трясся я въ тарантасѣ, пока не показалась деревня, конечная цѣль моего путешествія и невольно обнаруженное мѣсто глухой крестьянской „боли", которая безустанно давитъ свои многочисленныя жертвы, не встрѣчая себѣ своевременно должнаго противодѣйствія. Бѣлая церковь, съ зеленымъ куполомъ и замѣтно покривившимся крестомъ, одна горделиво выдавалась изъ жалкой кучки приземистыхъ, крытыхъ соломою и рѣдко съ трубами крестьянскихъ избъ. Одна часть деревни стояла на краю ложбины, а другая, большая, скрывалась въ ней и тамъ раздѣлялась ручейкомъ почти на двѣ равныя части. На соломенной крышѣ, унизанной шапками плѣсени, крайней при въѣздѣ въ деревню избы мотался на шестѣ красный, истрепанный вѣтромъ, платокъ. Еще нѣсколько платковъ разной величины и цвѣта виднѣлось тамъ и сямъ надъ деревенскими „хороминами". Эти платки замѣняли собою флаги, которыми полиція заставила деревеннаго старшину отмѣчать всѣ зараженныя избы. Въѣхавъ въ деревню по узенькой, необыкновенно грязной, улицѣ, намъ пришлось отыскивать земское училище, гдѣ мнѣ была отведена квартира и гдѣ уже долженъ былъ находиться фельдшеръ, высланный въ деревню нѣсколько раньше меня. На встрѣчу намъ безпрестанно попадались ватаги дѣтворы, находившей особое наслажденіе топтаться по вязкимъ лужамъ. Большинство мальчиковъ, въ возрастѣ отъ трехъ до пяти лѣтъ, было въ однѣхъ рубахахъ, поверхъ которыхъ у нѣкоторыхъ были одѣты „тятькины" жилеты, на что указывала ширина послѣднихъ. Изъ дѣвочекъ также многія были въ однѣхъ только станушкахъ, т. е. рубахахъ, верхняя половина которыхъ шьется изъ ситца, а нижняя изъ холста. Нѣкоторые изъ „малышей" обращали на себя вниманіе желтымъ цвѣтомъ волосъ и необыкновенно большимъ размѣромъ живота.

— Эй, ты, малка, подь-ка сюды!— обратился мой ямщикъ къ одному изъ мальчугановъ, который по росту казался старше другихъ. —А гдѣ тутъ у васъ школа?

— Вонъ, дяденька, гдѣ на стѣнкѣ-то буде два окна, такъ за тымъ жихаремъ сряду туточка и школа,—отвѣчалъ безъ смущенія мальчуганъ, лѣтъ такъ семи.

— Да на стѣнкахъ и много по два окна.

— Ну такъ ступай за Гаврюху!

— Да мы Гаврюхи не знаемъ.

Послѣднее обстоятельство смутило мальчугана, и онъ не зналъ больше что отвѣтить.

— Эхъ, ты, возгря! — послѣ всего этого замѣтилъ мальчугану ямщикъ и направилъ лошадей къ ближайшей избѣ, гдѣ намъ указали какъ проѣхать къ школѣ. Чистенькое одноэтажное деревянное зданіе школы, съ большими окнами, производило рѣзкій и пріятный контрастъ съ неуклюжими крестьянскими избами, скудно освѣщаемыми двумя или тремя крохотными окнами. Въ школѣ я засталъ фельдшера, занятаго приготовленіемъ какихъ-то порошковъ. Мой помощникъ оказался изъ запасныхъ ротныхъ фельдшеровъ, что уже видно было изъ его неизмѣннаго обращенія ко мнѣ со словами: ваше высокоблагородіе. Я помѣстился въ учительской комнатѣ. Она пустовала, такъ какъ учитель выѣхалъ на родину, счастливо перенесши горячку, которою заразился въ самомъ началѣ ея появленія въ деревнѣ. Благодаря услужливости помощника мое новое жилище въ самое короткое время было снабжено самою необходимою обстановкою, а чрезъ какихъ-нибудь полчаса у меня на новосельѣ шипѣлъ и самоваръ. За чаемъ отъ фельдшера я узналъ точнымъ образомъ о ходѣ эпидеміи и нѣкоторыхъ особенностяхъ деревенской жизни. Послѣдняя въ особенности хорошо была знакома моему фельдшеру, какъ человѣку, вышедшему изъ крестьянской среды. Какъ простой зритель, онъ не имѣлъ ни чуть склонности преувеличивать свойственныхъ этой средѣ грубости

и невѣжества, которыя, если и поражали его иногда, за то никогда не находили въ немъ строгаго судьи къ себѣ. Одна изъ симпатичнѣйшихъ чертъ характера этого простого человѣка была его любовь къ заболѣвшимъ, за которыми онъ ухаживалъ неутомимо въ продолженіе цѣлаго дня. За такое теплое отношеніе къ своимъ больнымъ крестьяне охарактеризовали его человѣкомъ „старательнымъ".

— Сейчасъ, ваше высокоблагородіе, больные попрутъ, — замѣтилъ фельдшеръ, напившись чаю и утеревъ рукавомъ пиджака вспотѣвшій лобъ.

— Куда попрутъ?

— Все къ вамъ, ваше высокоблагородіе. Только все это хроники. Нѣкоторые что день освѣдомлялись о пріѣздѣ вашего высокоблагородія.

Было уже пять часовъ вечера. Время заставило меня еще позаботиться о своемъ прокормленіи.

— Гдѣ же вы здѣсь обѣдаете?—спросилъ я по этому поводу фельдшера.

— Да кормлюсь у сотчихи. Только здѣсь, ваше высокоблагородіе, относительно стола плохо. Мяса ни понюхать! Я, вотъ, питаюсь все яешнями да топленками.

— На нѣтъ и суда нѣтъ,—замѣтилъ я и хотѣлъ ужъ было отправиться къ сотчихѣ упросить ее взять еще одного нахлѣбника, какъ вдругъ тихо отворилась дверь и въ комнату вошла баба.

— Господинъ дохторь, тута штоли?—спросила женщина, уже не молодая, необыкновенно грязно одѣтая и заслонявшая рукою покраснѣвшіе, еле открываемые, глаза.

— Я самъ и буду,—отвѣтилъ я.

— Ахъ, желанный ты нашъ! Сдѣлай ты такую милость, погляди ты мои глазыньки. Слеза, вотъ, такъ и пре, што изъ ручья. Все думается не стерялись ли глядѣльца. Третій годъ, вотъ, какъ маюсь съ глазами,—говорила баба.

— Да ты, тетка, лечилась ли когда,—спросилъ я, осматривая ея глаза.

— Какъ-то разка два - три ѣздила въ городъ да не нашла польги што никакой. Такъ и бросила ѣздить.

Въ данномъ случаѣ была болѣзнь подъ названіемъ трахома, которая превалируетъ среди другихъ глазныхъ болѣзней крестьянства, гдѣ чрезмѣрное распространеніе ихъ едва ли не зависитъ главнымъ образомъ отъ пыльныхъ работъ и въ частности отъ трепки льна. Трахома у бабы была еще давняго происхожденія и по формѣ своей одна изъ тяжелыхъ. Здѣсь начиналась моя первая деревенская практика и возникалъ съ нею первый важный для меня вопросъ: что дѣлать? Ясно, что прежде всего я долженъ былъ убѣдить больную лечиться отъ запущенной болѣзни. Но я уже зналъ, что продолжительное леченіе для нашего крестьянства мало понятно. Ему подавай такія „снастія", которыя, какъ онъ самъ говоритъ, „вывораживаютъ сряду". Разъ отпущенное лекарство не принесло крестьянину быстраго облегченія, онъ или бросаетъ леченіе на время, или начинаетъ путешествовать сначала по рудометамъ, знахарямъ и разнаго рода костоправамъ; затѣмъ ищетъ „польги" у проходимцевъ: странниковъ, богомольцевъ, поднадзорныхъ и тому подобныхъ; потомъ идетъ къ помѣщицамъ и попадьямъ и, наконецъ, снова возвращается къ „фершаламъ" и „дохторямъ".

— У тебя, тетка, болѣзнь глазъ длительная. Сразу ихъ не поправишь. А лечиться тебѣ необходимо, а то ослѣпнешь.

— Родненькій, и въ насъ глупыхъ е такая поговорка, што сразу только блохъ ловя. Не затѣмъ стою. А ты все-жъ дай мнѣ такихъ капельковъ, которыя штобъ щипали.. Въ городу допрежъ, знать, все воду давали. Сдѣлай ты такую милость, — пособи. Ничего, кажись, не пожалѣю. А то, самъ видишь, какая я таперь трудница!

Баба несла деревенскую несообразность. Но такія несообразности не рѣдки у крестьянина. Съ одной стороны онъ сознаетъ, что не всякая болѣзнь

излечивается скоро, а съ другой вѣритъ, что и отъ запущенныхъ, т. е. хроническихъ болѣзней есть „зелья“, которыя могутъ дѣйствовать такъ же скоро и вѣрно, какъ сказочная живая вода. Отпуская первую паціентку, я настойчиво совѣтовалъ ей не прекращать леченія, выполненіе котораго тутъ же было начато моимъ помощникомъ. За этою больною не замедлилъ появиться мужикъ, который, подавая мнѣ три пальца широкой руки, отрекомендовался „тутошнимъ“ деревеннымъ старшиною. Старшина выдавался своею не совсѣмъ заурядною физіономіею. Скулы у него были необыкновенно широко развиты и плоское по этому лицо было вооружено огромнымъ носомъ, который, по мѣстной насмѣшкѣ, „кричалъ караулъ, что щеки задавили“, т. е. былъ сине-багроваго цвѣта. Голова лишена была большей части „волосьевъ“, отчего деревенскіе остряки „дражили“ его „босой маковкой“.

— Здравствуйте, ваше благородіе!—началъ старшина.

— Здравствуй! Что скажешь?

— Дѣльце тутъ е до вашей милости, да, признаться сказать, совсимъ пустяшное.

— Какое же такое?

— Какое, спрашиваешь? Да, вонъ, бабы заупрямившись: платковъ на флаки не хотя давать.

— Можно вмѣсто флаговъ отмѣчать зараженныя избы пучкомъ соломы.

— А што я таперь хочу спросить у вашего благородія,—послѣ нѣкотораго раздумья продолжалъ старшина.—Откелево пошло таперь эвто самое заведеніе вывѣшивать флаки? Отъ нихъ и посичасъ болѣсть никольки не уменьшается, а почитай, што увеличивается. Вонъ, у мово сродственника заболѣлъ сынъ. Все шло, скажу тобѣ, ничово. Ну, а какъ выкинули флакъ, его трясучка пуще прежняго заколотила. И посичасъ лежитъ што туша... одно къ смерти вороте.

— Флаги вывѣшиваютъ только для того, чтобы видно было, гдѣ есть заразные больные.

— Такъ, такъ, — машинально протянулъ старшина и поспѣшилъ высказать, что предназначалось для меня.—Ну, а въ насъ по деревни такъ на счетъ того самаго совсѣмъ другое бая. Таперь бая, што ежели гдѣ выкинуть флакъ, туды собирается вся болѣсь и тогды нѣтъ ужъ надежи, что больной оправится.

— Вѣдь ты самъ хорошо знаешь, что не вездѣ умираютъ больные, гдѣ вывѣшены флаги.

— Даже довольно хорошо вѣдаю эвто, баринушка дохторь.—Тутъ старшина замолчалъ и, придвинувъ къ себѣ оставленный фельдшеромъ стулъ, медленно опустился на край послѣдняго. — Ну, а ежли таперь, началъ онъ снова, што кому на роду написано али за грѣхи послано, такъ вѣдь тотъ тое должонъ же получить? Такъ штоли? Вѣдь и болѣсти всѣ идутъ отъ Бога?

Volens nolens приходилось оппонировать деревенскому фаталисту, пришедшему къ присланному изъ города „дохторю" не столько по дѣлу, сколько изъ за любопытства которымъ въ сильной степени страдаетъ деревня по отношенію къ всякому новому лицу.

— Богъ-то-Богъ, да и самъ не будь плохъ, — замѣтилъ я.

— Эхъ, господинъ дохторь, ваше благородіе! Наша то хворь за грѣхи намъ послана. Ее давно намъ пророчили,—значительно пониженнымъ голосомъ заговорилъ старшина.

— Кто жъ это могъ вамъ напророчить?

— Да былъ въ нашей деревнѣ не такъ давно одинъ странничекъ. Полудурокъ онъ не полудурокъ, а што праведникъ Божій, такъ эвто вѣрно, хошь кого не спроси. Такъ вотъ, братецъ ты мой, эвтому самому человѣку удостоилось сустрѣкнуть въ нашемъ бору святого мужа. И говоритъ тогды святой мужъ: человѣкъ праведный, надѣнь ты мой опорокъ на свою ногу, зажмурься правильно и што ввидишь скажи! И вотъ надѣлъ эвтотъ праведникъ опорокъ святого, зажмурился, какъ слѣдоваитъ быть, и вдругъ

— Господи Сусе, какіе градусы нонѣ высокіе!

— Это у тебя горячка начинается.

— Што ты, дурашка! Какая горячка! Я те говорю, пѣтуна шибко испужалась.

— Ну ладно! Вотъ сходи съ этою запискою къ фельдшеру. Онъ отпуститъ тебѣ лекарство и разскажетъ какъ его принимать.

— За одно ужъ не полѣнись, батюшка, примазать чаво нибудь отъ задышки и хыркухи. Межъ крылышекъ отъ нее все коле.

Къ написанному рецепту я „примазалъ" еще отъ „задышки" и „хыркухи" и направилъ ее къ фельдшеру. За старухою показались два мужика. Отыскавъ уголъ, гдѣ висѣлъ образокъ, широкими взмахами перекрестились они и стали кланяться „въ поясъ". Одинъ изъ нихъ, не большого роста, былъ блѣденъ и необыкновенно худъ. Глаза его уходили въ темносинія впадины и отражали лихорадочный блескъ.

— Вотъ што, желанный, я тебѣ скажу,—началъ онъ.—Я, вишь, небитый, а только съ лошади валялся. А таперь совсимъ потонулъ въ горѣ: сырая капель одолѣла. Ужасти, когда зайдусь.

— Давно у тебя сырая капель?

— Ужъ времячко хорошее-даже съ прошлой осени. Вотъ всю зиму беззаконно била. Харкотины опять—а съ половину шайки выде. Желанный ты нашъ, облегчи хоть чуть отъ такого разбою. Семья слышь, большая... самъ со всихъ печеней тружусь. Я выслушалъ мужика. Оба легкихъ были задѣты „чахоточною болѣстью", обычный конецъ которой въ данномъ случаѣ былъ очень близокъ.

— Полечиться нужно,—только, конечно, я и могъ сказать въ утѣшеніе „безсчастному" больному, который съ полученнымъ рецептомъ поплелся къ фельдшеру.

— Да мало ему живать осталось, не трудникъ онъ для дому. Попусту только мается, сердешный, —замѣтилъ другой мужикъ.

— А ты это почему знаешь?

— Какъ не знать! Его знахарка, вотъ ужъ съ добрыхъ полъ года, какъ ворожитъ. Вотъ, ена и сказывала, што жиру ему не забрать болѣ, потому время для помоги упущено и снастіе никакое таперь не подѣйствуе.

— Гдѣ же у васъ живетъ знахарка?

Признаться сказать, я часто искалъ случая познакомиться съ кѣмъ нибудь изъ знахарей, которыхъ сермяжная Русь считаетъ за „вѣдуновъ", тоесть, людей многосвѣдующихъ, нерѣдко обладающихъ и сверхестественными знаніями вслѣдствіе общенія ихъ съ „нечистиками" или „шишками" (лѣсовиками). Подобную дружбу навязала знахарямъ народная фантазія, поддерживая этотъ вымыселъ въ полной силѣ вплоть до настоящаго времени. Близкое, какъ оказалось, присутствіе знахарки подкрѣпило мое желаніе познакомиться съ нею, помимо простого любопытства, съ намѣреніемъ, не будетъли какъ-нибудь возможно добыть отъ нея какихъ либо свѣдѣній о народныхъ средствахъ и способахъ врачеванія болѣзней.

— Да ена тутъ у попа въ работницахъ живе. Роды (родственниковъ) у ней нѣтъ никакой, такъ, вотъ, волочится по чужимъ людямъ. Ворожбой, значитъ занимается и ешшо опять на картахъ моракуе.

— Ваши знахари такой же темный народъ, какъ и вы сами. Другимъ, вотъ, кровь заговариваютъ, а сами соплями исходятъ,—припомнилъ я когда то слышанную мною деревенскую поговорку, гдѣ сквозитъ уже недовѣріе народа къ знахарямъ.

— Не, брось, не говори ничово. Вонъ, возьми хошь нашу знахарку. Ена ахти жъ и многимъ польгу дае. Ежли поразсказать тебѣ про нее все, такъ не повѣришь. Эво, е у насъ туточка мужичекъ, Лександрой звать. Такъ лѣтось поѣлъ енъ меду да, видно, объѣлся, потому помирать сталъ. Тута, стало-

быть, вдругъ же послали за ней. Пришла эвто она и, ну, боль—отъ заговаривать. Такъ, вѣришь ли, медъ съ больного корой полѣзъ.

— Самъ ты это видѣлъ?

— Штожъ, врать не стану—самъ эвто правда—што не видалъ. Сусѣдъ объ эвтомъ сказывалъ Ему, думается, къ чему врать?

— Ну, а ты зачѣмъ ко-мнѣ пришелъ?

– Животомъ, кормилецъ, смялся. Натощахъ вснось себя чувствую. Ну, а какъ поѣлъ што, брюхо вдругъ же пирогомъ вздоймется, заходе, затурлыче тамъ што-то и быдто комъ какой заворочается. Ожога еще е и киселью послѣ кажиной ѣды отдае. Сдѣлай милость такую—дай мнѣ чегобъ покрѣпоше да поболѣ, слышь! Сказывали, отъ живота такія животныя капельки е. Вотъ бы тыхъ мнѣ!

Деревенскій обыватель прямой врагъ гомеопатическаго леченія: онъ постоянно и нерѣдко при этомъ настойчиво проситъ лекарства „поболѣ и покрѣпоше“ и пьетъ его обыкновенно въ бóльшемъ количествѣ, чѣмъ назначено ему врачемъ или фельдшеромъ. Послѣдняго рода случаи, безпрерывно повторяющіеся въ земско-медицинской пратикѣ, частенько доходятъ до курьезовъ и возводятъ въ печальную дѣйствительность многое изъ анекдотическаго про неточное или неразумное выполненіе деревенскимъ больнымъ врачебныхъ совѣтовъ. Обращаясь къ врачебной помощи, деревенскій обыватель все свое леченіе видитъ въ полученіи исключительно какихъ либо „снадобьевъ“: „мазки“, „пирожковъ“ (порошковъ) или „питья“ (микстуры). При этомъ довѣряетъ только питью, имѣющему „скусъ“ или цвѣтъ. Всякое „безкусное“ или безцвѣтное „питье“ считаетъ за простую воду, въ которую пожалѣли всыпать „снадобья“. У мужика, жаловавшагося на животъ, было одно изъ тѣхъ страданій желудка, которыя мало поддаются излеченію у крестьянства, принужденнаго питаться однообразно-тяжелою пищею.

— И еще попрошу у тебя, не унимался мой паціентъ, получивши отъ меня рецептъ, сдѣлай такую

милость, дай чего нибудь для мово мальчешечки отъ надухи (насморка). И такая, слышь, ена приключилась тяжелая, што ребенку дыхать мѣхая. Сопли таперь што рязинковыя тянутся.

— День—другой не выпускай никуда изъ дому, вотъ надуха и пройдетъ.

— Да, енъ еще глупенькій. Гдѣжъ ты таперь его дома удержишь?

— Въ особенности теперь-то и нужно приглядывать за ребятами, а не оставлять ихъ на цѣлый день на полной свободѣ, какъ это дѣлается у васъ. Иной изъ нихъ, чего добраго, забредетъ и туда, гдѣ есть горячечные больные. А тамъ легко и самому заразиться горячкою, и занести ее въ семью.

— Оно, конешно, у насъ имъ слобода... А только, коли Господь не попусте, никакая дурь къ тому не пристане.

Съ уходомъ этого паціента и я вошелъ къ фельдшеру, намѣреваясь вмѣстѣ съ нимъ поспѣшить къ сотчихѣ, у которой я могъ разсчитывать поступить на харчи. Часъ времени, остававшійся до заката солнца, сильно торопилъ меня позаботиться о своемъ продовольствіи. Фельдшеръ занятъ былъ приготовленіемъ и отпускомъ лекарствъ, въ ожиданіи которыхъ толпилась около него кучка деревенскаго люда, внимательно слѣдившая за всѣмъ тѣмъ, что онъ дѣлалъ. Изъ этой кучки, при моемъ появленіи, выдѣлилась баба, держа въ рукѣ пузырекъ, наполненный какою то желтоватою жидкостью.

— Господинъ дохторь, крикливо обратилась она ко мнѣ, заставь ты свово фершала отмѣнить вотъ эвто зелье. Не въ пользу оно мнѣ вовси. Во второй разъ опять такого же дае.

— Чѣмъ ты нездорова?

— Она, ваше благородіе,—вмѣшался фельдшеръ —сама не знаетъ, чего отъ меня хочетъ. Намедни поковыряла въ ухѣ лучинкою, по ихъ—по деревенски угаркомъ звать, а теперь и выдумала, что у ней въ ухѣ тараканъ сидитъ.

— Вре все, ваше благородіе,—заволновалась баба. Совсимъ не отъ угарка эвто самое случилось, а одно чувствую, вотъ какъ Богъ святъ, тараканъ эвто у меня въ ухѣ. Боюсь, не ощенися бы тамъ.

— Такъ въ ухѣ совсѣмъ не ковыряла?—спросилъ я бабу, осмотрѣвъ ея ухо, насколько это возможно было сдѣлать безъ ушнаго зеркала.

— И въ быль, батюшка, говорю—ничово не ковыряла. Ужъ ежели въ чемъ тебѣ признаться, такъ разѣ въ одномъ: схвалили эвто мнѣ намедни керосиру. Такъ вотъ его пробовала впускать. Да еще молочка съ грудей тоже въ деревнѣ присовѣтовали. Только съ эвтово польги не учувствовала никакой.

— Вотъ отъ керосину ухо и заболѣло. Нужно капель впускать, которыя получила отъ фельдшера. Отъ нихъ боль уймется.

— Потѣшь ты, батюшка, дуру деревенскую: влей ужъ ты самъ своими ручками эвтихъ капельковъ. Не такъ самой боязно опосля буде,—разнѣжилась баба, поглаживая меня по плечу.

Баба, видимо, подозрѣвала фельдшера въ отпускѣ неподходящаго для леченія ея уха лекарства.

Я впустилъ ей ушныхъ капель, но тѣхъ же самыхъ, изъ-за повторнаго назначенія которыхъ она жаловалась на фельдшера, и ухо заткнулъ ватою. Этого было достаточно, чтобы успокоить задорную бабу; и она съ самодовольнымъ видомъ снова примкнула къ кучкѣ народа, которая тѣснилась около фельдшера, скопившись на этотъ разъ, какъ оказалось, противъ обыкновенія въ бо́льшемъ количествѣ. Я не сталъ поэтому ждать своего помощника и одинъ вышелъ на улицу, гдѣ мнѣ указали направленіе къ квартирѣ сотскаго. По узенькимъ переулкамъ, образованнымъ избами, разнаго рода хозяйственными постройками и изгородями разнообразныхъ фасоновъ, по дворамъ и задворкамъ, безъ особыхъ приключеній, добрался я до жилища сотскаго, оставленнаго безвыѣздно въ деревнѣ, по распоряженію уѣздной полиціи, слѣдить за выполненіемъ со стороны населенія санитарныхъ мѣропріятій, направ-

ленныхъ для прекращенія повальной болѣзни. Урядникъ только наѣзжалъ въ деревню, что случалось изрѣдка, для полученія свѣдѣній о ходѣ эпидеміи; и не было случая, чтобы онъ не находилъ какихъ-либо „опущеній“ со стороны мужиковъ, которыхъ пробиралъ всегда съ „градомъ“. Но всѣ такого рода „проборки“ ни чуть не вели къ улучшенію санитарнаго состоянія деревни, которая послѣ каждаго посѣщенія урядника на одно только и реагировала: вела на заваленкахъ разсужденія на тему: „въ міру бѣды, урядникамъ обѣды“.

II.

Сотскій жилъ въ своей собственной избѣ, перешедшей къ нему за долгъ отъ своего самаго ближняго сосѣда, который изъ за безшабашнаго пьянства давно уже „снитился“ и слылъ въ деревнѣ за „моторыгу“. Между уцѣлѣвшею избенкою этого моторыги, устроенною по „черному“, то-есть, безъ трубы, и бѣлою избою сотскаго были сквозныя сѣни, выходившія одною стороною на улицу, другою на скотный дворъ. Устройство скотнаго двора въ непосредственной связи съ жилыми избами представляло собою типъ жилья, принятый во всей деревнѣ.

При такомъ расположеніи построекъ, составляющихъ главное основаніе всего ободворочнаго „обзаведенія“ крестьянина, несомнѣнно, должна была существовать безпрерывная тяга изъ скотнаго двора въ жилыя избы, и безъ того до крайности нуждающіяся въ чистомъ воздухѣ. И дѣйствительно, едва я вошелъ въ избу къ сотскому, какъ уже ощутилъ тотъ „прѣлый духъ“, какой издаетъ гніющая навозная куча. Сотскаго я не засталъ дома. Сотчиха же, женщина крупныхъ размѣровъ или, какъ про нее говорила деревня, „баба на дрожжахъ“, сидѣла за крошечнымъ столикомъ и въ качествѣ сивиллы „ворожила“ на картахъ какой то бабѣ, стоявшей передъ нею съ слезившимися глазами. Увидя передъ собою незнакомаго человѣка, она растерянно броси-

лась за невысокую перегородку, которою отдѣлена была спальня, и оттуда завязала со мной разговоръ, изъ котораго узнала, кто я. Наконецъ, она вышла изъ за перегородки. Это была женщина, дѣйствительно, полная, но не чрезмѣрно; на плоскомъ и широкомъ лицѣ не могъ остаться незамѣченнымъ носъ въ „талью", то-есть, съ прогибомъ по рединѣ. Деревенское остроуміе такъ иногда высмѣиваетъ ту форму носовъ, которая у крестьянства довольно часто служитъ указаніемъ на перенесенный сифилисъ. Выражаясь на крестьянскомъ жаргонѣ, сотчихѣ можно было положить два четвертныхъ билета, т. е. лѣтъ пятьдесятъ. Одѣта она была въ шерстяное, рыжаго цвѣта платье; „посивѣвшіе" на вискахъ волосы свернуты были на затылкѣ въ „куколь".

— Наконецъ-то васъ дождались! Ахъ, какъ мы рады, господинъ докторъ! быстро заговорила сотчиха, обтирая широкою мясистою ладонью крошечную табуретку и тѣмъ приглашая меня присѣсть. Я усѣлся. Баба, которую я засталъ у ней, при моемъ появленіи, отодвинулась отъ столика къ окошку и застыла на своемъ мѣстѣ, какъ „статуй". Только „постѣнъ" (тѣнь) отъ ея внушавшей жалость фигуры колебался изрѣдка на чисто вымытомъ полу и тѣмъ давалъ знать о ея присутствіи.

— Гаданьемъ, кажется, занимались, началъ я.

— Ахъ, простите, голубчикъ докторъ! Вотъ, глупая деревенщина пардону никагого ни. даетъ, все лѣзетъ: погадай да погадай. А какая я, право, гадалка! Да и гаданье теперь, батюшка, не въ модѣ: отжило свое время. Карты ложь и мы тожъ, простодушно закончила сотчиха.

Услышавъ, что сотчиха бросаетъ гаданье, баба зашевелилась и тихо обратилась къ ней.

— Такъ ково-жъ ты мнѣ, Спиридоновна, скажешь?

— Ты теперь, вотъ, господина доктора хорошенько попроси. А я твоему горю теперь не помошница.

При этихъ словахъ сотчихи баба бросилась ко мнѣ и „шмякнулась" мнѣ въ ноги.

— Голубчикъ ты нашъ, господинъ баринъ, будь отцемъ роднымъ, не оставь ты глупую бабу одну на свѣтѣ сиротой горькой! И што единственный снъ у меня трудникъ!.. што я таперь безъ него!.. На Божьей ладони сидитъ!.. Распаленіе такое шибкое, ижно дыхать ему не дае.

Я узналъ тутъ, что баба вдова и что единственный ея сынъ лежитъ въ горячкѣ. Я сталъ утѣшать бѣдную женщину и мнѣ въ этомъ горячо помогала сотчиха, будучи не въ состояніи осилить своей, видимо, словоохотливой натуры.

— Ахъ, золото ты мое! Протяни, Господи, вѣку твово, крестилась баба, уходя за дверь.

— По уходѣ бабы, я приступилъ къ сотчихѣ съ просьбою принять меня въ число нахлѣбниковъ. Мнѣ не пришлось долго упрашивать ее, такъ какъ уже въ началѣ своей просьбы принужденъ былъ заявить ей, что буду самымъ нетребовательнымъ нахлѣбникомъ и согласенъ довольствоваться ея обычнымъ домашнимъ столомъ. Полная съ моей стороны непритязательность не осталась невознагражденною: сотчиха пообѣщала приготовлять для меня даже мясныя блюда, отвѣдать которыхъ тѣмъ не менѣе мнѣ рѣдко когда приходилось за время моего полуторамѣсячнаго пребыванія въ деревнѣ. За это время я питался главнымъ образомъ разнаго рода „яешнями“ да продуктами молочнаго хозяйства. Правда такой надоѣдливо-обычный мой столъ разнообразился иногда появленіемъ на немъ разнаго рода блинчиковъ или лепешекъ, приготовленныхъ изъ какого то мудренаго тѣста. Появленіе этихъ блинчиковъ всегда совпадало съ временемъ, когда сотчиха, въ хвастливомъ настроеніи, наканунѣ проговаривалась, что она искусная повариха. Впрочемъ, въ защиту сотчихи, какъ и каждой деревенской стряпухи, нужно сказать, что деревня при господствующемъ въ ней однообразіи доставляемыхъ пищевыхъ средствъ не можетъ угодить требованіямъ желудка горожанина. Крестьянское населеніе питается главнымъ образомъ продуктами своихъ нивъ и огородовъ. На

послѣдняго рода обстоятельство до настоящаго времени не перестаютъ указывать послѣдователи вегетаріанизма. Въ увлеченіи своею доктриною они выставляютъ на видъ, что крестьянское населеніе питается исключительно растительною пищею и что она наиболѣе соотвѣтствуетъ потребностямъ русскаго народа. Но всякій безпристрастный наблюдатель, изучающій на мѣстѣ крестьянскую жизнь, никогда не скажетъ, что вегетаріанство крестьянина находится въ связи съ потребностью его организма. Крестьянинъ принужденъ быть вегетаріанцемъ въ силу двухъ факторовъ: бѣдности и религіозности. Послѣдняя держитъ его въ рядахъ вегетаріанцевъ добрыхъ полъ года. Эти полъ года складываются изъ четырехъ постовъ и еженедѣльныхъ середъ и пятницъ, въ которыя, по крѣпко усвоенному церковному обычаю, постится большинство крестьянства. Въ внѣпостное время крестьянинъ питается смѣшанною пищею, но не растительною исключительно. Одну четвертую часть этой смѣшанной пищи составляютъ продукты молочнаго хозяйства. Во время молочныхъ „скоповъ“, то-есть, во время постовъ, идетъ заготовленіе продуктовъ молочнаго хозяйства впрокъ. Сравнительно небольшая, какъ я указалъ, примѣсь въ пищу крестьянина молочныхъ продуктовъ стоитъ въ зависимости отъ плохо развитаго въ деревнѣ молочнаго хозяйства. Здѣсь все главное значеніе скота усматривается пока въ „наращиваніи“ навоза, и не въ шутку поэтому своихъ коровъ крестьянинъ зоветъ навозницами. Употребленіе крестьянствомъ молочныхъ продуктовъ урѣзывается еще тѣмъ, что часть ихъ идетъ въ городъ на продажу для удовлетворенія мелкихъ хозяйственныхъ нуждъ. Какъ ни проста и однообразна крестьянская пища, тѣмъ не менѣе и здѣсь существуютъ нѣкоторые установившіеся способы ея приговленія. Изъ молока, напримѣръ, готовится топленка и варенецъ. Для топленки молоко кипятится въ печи и тамъ оставляется обыкновенно до другого дня. Цвѣтъ топленки темножелтый. Для приго-

товленія варенца въ кипяченое молоко кладутъ сметаны, и смѣсь эту ставятъ въ теплое мѣсто, чтобы она прокисла. Само собою понятно, что мясная пища, какъ самая цѣнная, менѣе всего доступна карману крестьянина. Однако въ приходскіе праздники или мѣстные деревенные, положенные по завѣту, ни одна крестьянская семья не остается безъ мясного блюда. Къ своимъ праздникамъ крестьяне бьютъ коровъ или телятъ, колютъ свиней и рѣжутъ гусей или утокъ; и только бѣднѣйшее крестьянство довольствуется покупкою „сбоя“ (головы и ногъ), „гусаковъ“ (внутренности грудной полости) и „требуховъ“ (желудковъ). Изъ „сбоя“ готовится любимое мясное блюдо „стюдень“. Болѣе частое, если не сказать, что обычное, употребленіе деревенскимъ населеніемъ мясной пищи приходится на время съ Покрова по Рождественскій постъ. Въ это время деревня наслаждается обыкновенно солониною и преимущественно соленою свининою. Говядина рѣдко гдѣ въ крестьянствѣ подается какъ отдѣльное блюдо. Изъ нея обкновенно варится „изваръ“, но безъ всякаго прибавленія къ нему какихъ либо другихъ пищевыхъ веществъ. Вываренное въ изварѣ мясо „большуха“ (старшая хозяйка) „крохае“ (крошитъ) на кусочки—„дробянки“. Эти дробянки опускаются въ изваръ, который въ такомъ видѣ подается къ столу. Какъ на подспорье къ хорошей питательной пищѣ нельзя не указать на яйца, которыми деревня, кажется, должна была бы изобиловать. Однако здѣсь ѣдятъ ихъ очень мало. Они по большой части идутъ въ городъ на продажу, въ подарокъ или на угощеніе заѣзжихъ или почтенныхъ гостей. Въ деревнѣ яицъ не варятъ, а пекутъ въ горячей золѣ или же готовятъ изъ нихъ яичницы: „сковородку“, „яешню“ и „сковородку съ холмами“ или, иначе, „верещагу“, Сковородка готовится изъ однихъ, яицъ, яешня изъ яицъ и молока и сковородка съ холмами изъ яицъ и свинины.

Самое трудное и тяжелое время для питанія переживаетъ деревня во время постовъ, въ особен

ности же въ Петровъ. Этотъ постъ, какъ справедливо указываютъ крестьяне, „подбирае“ много хлѣба. Дѣйствительно, въ огородахъ въ это время не бываетъ другихъ вызрѣвшихъ овощей, кромѣ лука, а рабочіе дни стоятъ самые длинные, вызывающіе настоятельную потребность въ усиленномъ питаніи крестьянина. Вообще же въ лѣтнюю страду крестьянинъ ѣстъ 4 раза на дню: за перехваткою, т. е., сейчасъ же послѣ сна, завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ. И вотъ въ Петровъ постъ хлѣбъ да лукъ съ квасомъ составляютъ главную пищу большинства крестьянъ. Успенскій постъ, оторванный, какъ говорятъ крестьяне, хвостокъ отъ Великаго поста, даетъ уже массу растительной пищи, хотя въ это время работы становится меньше и она не такъ изнурительна, какъ во время Петрова поста. Изрѣдка въ постные дни идетъ въ пищу и рыба, но она, понятно, болѣе доступна зажиточнымъ семьямъ. Снетки сушеные, „хохлики“ (мелкіе ерши) и селедки вотъ и вся рыба, которую обыкновенно въ постъ развозятъ по деревнямъ „сельдинники“. Изъ снетковъ варится „снетовица“, а изъ хохликовъ „ершевица.„ Какъ роскошь въ пищѣ, являются селедки. Небогатые крестьяне довольствуются и сельдиннымъ разсоломъ. Его „поджариваютъ“, вѣрнѣе, кипятятъ и затѣмъ уже ѣдятъ, обмакивая въ него хлѣбъ или поливая имъ „картошку“. Самый существенный продуктъ крестьянскаго продовольствія это—хлѣбъ. Однако экономическій разсчетъ, до крайнихъ предѣловъ преслѣдуемый крестьянствомъ, испортилъ здѣсь этотъ главный продуктъ народнаго питанія. Хлѣбъ въ деревняхъ самаго низкаго качества и кромѣ крестьянина едвали кто другой не испортитъ отъ него себѣ желудка. Недоброкачественность этого пищевого продукта зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что муку. идущую на изготовленіе хлѣбнаго тѣста, вездѣ въ деревняхъ, ради экономіи, просѣваютъ черезъ рѣдкое рѣшето. Мука отъ этого содержитъ массу „тростокъ“ (отрубей) и хлѣбъ получается настолько рыхлый, что иногда

разваливается въ печи. Для избѣжанія послѣдняго хлѣбъ мало выпекаютъ, и тогда онъ выходитъ чернаго цвѣта и вязкій. Также портитъ доброкачественность хлѣба примѣсь къ ржаной мукѣ житной, что часто практикуется въ деревняхъ, Здѣсь даже въ сравнительно урожайные годы можно встрѣтить употребленіе и „пушного хлѣба“ или „пушнины“. Такой хлѣбъ получается изъ ржи, не вывѣянной отъ синца и костра, сорныхъ травъ, выростающихъ отъ ничтожнаго до преобладающаго количества среди хлѣбовъ. Костеръ даже далъ названіе изготовляемой въ деревнѣ похлебкѣ „кострухѣ“. Послѣдняя варится изъ „высѣвокъ“ (отрубей) муки, полученной изъ ржи, обмолоченной вмѣстѣ съ костромъ. Изъ хлѣбнаго тѣста пекутъ лепешки подъ названіемъ „кокоръ“ и „сотни“ или „сочи“, т. е., пирожки съ разного рода начинкою. Сотни подаются къ столу исключительно на поминкахъ по „упокойшемъ“. Изъ печенаго хлѣба въ постные дни готовятся особыя блюда: рахманка и тюря или тюпка. Для приготовленія рахманки хлѣбъ крошатъ въ воду, даютъ ему нѣсколько скиснуть и затѣмъ подливаютъ постнаго масла. Тюря или тюпка отличается отъ рахманки болѣе скорымъ приготовленіемъ: въ воду крошатъ хлѣбъ, наливаютъ туда постнаго масла, и тюря готова. Послѣ ржаного хлѣба на первомъ планѣ въ крестьянскомъ продовольствіи стоятъ другія хлѣба: овесъ и жито (ячмень). Житная и овсяная крупы идутъ для изготовленія похлебокъ. Изъ житныхъ крупъ варится „кашица“, т. е., супъ, а также, при подливкѣ молока, „заливаха“. Изъ овсяной муки готовятся смакуемые крестьянствомъ кисель и толокно. Толокно мѣшаютъ съ постнымъ масломъ и прибавляютъ воды или до образованія похлебки, или до полученія густого тѣста, изъ котораго запросто руками выжимаютъ „бычки“. Изъ жита готовится солодъ, который вмѣстѣ съ овсяною мукою идетъ для приготовленія сладкихъ блюдъ: „цѣжей“ и „опары“. Для приготовленія простого „цѣжа“ берется не отсѣянная отъ отрубей овсяная мука и

разбавляется холодною водою, а затѣмъ смѣсь эта „проливается“ (процѣживается) черезъ „подситокъ“ (частое рѣшето). Сладкій „цѣжъ“ варится изъ „пшенной“ (пшеничной) муки, овсяныхъ высѣвокъ и солода. Эта смѣсь также „проливается“ для очищенія черезъ частое рѣшето. Цѣжъ ѣдятъ съ киселемъ или съ овсяными, гороховыми или житными лепешками. Другое дессертное блюдо это „опара“. Для ея приготовленія „замѣшиваютъ“ солодъ съ ржаною мукою и смѣсь оставляютъ стоять до слабой закваски. Изъ другихъ пищевыхъ продуктовъ растительнаго происхожденія, идущихъ въ пищу у крестьянина, нельзя не указать на горохъ и гречу. При этомъ только нужно замѣтить, что въ питаніи крестьянства эти продукты не играютъ существенной роли и служатъ, какъ огородныя овощи, только подспорьемъ къ однообразно тяжелой крестьянской пищѣ. Изъ гороха варятъ въ деревняхъ похлебку подъ названіемъ „глазуха“. Изъ гороховой муки приготовляютъ „гороховую кашу“, вѣрнѣе, кисель. Гречневую кашу варятъ въ деревняхъ не особенно часто. Это зависитъ отъ того, что гречневую крупу крестьянину приходится большею частью покупать, такъ какъ греча можетъ произростать не на всякой почвѣ. Кашу изъ гречневыхъ крупъ варятъ больше жидкую, чѣмъ густую. Къ столу любятъ подавать кашу „стульчиками“ или кашу „червячками“. Каша „стульчиками“ это нарѣзанная на мелкіе кубики гороховая густая холодная каша, а каша „червячками“ тоже гороховая, но только протертая черезъ рѣшето. Изъ огородныхъ овощей главную роль играетъ картофель, а затѣмъ по частотѣ употребленія идутъ: огурцы, капуста, свекла и рѣдька. Растертый вареный картофель идетъ обыкновенно въ начинку для пироговъ, а также для приготовленія „мокалки“. Послѣдняя состоитъ изъ растертаго картофеля, который размѣшивается съ молокомъ. Эту мокалку ѣдятъ, обмакивая въ нее хлѣбъ или лепешки, выпекаемыя изъ разнаго сорта муки. Огурцы, какъ и капуста, въ пищу идутъ обыкновенно соле-

ные. Свѣжіе огурцы идутъ въ „холоднину“. „Холоднина“ это окрошка, приготовляемая на квасѣ изъ нарѣзанныхъ на кусочки огурцовъ и рубленнаго мяса, иногда и яицъ. Изъ „ботвы“ (листьевъ) свеклы приготовляется всѣмъ извѣстная ботвинья, которая въ деревняхъ въ большомъ ходу во время Петрова и Успенскаго постовъ. Говоря о крестьянскомъ столѣ, нельзя обойти молчаніемъ самаго акта принятія пищи крестьянствомъ. Знакомство съ этимъ актомъ весьма полезно было бы для всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя, часто только въ силу привычки, торопятся при ѣдѣ, проглатывая подчасъ непережеванными и большіе пищевые куски. Патріархальность крестьянской жизни повсемѣстно оттѣнила актъ ѣды, какъ наисущественную жизненную процедуру. Принимаясь за пищу, какъ за даръ Божій, каждый деревенскій ѣдокъ обязательно моетъ себѣ руки, молится Богу и затѣмъ уже садится за столъ и берется за „хлебальную“ ложку. Ѣдятъ изъ общей „посудины“, избѣгая разговора и при всемъ этомъ крайне медленно. „Хлебальная“ деревянная ложка, обыкновенно довольно почтенной емкости, и сама по себѣ замедляетъ ѣду, такъ какъ въ такой ложкѣ, какъ сдѣланной изъ плохого проводника тепла, похлебка долго держится горячею. Послѣ ѣды, если крестьянинъ и знаетъ отдыхъ, то это бываетъ въ длиный рабочій день. Послѣ второй „упряжки“ (лѣтній день дѣлится на три упряжки), то-есть, послѣ обѣда, чтобы вмѣстѣ дать поѣсть и лошади, пахарь иногда позволяетъ себѣ вздремнуть.

III.

Въ своемъ разсказѣ я остановился на томъ, что сотчиха, безъ долгихъ упрашиваній согласилась принять меня на столъ. За продолжительную и колотливую дорогу, по которой пришлось мнѣ тащиться въ селеніе, я успѣлъ порядочно „смодѣть“, то-есть, сильно проголодался и поэтому былъ несказанно радъ, когда сотчиха на моихъ глазахъ принялась

наставлять небольшой ярко-начищенный „самогрѣй“. Быстро справившись съ этимъ дѣломъ. она принялась за варку яицъ. На „ошесткѣ“ огромной русской печи помѣстила таганъ. поставила на него чугунокъ. налила въ послѣднiй воды и опустила нѣсколько яицъ, принесенныхъ откуда-то изъ сѣней. Затѣмъ накидала подъ таганъ нѣсколько кусковъ бересты, надранной съ полѣньевъ, и мелкихъ щепокъ. Все это было зажжено и быстро затрещало и зашипѣло. Охватываемая пламенемъ, береста ежилась и свертывалась, какъ живая. Небольшой столъ, у котораго я сидѣлъ, сотчиха накрыла груботканною скатерью и наставила на него разнокалиберныхъ стакановъ, тарелку съ толстыми ломтями хлѣба, блюдечко съ масломъ, сахарницу съ отбитыми краями и деревянную солонку. Мое угощенiе должно было совпасть съ обычнымъ чаепитiемъ, замѣнявшимъ ужинъ у моего фельдшера, который, какъ уже сказано, столовался у сотчихи, Дѣйствительно, онъ какъ разъ явился къ самовару и вмѣстѣ съ сотскимъ. Приказавъ женѣ „живо“ зажечь свѣчку, сотскiй познакомился со мною. Фигура и манера держаться, несомнѣнно, обличала въ немъ отставного воина. Одѣтъ онъ былъ въ темнаго цвѣта полукафтанъ, обшитый по „вороту“ и обшлагамъ шерстянымъ, желтаго цвѣта, „бразументомъ“. Это былъ старикъ лѣтъ 60, невысокаго роста, сухощавый, съ выстриженною подъ гребенку сѣдою головою и бритымъ подбородкомъ, принесшимъ ему неблагосклонную деревенскую кличку „скобленое рыло“. Выраженiе лица старика и въ особенности его неподвижныхъ сѣрыхъ глазъ было суровое и „угримое“. Вдвоемъ съ фельдшеромъ, каждый съ полученнымъ отъ сотчихи „утиранникомъ“, усѣлись мы за столикъ и принялись за закуску. Сотскiй сталъ помогать хозяйкѣ. Онъ не замедлилъ угостить насъ водкою, которую, въ количествѣ полъ бутылки, притащилъ откуда-то изъ за перегородки. Водка была темнаго цвѣта.

— Съ дорожки, ваше благородіе, согрѣться не мѣшаетъ, подчивалъ старикъ, наливъ намъ по настоящей „капитанской“ рюмкѣ. Я глотнулъ и не могъ не сморщиться: водка оказалась очень крѣпкой и горькой.

— Что, ваше благородіе, водка—то, должно быть, забористая?—усмѣхнувшись спросилъ сотскій, увидя мое стянутое лицо.—Самъ, вотъ, къ монополькѣ не могъ привыкнуть, такъ къ бальзаму пріучился. У насъ онъ настоящій, рижскій, только его спиртомъ маленько развожу.

За чаемъ, за который насилу усадили мы и своихъ хозяевъ, завязался у насъ общій разговоръ про деревенскую злобу дня—про эпидемію сыпной горячки. Вымуштрованный въ многолѣтней суровой школѣ военной дисциплины, сотскій, въ противоположность моему фельдшеру, видѣлъ въ мужикѣ разнузданнаго человѣка и не понималъ, почему это такъ „утруждаетъ“ себя начальство, что обращаетъ такое вниманіе на крестьянство, „необарзованность“ котораго происходитъ отъ одного его упрямства.

— Вотъ, видите-ль, намедни на деревню еще книжекъ даромъ выслали! А гдѣ теперь, извольте спросить, энти книжки? Они, мошенники, ихъ на цыгарки жгутъ! Самъ, какъ Богъ святъ, не разъ видѣлъ. Ну, чтожъ энто такое? Одна грубость супротивъ начальства! — горячился сотскій, выставляя фактъ, объяснявшій въ его глазахъ разнузданность и своеволіе крестьянина. Незадолго до моего пріѣзда въ деревню, земская управа, дѣйствительно, выслала сюда брошюры, содержащія описанія заразныхъ болѣзней. На высылку такихъ книжекъ управа, конечно, смотрѣла какъ на одну изъ мѣръ противъ распространенія повальной болѣзни. Послѣдующее продолжительное мое скитаніе по деревнямъ не разъ давало мнѣ возможность убѣдиться, что смотрѣть на снабженіе недужнаго крестьянскаго населенія разнаго рода брошюрами медицинскаго содержанія, какъ на мѣру противъ распространенія разнаго рода заболѣваній или какъ средство, могущее улучшить

санитарное состоянiе деревни, вещь, не имѣющая за собою пока никакого практическаго значенiя. Деревня сама по себѣ не въ состоянiи еще, по своей малограмотности, интересоваться такими книжками, которыя, подчасъ на десяткахъ страницъ, трактуютъ о такой скучной матерiи, какъ напримѣръ. объ уходѣ за груднымъ ребенкомъ. Мнѣ часто приходилось имѣть дѣло съ деревенскимъ грамотѣемъ. Онъ пока осиливаетъ небольшiе разсказы, и на свои деньги если и покупаетъ какiя книжонки, то это больше сказки или житiя святыхъ. Не смотря на то, что деревенскiй грамотѣй въ большинствѣ случаевъ очень плохъ въ механизмѣ чтенiя, тѣмъ не менѣе деревенскiй обыватель большой охотникъ послушать. Эта черта любознательности деревенскаго обывателя помогла ревнителямъ народнаго просвѣщенiя усмотрѣть, думается, очень важный путь для внесенiя въ крестьянскую массу разнаго рода знанiй. Я говорю объ устройствѣ въ деревнѣ народныхъ чтенiй или бесѣдъ. Конечно, эти чтенiя должны вестись не урывками, а непрерывно, т. е., должны быть строго организованы и отданы въ руки той интеллигенцiи, которой уже довѣряетъ деревня, т. е., въ руки народныхъ учителей. Путемъ систематическихъ чтенiй возможно насажденiе въ народѣ свѣдѣнiй и по медицинѣ съ гигiеною, которую такъ упорно не признаетъ деревня.

IV.

Было около восьми часовъ вечера, когда я вмѣстѣ съ фельдшеромъ распрощался съ сотскимъ и его „супружницею“, пожелавъ имъ спокойной ночи. На улицѣ было темно; солнышко уже закатилось, дѣйствительно, за лѣсъ. Мы быстро дошли до училища и, не зажигая огня, улеглись спать — я въ комнатѣ учителя, а фельдшеръ въ классной комнатѣ на сдвинутыхъ партахъ. Часа, должно быть, четыре проспалъ я крѣпкимъ сномъ, какъ внезапно былъ разбуженъ сильнымъ стукомъ въ наружную училищ-

ную дверь. Слышно было, какъ поднялся фельдшеръ и скрипнула дверь. Я не замедлилъ вытти къ фельдшеру, который со свѣчкою въ рукахъ вяло копошился около походнаго аптечнаго ящика. Въ комнатѣ находилась дѣвушка. Она была въ „набойникѣ“, безъ платка и босикомъ. Видно было, что она поспѣшила къ намъ и не успѣла, какъ слѣдуетъ, одѣться. Увидя меня, она, какъ камень, „пекнула“ мнѣ въ ноги, прося поспѣшить къ ея умирающему брату. Я быстро собрался. Со мною пошелъ и фельдшеръ, захватившій съ собою походную аптечку. „Обмывшійся молодикъ“ (такъ крестьяне называютъ новолуніе, въ началѣ котораго, по ихъ примѣтамъ, бываетъ всегда дождь) холоднымъ свѣтомъ обливалъ землю; въ воздухѣ висѣла сырость, сгустившаяся надъ прорѣзавшимъ деревню ручейкомъ въ туманъ; изрѣдка набѣгавшій вѣтерокъ опахивалъ насъ холодомъ. Мы быстро шагали за дѣвушкой, которая проворно обводила насъ около лужъ, безпрестанно попадавшихся на пути. Наконецъ, уже на окраинѣ деревни, достигли мы избы, гдѣ находился умирающій больной. Отворивъ калитку, дѣвушка впустила насъ на грязный скотный дворъ, откуда по расшатаннымъ ступенямъ крутой лѣстницы влѣзли мы въ сѣни и ощупью отыскали дверь въ избу. Насъ охватилъ вонючій, спертый воздухъ. Керосинная жестяная лампочка безъ „пузыря“ (стекла) сильно чадила и скудно освѣщала жалкую „нутренность“ избы. Въ углу, головою къ „божницѣ“, заставленной закоптѣлыми образами, лежалъ больной, накрытый рваною шубенкою. Широкая перина, на которой онъ лежалъ, постлана была частью на пристѣночной лавкѣ, частью на узенькой скамейкѣ, и значительно свѣшивалась черезъ послѣднюю. На лавкѣ, въ ногахъ больного, сидѣла необыкновенно худенькая старушка, съ лицомъ, сморщеннымъ, какъ печеное яблоко. У изголовья больного стояла его мать, поразившая меня колоссальностью своей фигуры. Отсутствіе какихъ бы то ни было признаковъ таліи, широкая спина, толстая выпуклая

мускулатура оголенныхъ до плечъ рукъ и грубый грудной голосъ—все это вмѣстѣ затемняло въ бабѣ всякую женственность и говорило только за присутствіе въ ней значительной физической силы. Кромѣ этихъ бабъ да дѣвушки, приведшей насъ, въ избѣ находилось два мужика и нѣсколько ребятъ. Но всѣ они спали невозмутимымъ сномъ частью на огромной русской печи, частью за пологомъ, отдѣлявшимъ небольшой уголъ избы, гдѣ находились нары. Испаренія изъ огромной лохани, гдѣ за продолжительное время копятся разные хозяйственные отбросы, отъ обуви и заскарузлыхъ портянокъ, сушившихся у печи, и „хлѣбный духъ", распространяемый уснувшими, настолько портили воздухъ, что, съ непривычки, начинала кружиться голова. Я велѣлъ бабѣ открыть оконную форточку. Но она наотрѣзъ отказалась это сдѣлать. Однако, когда я по этому хотѣлъ уйдти, она согласилась пріотворить но только входную дверь. Больной „блажилъ" (бредилъ) и въ бреду часто принимался кого то отъ себя отталкивать рукою прочь. Всякій разъ какъ это онъ продѣлывалъ, мать приставала къ нему и, не понимая въ чемъ дѣло, уговаривала его перекреститься.

— Васенька, родненькій, перекрестись... легоше буде! Нѣту туто никово. Перекрестись, золото ты мое!—чуть не басила баба.

Я попросилъ ее угомонится и приступилъ къ осмотру ея сына. Положеніе его было серьезное.

— Покажи-ка мнѣ лекарство, которое тебѣ далъ фельдшеръ,—обратился я къ бабѣ, желая узнать лечитъ ли она больного.

— Да гдѣ ты таперь ему дашь! Ишь, силки-то у него никольки нѣту. Только захленется,—попробовала отдѣлаться отъ меня баба.

— Вотъ, посмотрите, ваше благородіе, какъ она его лечитъ, вдругъ заговорилъ фельдшеръ, показывая мнѣ пару стклянокъ, отысканныхъ имъ гдѣ то на полкахъ за посудою. Стклянки до верху наполнены были лекарствомъ, безъ пробокъ и съ набравшимися туда „киргизами" (тараканами).

— Ты какъ же это, матушка, забираешь у насъ лекарство, а не даешь его больному,—строго обратился я къ бабѣ, которая съ самаго начала недружелюбно посматривала на фельдшера. Она не сразу нашлась что отвѣтить.

— Чего быкомъ то уставилась? То и сказать нечего!—ехидно замѣтилъ фельдшеръ, котораго баба, какъ оказалось, до моего пріѣзда часто оскорбляла самымъ незаслуженнымъ образомъ.

— А, може статься, и давали,—нагло заговорила она. — Кабы настоящее то зелье было, то польга была бы. А то разъ дали, а больному много хуже стало: всѣ умы отшибло. Съ тыхъ поръ, вонъ, блаженный сталъ. Супротивъ эвтой дури одинъ уксусъ и хорошъ, да вамъ его жаль. Кольки разъ, вонъ, въ него ни просила, сежъ не далъ, - - укоризненно закончила баба.

Я былъ возмущенъ не столько ея грубостью и невѣжествомъ, сколько безчестностью, сказавшеюся въ наглой лжи. Баба вовсе не давала своему больному лекарства. На ея глазахъ фельдшеръ не полѣнился вымѣрить мензуркою содержимое обѣихъ стклянокъ.

Микстуры оказались ничуть не начатыми.

— Зачѣмъ же это, матушка, за нами посылаешь, если не желаешь лечить больного нашими средствами,—снова обратился я къ бабѣ.

— Да посылали, штобъ посмотрѣть пришли. Вы, вотъ, грамотны, такъ сказать могите: выправится ли енъ у насъ али нѣтъ? Лучше-бъ ужъ одинъ конецъ, а то, вонъ, все такъ мается уже вторую недѣлю, – былъ ея отвѣтъ.

Въ этой бабѣ не замѣтно было хотя бы и наружныхъ признаковъ материнскаго чувства, т. е., чувства любви къ своему ребенку. Чувство это, какъ я замѣчалъ, у крестьянки исходитъ не изъ нѣжнолюбящихъ глубинъ материнскаго сердца, а лежитъ здѣсь болѣе поверхностно, пробиваясь всегда неудержимо наружу при всѣхъ даже относительно

маловажныхъ случаяхъ, напримѣръ, при проводахъ на службу сына новобранца.

Сурово проведенная юность съ вѣчными потасовками и подзатыльниками со стороны старшихъ, тяжелыя лишенія, безпрерывныя работы дома и на полѣ и частое дѣторожденіе — вотъ причины, сильно тормозящія совершенствованіе духовной природы крестьянки. Ея облагороженію мѣшаетъ еще медленно исчезающій взглядъ родителей, удерживающій деревенскую дѣвочку вдали отъ школы. „Жаль только когды маются, а умерли и Христосъ съ ними“, нерѣдко приходилось мнѣ слышать, какъ выраженіе материнскаго чувства, отъ бабъ, приносившихъ ко мнѣ для осмотра своихъ изнуренныхъ дѣтей, которыя мрутъ по деревнямъ, какъ мухи осенью, и смерть которыхъ ни мало не волнуетъ крестьянской семьи. Баба, позвавшая меня къ своему больному, видимо, сдѣлала это, чтобы услышать отъ меня прогнозъ его болѣзни. Безъ сомнѣнія, она думала услышать отъ меня о безнадежномъ состояніи сына. А такъ какъ въ летальныхъ случаяхъ деревня увѣренно твердитъ одно: „отъ смерти не отворожишь“, то и мать нашего больного, быть можетъ, желала найти себѣ оправданіе въ томъ, что отказывалась отъ леченія сына, какъ безнадежнаго больного. Съ другой стороны мой вызовъ къ больному, быть можетъ, необходимъ былъ грубой бабѣ для того, чтобы и предъ деревнею не разъ „потужить“ о томъ, что и „дохторь былъ вызванъ, а померъ сынокъ, какъ ни тѣшили его“. Относительно прогноза, само по себѣ только вѣроятнаго, я не счелъ нужнымъ что либо сказать бабѣ и, вопреки ея желанію, не могъ оставить больного безъ лекарства. Концомъ смоченнаго въ водѣ полотенца освѣжилъ спекшіяся губы больного, очистилъ отъ густого налета языкъ и затѣмъ поднесъ больному холодной воды. Онъ свободно ее глоталъ, а также свободно могъ выпить и лекарство, составленное вновь фельдшеромъ. Такъ какъ больной былъ очень слабъ, то я подумалъ о такомъ возбуждающемъ средствѣ, какъ

водкѣ, которую раньше приходилось мнѣ давать въ тяжелыхъ случаяхъ деревенскимъ больнымъ. Они ее всегда принимали охотно.

— Нельзя ли у васъ какъ достать водки?—обратился я поэтому къ матери больного. Она сидѣла теперь у ногъ его и была, конечно, свидѣтельницею, какъ онъ свободно пилъ и воду, и лекарство. Огромная фигура бабы совершенно задвигала собою старушенку, которая также сидѣла въ ногахъ больного и бодрствованіе которой было для меня совершенно непонятно. На мой вопросъ баба поднялась съ мѣста и куда дружелюбнѣе, чѣмъ въ началѣ моего прихода, отвѣтила:

— Може статься, и найду. Давечъ наши сусѣда шибко угощали: дешево землю уступилъ. Ладе въ Питеръ уходить.

Съ этими словами баба начала шарить подъ скамейкою около стола, стоявшаго въ углу, направо отъ выходной двери. Но, не найдя тамъ нужнаго, вышла въ сѣни. Недолго пришлось ее ждать. Она явилась съ четвертною бутылью, которую поднесла мнѣ чуть не къ самому носу. Въ бутылѣ, на ея конусообразномъ днѣ, колыхалось съ полстакана водки.

— Вонъ, и всего тута! Вамъ, въ чашечку, што-ли, налить?—спросила баба, полагая, быть можетъ, что водку выпросилъ я для себя.

— Лей, вонъ, сюда, — подставилъ я бабѣ мензурку. Баба налила. Съ водкою я подошелъ къ больному и сталъ давать ему. Небольшими порціями онъ выпилъ свободно съ полъ мензурки „простяка". Увидя это, баба вдругъ же что ошалѣла. Ея отношеніе къ намъ сдѣлалось теперь по причинѣ, сразу не понятой мною, открыто враждебнымъ и проявилось въ крикливыхъ угрозахъ „найтить на насъ судъ". Попытки мои успокоить бабу были напрасны. Оказалось, что она „стращала" насъ судомъ по той простой причинѣ, что я, какъ бы въ насмѣшку, на-

поилъ водкою умирающаго больного. Послѣ всего этого мнѣ не оставалось ничего больше, какъ уйти. Съ затяжелѣвшею отъ спертаго воздуха головою я направился къ выходу. За мною слѣдовалъ фельдшеръ, вмѣсто прощанья замѣтившій бабѣ: злой человѣкъ черезъ Бога лѣзетъ.

— Сами то черезъ Бога лазите, — кричала она за нами вслѣдъ.—Ишь, человѣкъ на Божьей ладони сидитъ, а оны виномъ еще вздумали его поить. Коль хорошо эвто выде, ежели енъ таперь помре да пьянымъ представится Господу-Богу, это были послѣднія слова бабы, выяснявшія причину ея возбужденія. Ощупью спустились мы съ сѣней и вышли на улицу. Со всѣхъ сторонъ слышался собачій лай и усердно перекликались, по опредѣленію фельдшера, „вторые пѣтуны", т. е., было около двухъ часовъ за полночь. Молча дошагали мы до училища. Въ потьмахъ пробрался я въ свою комнату и, полураздѣвшись, бросился въ кровать. Я не могъ уже разсчитывать на возвращеніе ко мнѣ того крѣпкаго освѣжающаго сна, который въ своемъ началѣ былъ нарушенъ вызывомъ меня къ больному. Вплоть до разсвѣта я, что называется, промаялся въ полудремотѣ на своемъ ложѣ, которое къ тому же немилосердно стонало и скрипѣло при каждомъ моемъ поворотѣ, рѣзко нарушая полное безмолвіе учительской комнаты. Для наступленія спокойнаго сна необходимо спокойное состояніе духа. Но я былъ взволнованъ только что пережитымъ, представлявшимъ одну изъ самыхъ тяжелыхъ сценъ народнаго невѣжества въ цѣломъ ряду тѣхъ, которыми такъ богатъ былъ первый и самый короткій день моего пребыванія въ деревнѣ. Этотъ первый день, дѣйствительно, выставилъ мнѣ одну серію картинъ только грустныхъ и не показалъ мнѣ ничего такого, что ободряло бы меня въ предстоящей моей работѣ. Только что закрывшаяся сцена при постели тяжко больного долгое время возобновлялась въ моемъ представленіи и вызывала во мнѣ печальныя мысли какъ о деревенскомъ жихарѣ, такъ и о полезности

предстоящаго моего труда въ деревнѣ. Въ этомъ жихарѣ я увидѣлъ дикаря, а въ своемъ врачебномъ трудѣ нулевой итогъ. Въ такомъ однообразномъ направленіи тянулись мои мысли вплоть до разсвѣта, который привѣтливо началъ озарять мою комнату и съ наступленіемъ котораго я утомился и уснулъ.

V.

Проснулся я въ 8 часовъ утра. Въ другой половинѣ школьнаго помѣщенія меня уже ожидалъ фельдшеръ, чтобы отправиться на чаепитіе къ сотчихѣ. Ни чуть не „мѣшкая", мы вышли на улицу. Обычная жизнь царила въ деревнѣ. Босоногіе, донельзя грязные, ребятишки виднѣлись по-всюду вмѣстѣ съ домашнею птицею; въ разсадникахъ, обнесенныхъ частымъ тыномъ и пуками соломы „козломъ" ходили бабы или, высоко „подторкавшись", таскали воду; разъ другой встрѣчались мужики, уѣзжавшіе въ поле на лошадяхъ, впряженныхъ въ сохи и въ плуги, насаженные на „волочки". Главное же оживленіе было у водоемовъ: на берегу ручейка и у общественнаго колодца. Поставленный у послѣдняго высокій „журавъ" съ поперечнымъ брусомъ, вращающимся въ его вилообразно расщепленномъ верхнемъ концѣ, постоянно приходилъ въ движеніе и съ скрипѣніемъ тянулъ бадью, соединенную цѣпью съ брусомъ, изъ глубины колодца. Здѣсь вся публика состояла изъ ребятишекъ и бабъ, которыя стояли кучками и не особенно-то „туровились" таскать воду. Разнаго рода водоемы — это сборное мѣсто деревенскихъ сплетницъ, изъ которыхъ состоитъ чуть не вся деревня. Въ внѣрабочее время у бабы, дѣйствительно, нѣтъ другого развлеченія, какъ „поляскотать" съ сосѣдкою, а у мужика—побывать въ кабакѣ. Деревенская баба, какъ она вышла изъ подъ моего наблюденія, несравненно грубѣе и невѣжественнѣе мужика: она тщательно собираетъ и старается удержать въ своей памяти ту тьму-тьмущую предразсудковъ и суевѣрій, которыми

пронизана домашняя жизнь крестьянина. Въ тенетахъ этихъ предразсудковъ баба крѣпко держитъ всю семью и отъ главы ея, какъ бы въ награду за такую домашнюю дисциплину, научается еще тупоумно и безъ стѣсненія браниться и пускать въ ходъ кулаки, доказывая ими свою правоту, вразумляя своихъ и чужихъ дѣтей и защищаясь отъ оскорбленій деревенскихъ сосѣдокъ. На пути къ сотскому ко мнѣ пристали двѣ женщины, уже зная, что я „дохторь“, и прося поэтому „придтить оглядѣть“ ихъ больныхъ.

Напившись чаю съ горячею „кокорою“, испеченною сотчихою изъ ржаной хлѣбной опары, я отправился вмѣстѣ съ фельдшеромъ по больнымъ, обходъ которыхъ сотчиха упросила меня „прикончить“ къ обѣду, назначенному въ три часа. Первая отмѣченная флагамъ изба, къ которой подвелъ меня фельшеръ, выглядывала убогой и жалкой лачугой. Одинъ изъ угловъ ея передняго фасада совершенно „струпёрхъ“ (искрошился), отъ чего избенка значительно накренилась на бокъ. Неискусно настланная соломенная крыша въ многихъ мѣстахъ была обнажена, по всей вѣроятности вѣтромъ, до стропилъ; два „звена“ (стекла) въ крошечной рамѣ были выбиты и отверстія заткнуты паклею, остальные же два были, если не грязны, то очень плохого качества. Прилегавшій къ избенкѣ небольшой скотный дворъ, срубленный изъ тонкихъ бревешекъ, сквозилъ вездѣ черезъ длинныя „швелки“ (щели); крыши на немъ не было никакой, и только въ одномъ углу на жидкихъ стропилахъ висѣло нѣсколько соломенныхъ пучковъ. Небольшая съ улицы дверь вела прямо на скотный дворъ. Я отворилъ ее и наткнулся на исхудалаго теленка, который пытался обнюхать меня своимъ влажнымъ носомъ. Со двора въ избу вела другая дверь. Черезъ нее, наклонившись, какъ возможно, низко, мы попали въ избу. Изба была по „черному“, то-есть, отоплялась печью, неимѣвшей вовсе дымовой трубы, Стѣны и бревенчатый потолокъ покрыты были гу-

стымъ глянцевитымъ слоемъ сажи. Печь, помѣщенная сейчасъ-же при входѣ справа, занимала, какъ и вездѣ въ крестьянской жилой избѣ, четверть всей площади пола и оказалась сильно натопленною. На полусгнившемъ полу, въ товариществѣ съ поросенкомъ, гладкимъ, точно выбритымъ, сидѣлъ съ краюхою хлѣба необыкновенно исхудалый ребенокъ, лѣтъ такъ четырехъ, въ одной ситцевой рубашонкѣ, до того загрязненной, что, какъ говорятъ въ деревнѣ, на ней „не видать цвѣтковъ".

— Здравствуйте!

— Подь, подь, желанный,—поздоровалась съ нами краснощекая баба, занятая пряжею.

— Что-жъ это вы поросятъ въ избѣ держите?—спросилъ я бабу.

— Такъ гдѣ-жъ по твоему держать?!—Рази не видишь, что енъ выложенъ. Намедни, только всего и выклали, такъ, вонъ, опасаемся еще выпустить: не стряслось бы чаво,—отвѣтила баба. На видъ ей можно было дать лѣтъ тридцать. Широкая въ плечахъ, съ высоко поднятою грудью, выпуклою мускулатурою голыхъ рукъ, широкимъ свѣжимъ лицомъ и крупными бѣлыми, какъ снѣгъ, зубами, баба представляла собою образчикъ полнаго здоровья. Одѣта она была въ ситцевый сарафанъ „сбѣжавшей краски" или, попросту, полинялый. Вся ея фигура дышала спокойствіемъ и ничуть не гармонировала съ той окончательной бѣдностью, какая царила въ избѣ и на дворѣ. Баба, какъ выяснилось, была одна изъ самыхъ флегматичныхъ натуръ, не умѣла вовсе вести хозяйства и, давно уже облѣнившись, вмѣстѣ съ своимъ мужикомъ „ѣла хлѣбъ изъ чужой квашни", короче сказать, побиралась. Мужъ ея слылъ за „острожника", ежегодно, аккуратно къ веснѣ, пропивалъ деревнѣ свою землю и часто безъ вѣсти на значительное время пропадалъ изъ деревни.

— Гдѣ у васъ здѣсь больные?—спросилъ я бабу.

— Да, эвонка, на печи мальчишечка горитъ, а эвтотъ, ништо себѣ, таперь поправившись и на ули-

цу выходе,— отвѣтила медленно баба, не трогаясь съ мѣста.

— Зачѣмъ это вы больного на печкѣ держите? Ему и безъ того жарко,—замѣтилъ я, развертывая закутаннаго въ разорванную бабью рубаху мальчика, снятаго фельшеромъ съ печки. До нельзя исхудалый, съ пылавшими щечками, ребенокъ слабо стоналъ, медленно открывалъ свои голубенькія „караулки“ и видимо, находился въ безсознательномъ состояніи.

— Да въ насъ и все на печи ребятъ держа. Мы, вишь, люди неграмотны, ничово не вѣдаемъ. Кто что скаже, то и ладно,—отвѣтила мнѣ баба.

— А лекарства давала ребенку?

— Пье, какъ-то неохотно протянула на мой вопросъ баба, продолжая прясть изъ куделины, привязанной къ „личинѣ“, тонкую безпрывную нить. Да только польги съ вашего зелья што-то мало. Все думается, што вы воду даете.

— Чѣмъ вздоръ то нести, ходила-бы, какъ слѣдуетъ, за ребенкомъ. Вишь, онъ у тебя совсѣмъ заброшенъ. Къ головкѣ тряпку съ холодною водою слѣдуетъ прикладывать, училъ я бабу.

— Слыхали мы про эвто. Да боимся все—не сдѣлать бы какъ хуже. Думается, такъ простудить ребенка можно. Они у меня безъ того слабенькія: двойками рожены,—отвѣтила грубая мать.

Фельдшеръ заставилъ ее отыскать ему полотенце. Медленно поворотилась она на узенькой пристѣночной скамьѣ и скинула съ деревянной втулки, вколоченной въ стѣну, небольшое грязное полотенце изъ грубаго холста. Оно пошло на холодный компрессъ для ребенка.

— Неужто ты однимъ хлѣбомъ его кормишь?— спросилъ я бабу по поводу ея второго сынишки, жевавшаго на грязномъ полу краюшку черстваго хлѣба.—Ему молока необходимо давать.

— Молоко, сказываешь?—переспросила баба.— Како-жъ, кормилецъ, у насъ таперь молочко!—Нашу му (корову) хозяинъ барышникамъ продалъ: въ сѣ-

нѣ недостача полная вышла. Ноньма и зима не долгая да ни какъ до весны не дотянуть было. И такая, слышь, сдѣлалась ена негодная и до того отощала, что съ хлѣва за хвостъ выволокли,—разсказала баба про свою неудачу, постигшую ее въ хозяйствѣ. При выходѣ изъ избы, я вмѣстѣ съ фельдшеромъ принялся усовѣщивать бабу повнимательнѣе относиться къ ея близнецамъ, требующимъ, при ихъ тяжеломъ болѣзненномъ состоянiи, хорошаго ухода.

Жаль было глядѣть на два хрупкихъ созданьица, лишенныхъ разумной материнской заботливости и даже самой необходимой для ихъ возраста молочной пищи, которую, къ тому жъ, безъ затрудненiя можно достать въ каждой деревнѣ.

Съ грустнымъ чувствомъ оставилъ я избенку, такъ какъ, конечно, не могъ разсчитывать, что мои увѣщанiя въ загрубѣлой душѣ крестьянки могутъ вызвать необходимо скорое заботливое настроенiе къ двумъ невиннымъ жертвамъ душевной несостоятельности деревни. Отъ этой печальной избенки мы направились къ сосѣдней, близъ стоявшей, хорошей постройкѣ, переднiй уголъ которой начинался высокою избою. Поперечный фасадъ избы съ двумя окнами, украшенными размалеванными ставнями и рѣзными „наличками“, выходилъ на улицу; продольный же и длинный съ четырьмя окнами глядѣлъ на дворъ, отгороженный отъ улицы тесовыми воротами съ калиткою. Крыша избы въ средней своей части была соломенная, а на концахъ съ тесовыми „навѣсами“, значительно выпущенными за фронтоны зданiя. Выходящая на улицу „навѣса“ была съ рѣзною опушкою. Дворъ заваленъ былъ разнаго рода хозяйственными орудiями и принадлежностями и вязанками „хвараста“, прислоненными къ стѣнамъ клѣтей, поставленныхъ продольно жилой избѣ. Какъ разъ по срединѣ хоромъ было крытое входное крыльцо, ведшее въ широкiя сѣни, куда выходили двѣ двери. Я взялъ направо и попалъ въ нежилую бѣлую избу. Дѣйствительно, здѣсь на всемъ лежала

чистота. Досчатые полъ и потолокъ, а также гладко выстроганные стѣны и широкія при нихъ лавки выглядѣли что новыя. Большая русская печка была выбѣлена. Передній уголъ весь увѣшенъ былъ разной величины образами въ „кивотахъ“ и безъ нихъ. Съ боковъ образовъ на стѣнахъ прибиты были лубочныя картины духовнаго содержанія. Кромѣ двухъ большихъ крашеныхъ сундуковъ въ избѣ другихъ вещей не было. Не разъ я „пыталъ“ было воспользоваться такими бѣлыми избами для изолированія тифозныхъ больныхъ, но всякій разъ встрѣчалъ рѣшительный отказъ со стороны хозяевъ, не желавшихъ отводить подъ „боль“ эти свои, такъ сказать, гостинныя, открываемыя только во время большихъ праздниковъ для пріема „роды“ и гостей хозяина.

На противоположной сторонѣ сѣней былъ ходъ въ жилую избу. Эта изба устроена была также „по бѣлому“, т. е., отоплялась бѣлою печью, дымоходъ которой выведенъ былъ на крышу въ видѣ трубы. Русская печь, какъ и вездѣ, занимала четверть избы, помѣщая въ себѣ и на себѣ, при надобности, добрую половину семьи. Русскою печью бабы нерѣдко пользуются какъ банею. Натопятъ такую печь, настелятъ соломы, залѣзутъ туда, захвативъ при случаѣ и больного ребенка, и прѣютъ тамъ, закрывши печное „чело“ заслоною. Въ избѣ, въ которую мы взошли, около русской печи помѣщалась огромная лохань и надъ нею съ потолка свѣшивался глиняный „гилекъ“. Отъ свободнаго угла печи къ окну шла „грядка“ съ натянутою на ней „завѣсою“ изъ „домотканины“. Не смотря на то, что мы находились въ избѣ весьма зажиточнаго жихаря, воздухъ въ ней былъ такой же удушливый и спертый, какъ и въ самой бѣдной бобыльей хатѣ. Загрязненію воздуха, несомнѣнно, сильно способствовала лохань, переполненная разнаго рода хозяйственными отбросами. Изъ-за этихъ лоханей мнѣ постоянно приходилось „здорить“ съ бабами, но ни разу не удалось добиться того, чтобы онѣ не оставляли ихъ до переполненія въ избѣ, а, какъ можно, чаще очищали.

Мы находились въ избѣ, какъ уже сказалъ, богатаго жихаря. На деревнѣ величался онъ „Васильемъ Хомичемъ“ и въ настоящее время лежалъ въ горячкѣ. Хозяйка его рѣзкимъ крикливымъ голосомъ, при самомъ моемъ появленіи въ избѣ, предупредила меня, что нашимъ лекарствомъ она не лечитъ и не станетъ лечить своего больного. Словомъ, баба отказывалась отъ нашей помощи. Въ этомъ заявленіи было хорошаго то, что она не врала. Съ моимъ фельдшеромъ она, видимо, уже раньше не ладила, такъ какъ не замедлила вступить съ нимъ въ полемику, послѣ того какъ онъ сказалъ мнѣ, что своего Хомича она лечитъ банею, молебнами и водицею „изъ стопы Божьей матери на горѣ Почаевской“.

— А въ насъ и все такъ поважено водить больныхъ въ баню. Какъ разожге да разваре ихъ тамо, имъ, смотришь, и полегоше стало. Ей Богу! А отъ твово то зелья сряду польги не услышишь, — затараторила баба, затрогивая фельдшера. Я попросилъ ее повѣжливѣе относиться къ человѣку, который желаетъ ей одного только добра. Баба принуждена была замолчать. Василій Хомичъ лежалъ за „завѣсою“, покрытый двумя шубами, которыя намъ пришлось съ него снять. Онъ лежалъ съ блуждающими, открытыми глазами, однообразно фантазировалъ и перебиралъ пальцами свою „пестрядинную“ рубаху. Онъ былъ въ безсознательномъ состояніи. При осмотрѣ на его волосатой груди я нашелъ какой-то „обшмыганный“ кусокъ бумаги. Я взялъ его. Баба объяснила мнѣ тутъ, что на этой бумажкѣ должна быть написана молитва, которая безъ всякаго зелья спасла уже многихъ больныхъ отъ „неминучей“ смерти. Дѣйствительно, на четвертушкѣ грязной сѣрой бумаги довольно четко, но безграмотно было написано слѣдующее.

Малитва.

„Во имя отца и сына и святого духа. Невзнатко море возмутися пзнедоша изъ него двѣнадцать дѣвъ простовольны праспоясыя Диофа и Чудейфъ и по-

падоша этимъ дѣвамъ три Евангелиста Лука Марка и Иванъ Богословъ. И спросили ихъ что вы за дѣвы. Мы царя Ирлуга дочери. А куда же вы идете. Въ человѣческій міръ къ расы Божій. Ѳомина Василья тело изнурить кости изломать а когда увидимъ или услышимъ сей списокъ то неоглетко побѣжимъ отъ рабы Божій Василья. Взяли эти евангелисты дубцовъ и били ихъ позаразъ. Аминь".

До моего пріѣзда въ деревню, фельдшеръ довольно часто находилъ эту „малитву" при больныхъ. Мнѣ же она попала здѣсь въ первый и послѣдній разъ. Деревенское суевѣріе приписывало ей цѣлебную силу, какъ принесенной въ деревню какимъ-то странникомъ, какъ гласила молва, прямо съ Св. Афона. Этотъ странникъ еще разносилъ по деревнямъ для продажи воду „изъ стопы Божьей матери на горѣ Почаевской". Такъ по крайней мѣрѣ значилось на клеймѣ самой стклянки, которую мнѣ удалось пріобрѣсти въ одной избѣ. Осмотрѣвъ „Хомича", я приказалъ фелıдшеру приготовить карболовый растворъ, чтобы нѣсколько обезвонить крайне тяжелый воздухъ избы. О настоящей дезинфекціи пока нечего было и думать.

— Будьте вы такіе добренькіе, оставьте вы его въ покоѣ. Богъ дастъ, отлежится енъ. Ишь, болѣсть его снотлива. Вонъ, молебенъ закажемъ, вся дурость съ него выскоче,—заговорила баба, встревоженная тѣмъ, что фельдшеръ, для приготовленія дезинфекціоннаго раствора, потребовалъ воды и сталъ рыться въ походной аптечкѣ.

— Немножко, вотъ, въ избѣ побрызгаемъ, а то воздухъ ужъ очень тяжелъ,— замѣтилъ я бабѣ, желая разсѣять ея опасенія въ томъ, что мы намѣрены „ворожить" ея мужа.

— И Бога-то не боятся,—при моихъ словахъ неожиданно взвизгнула баба и опрометью, зажавши себѣ носъ, выскочила вонъ изъ избы.—Сами-то распущають благой духъ, хошь въ избу не входи: закружденіе бере,—донесся еще изъ-за полуотворенной двери ея злой и опасный укоръ по нашему

адресу. Я принужденъ былъ выйти въ сѣни, чтобы успокоить задорную бабу. Но ея тамъ уже не было.

Покропивши растворомъ карболки избу, мы вышли вонъ и направились къ слѣдующей зараженной избѣ. Она стояла въ концѣ узкаго прогона и ничѣмъ не отличалась отъ большинства крестьянскихъ избъ средней руки. „Насупротивъ" избы стояли двѣ клѣтушки, „промежъ" которыхъ помѣщалась пуня, свободная отъ сѣна и просвѣчивающая черезъ свою плетеную изъ прутьевъ заднюю стѣнку. Вдоль клѣтушекъ съ пунею, подъ самой ихъ кровлей, „прилаженъ" былъ длинный шестъ съ надѣтымъ на него кольцомъ, скрученнымъ изъ ивовыхъ „прутовъ". Это кольцо на длинной веревкѣ таскалъ за собою взадъ и впередъ огромный „псе", встрѣтившій насъ грознымъ лаемъ. Безъ сторожевой собаки нельзя найти ни одного двора. Крестьяне держатъ собакъ исключительно „злющихъ" и охотно покупаютъ ихъ отъ цыганъ, будто бы исключительныхъ знатоковъ тонкой дрессировки этихъ животныхъ для сторожевой службы. Самыя злыя и, значитъ, самыя хорошія собаки, по увѣренію крестьянства, выходятъ только изъ тѣхъ щенковъ, у которыхъ небо черной окраски или въ темныхъ пятнахъ. Этимъ признакомъ и пользуется деревенскій хозяинъ, желая выростить хорошаго сторожевого пса. Дверь въ избу, къ которой подвелъ меня фельдшеръ, была со скотнаго двора, куда съ улицы вели ворота и калитка. Отворивъ послѣднюю, по вязкому глубокому навозу прошли мы къ лѣстницѣ, по которой поднялись на „рундукъ", то-есть, небольшую площадку передъ входомъ въ сѣни. Здѣсь невозможно было открыть глазъ изъ-за ѣдкаго дыма, клубами вырывавшагося изъ открытой двери избы. Съ невольными слезами на глазахъ шмыгнулъ я въ избу и помѣстился у окошка въ намѣреніи его открыть. Но какъ въ немъ, такъ и другомъ, рамы были наглухо задѣланы. Удалось окрыть только единственную форточку. Въ избѣ находились двѣ бабы: одна среднихъ лѣтъ, другая старуха. Обѣ

продолговатое, съ спавшеюся кожею, лицо было влажно отъ пота, который „горохомъ" струился по всему тѣлу и вымочилъ, какъ дождемъ, его растегнутую пестрядинную рубаху. Онъ былъ въ полномъ сознаніи, но настолько „ветхій", что съ большимъ трудомъ могъ проговорить мнѣ нѣсколько словъ, указавъ на тугость своего слуха. Предо мною былъ больной, который только что перенесъ кризисъ горячки. Сыпная горячка оканчивается критически, т. е. внезапнымъ паденіемъ температуры. Здѣсь кризисъ произошелъ въ прошедшую ночь, такъ какъ наканунѣ днемъ мой фельдшеръ видѣлъ больного еще въ горячечномъ состояніи.

— Сынъ твой теперь поправляется. Бояться за него ужъ нечего,—обратился я къ бабѣ, готовой каждую минуту прослезиться. Бѣдная женщина, видимо, вдостоль истрадалась за продолжительную болѣзнь сына, единственнаго кормильца. Двѣ томительныхъ недѣли она не могла найти себѣ покоя, бросаясь безпрестанно, какъ говорятъ въ деревнѣ, „то къ богамъ, то къ волхвамъ".

— Скоро на ноги встанетъ, указалъ я на больного.

— Твои бы слова да Богу въ уши! Ишь, што жердочка сдѣлавшись! Соломенка грузна-ль, а и той, кажись, не поднять таперь моему ненаглядному дѣтенку. Ишь, вѣдь какая дурь! Кабы ее таперь поймать да въ землю глубоко закопать! Сколько ена таперь бѣдъ по народу понадѣлала,—тужила баба, видимо успокоенная мною и развивая свою словоохотливость.

— Горячка—болѣзнь весьма заразительная. А у васъ въ деревнѣ развѣ ее остерегаются? Ни чуть. Вотъ и пошла гулять по деревнѣ,—не упустилъ я и здѣсь случая, чтобы не объяснить деревенской обывательницѣ причину распространенія горячки.

— Съ Божьяго произволу! За наши грѣхи ена намъ послана,—какъ и нужно было ждать, отвѣтила и эта обывательница, слѣпо покорная одной только судьбѣ.

Преподавъ бабѣ совѣты какъ и чѣмъ слѣдуетъ кормить выздоравливающаго больного, я оставилъ избу, напутствуемый самыми щедрыми бабьими пожеланіями. Слѣдующая отмѣченная флагомъ изба стояла на обрывѣ ручейка и глядѣлась въ него однимъ изъ своихъ короткихъ фасадовъ. Вся постройка со стороны улицы обсажена была молодыми березками, раскинувшими почки. Изба была новая, пятистѣнная. Къ этому, какъ крестьяне называютъ пятистѣннику сбоку, со стороны улицы, пристроенъ былъ длинный корридоръ, изъ котораго въ жилыя избы вели двѣ двери. Черезъ первую попавшуюся дверь попали мы въ довольно просторную и чистую комнату. Здѣсь лежала больная дѣвушка, лѣтъ такъ двадцати. Лежала она около окна, свѣсивъ голову за край высокаго постельника. Ея распущенная мокрая коса касалась пола. Дѣвушка была въ безсознательномъ состояніи. Въ избѣ, кромѣ этой больной, находилась дѣвочка лѣтъ 7—8. Она оказалась куда смѣлѣе Груфенки и съ первыхъ же словъ завязала съ нами разговоръ, сидя за столомъ и раскачивая подъ нимъ загрязненными до нельзя босыми ногами.

— Гдѣ-жъ у васъ тутъ хозаева? началъ я.

— Да я туточка, отвѣтила дѣвочка.

— А мать и отецъ гдѣ?

— Батька оре, а матка къ сусѣдямъ браниться пошла.

— Такъ на кого-жъ больную-то оставили?

— Да я за ней хожу.

— Какъ-же ты ходишь?

— Воды, коли нужно, принесу—голову ей скачивать велѣно. Подушку спехне—поправлю. Прежде до вѣтру водила, а таперь сестра блажить стала, такъ подъ себя дѣлае, откровенничала дѣвочка, разсказывая про возложенныя на нее обязанности.

Сплошь да рядомъ мнѣ приходилось встрѣчать въ деревняхъ въ качествѣ сидѣлокъ дѣтей и слабосильныхъ, и малоразумныхъ созданій, вовсе безполезныхъ въ навязанной имъ роли милосердныхъ

сестеръ или братьевъ. И безъ того деревенскимъ дѣтямъ вмѣнено въ постоянную обязанность няньчиться съ малышами, которые, не рѣдкость, оказываются немногимъ помоложе своихъ нянекъ. Кто не знаетъ, сколько отъ этого терпятъ въ деревняхъ несчастная дѣтвора и ихъ родители. Отсѣченные пальцы, вывернутыя въ суставахъ или переломленныя руки и ноги, „мученные" глаза и обширные ожоги, уродующіе подъ часъ ребенка на всю жизнь—вотъ печальные результаты выращиванія на полной волѣ деревенскихъ дѣтей. И всѣ эти несчастія, умножающія печальныя страницы амбулаторныхъ книгъ земскихъ врачей, особенно часто случаются въ лѣтнюю страдную пору, когда изъ деревни въ поле выбирается вся рабочая сила и деревня остается подъ охраною главнымъ образомъ дѣтворы и людей глубокой старости или убогихъ: сухорукихъ, слѣпыхъ, „недовольныхъ умомъ" и т. п. Къ сожалѣнію, мнѣ ни разу не пришлось натолкнуться въ деревняхъ даже на мысль объ устройствѣ яслей или чего либо подобнаго, такъ существенно необходимаго деревнѣ, гдѣ рабочую силу, подъ давленіемъ экономическихъ условій, привыкли видѣть даже въ ребенкѣ, требующимъ еще за самимъ собою ухода и во всякомъ случаѣ свободнаго времяпровожденія.

Больная, къ которой только что мы вошли, лежала тяжело и, оказалось, пользовалась не лучшимъ уходомъ, чѣмъ и всѣ тѣ больные, которыхъ передъ этимъ пришлось мнѣ обойти. Массивное тѣло больной со свѣшенною за край туго набитаго и узкаго постельника головою занимало опасное положеніе, грозя соскользнуть на полъ. Что въ данномъ случаѣ могла бы сдѣлать оставленная для ухода за больною ея сестренка, семи—восьми лѣтняя каплюшка? Вмѣстѣ съ фельдшеромъ я далъ больной болѣе удобное положеніе. На подоконникѣ, къ которому пришлось придвинуть больную, стояла чайная чашка съ „журавиною" и лежала селедка, принесенная больной, по всей вѣроятности, какъ гостинецъ, кѣмъ либо изъ навѣщавшихъ ее.

— Вы селедки-то больной не давайте! Пусть кто-нибудь къ намъ для нее за лекарствомъ придетъ,—обратился я къ очень юной сидѣлкѣ.

— Мамка сказывала, что ей снадобье таперь ни къ чому. Таперь и такъ отлежится,—отвѣтила дѣвочка.

Пробывъ нѣсколько минутъ около постели больной и не расчитывая скоро дождаться кого-либо изъ взрослыхъ, мы вышли изъ избы, которая принадлежала довольно зажиточной семьѣ. До обѣда было еще далеко и мы продолжали обходъ остальныхъ зараженныхъ избъ. Въ одной изъ нихъ я нашелъ въ горячкѣ всю семью, состоявшую изъ хозяина, хозяйки, двухъ взрослыхъ парней и трехъ дѣвокъ подростковъ. Больные, лишенные всякаго ухода, лежали на нарахъ, полу и пристѣночныхъ „лавкахъ", на сильно загрязненныхъ постельникахъ, прикрытые шубами, сарафанами и разнаго рода рухлядью. Вонючій, „хоть ножемъ рѣжь" спертый воздухъ захватывалъ дыханіе и дѣйствовалъ тошнотворно. Оконныя рамы, какъ и вездѣ, устроены были нераспашными. Провѣтрить поэтому избу возможно было только черезъ единственную „крохотную" форточку или черезъ входную дверь. Попытка сдѣлать послѣднее вызвала изъ всѣхъ угловъ цѣлой заразной палаты протяжные слабые стоны и жалобы на холодъ. Изъ всѣхъ больныхъ хозяйка дома, лежавшая на нарахъ рядомъ съ мужемъ, была сильнѣе другихъ и еще въ полномъ сознаніи. Увидя насъ, протяжнымъ голосомъ она обратилась ко мнѣ:

— Батюшка дохторь, сдѣлай ты божескую милость—прикажи ты тамъ старшинѣ либо сотскому приставить къ намъ для ухода кого-тамъ ни на есть. А то ни таперь хлѣбушка испечь, ни водицы принести, ни обрядню справить—никто съ насъ, самъ видишь, не въ силкѣ. Довчерашняго вечера черезъ силу смогалась, а сегодня и саму склало. На ноги стало не встать: что на удахъ трясутся. Положеніе семьи, дѣйствительно, было критическое: некому было „обряжаться", то-есть, ходить за скотомъ.

нивы могли остаться безъ обработки и посѣва да и само выздоровленіе больныхъ, оставленныхъ на попеченіе Господне, не предвѣщало ничего утѣшительнаго и, въ лучшемъ случаѣ, скораго начала. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, конечно, не могла ни минуты оставаться семья. Нечего говорить, что я не замедлилъ исполнить просьбу бѣдной бабы, пославъ фельдшера за сотскимъ.

— Неужто, матушка, васъ никто изъ сосѣдей не навѣщаетъ? — освѣдомился я у больной женщины.

— Што грѣшить! Намедни суcѣдка была забѣгши. Ведерочко водицы притащила. Пришли ей, Господи, добраго здоровья! Обѣщала къ вечеру заглянуть.

— Можетъ быть, родственниковъ имѣете? не оставлялъ я распрашивать бабу, имѣя въ виду какъ нибудь организовать уходъ за больными.

— У мужа роды што никакой. Въ меня е сестра. Да отселева далече—верстъ 40 буде, ежели не болѣ, въ другомъ приходѣ живе, черезъ силу дотянула баба и схватилась руками за голову:

— Што копьямъ такъ и садитъ тамъ. Ломъ въ меня въ головѣ неутерпленный. Мозги тамъ, какъ отваливши, шатаются; въ вискахъ што ципки бьются.

— Тебѣ, матушка, холодную примочку къ головѣ хорошо будетъ приложить. Гдѣ у васъ тутъ полотенце достать?—принялся я отыскивать по избѣ эту вещь, чтобы приготовить компрессъ бѣдной женщинѣ.

Утиральниковъ нашлось нѣсколько, но всѣ они были настолько загрязнены, что я не рѣшился ни одного изъ нихъ пустить въ дѣло. Пришлось поэтому взяться за приготовленіе лекарства. Для послѣдней цѣли мнѣ необходимы были вода и стклянки. Воду, далеко не свѣжую, я нашелъ въ ведрѣ, стоявшемъ около русской печи. Стклянки, въ видѣ двухъ „половинокъ“ изъ подъ водки, я розыскалъ въ „посудахъ“, то-есть, въ пристѣночномъ шкафчикѣ, висѣвшемъ слѣва отъ входной двери и завѣ-

шенномъ грязною ситцевою занавѣскою. Въ „посудахъ“ помѣщалась и вся обѣденная посуда семьи, состоявшая изъ нѣсколькихъ „каменныхъ“ чашекъ (муравлешекъ), двухъ или трехъ большихъ чайныхъ чашекъ и одной деревянной, въ которой обыкновенно рубится вареное мясо. Посуда была поставлена невымытой и усѣяна суетливой массой „киргизовъ“. Ихъ насыпало и на дно тѣхъ двухъ бутылокъ изъ подъ водки, которыя находились также въ „посудахъ“. Такимъ образомъ отсутствіе „чередной“ (чистой) посуды и кипяченой воды поневолѣ остановило меня отъ приготовленія лекарства. Пришлось ждать возвращенія фельдшера въ томительной тишинѣ избы, прерываемой по временамъ бредомъ больныхъ. Черезъ четверть часа послышался въ сѣняхъ шумъ, отворилась дверь въ избу и, „сгорбанившись“, вошли фельдшеръ, сотскій и двѣ бабы. Сотскій былъ возбужденъ. Еще въ сѣняхъ слышно было, какъ онъ „лаялся“ на бабъ и продолжалъ изливать свое „сердце“ и въ моемъ присутствіи. Бабъ онъ вытащилъ изъ сосѣднихъ избъ. Предо мною разыгралось балаганнаго характера представленіе, одно изъ тѣхъ, какія ломать передъ деревнею не оставили еще ни заглядывающее сюда и загулявшее здѣсь волостное начальство, ни мелкая полицейская сошка.

— Цѣлый, вонъ, вѣкъ хлопочи тутъ съ вами! Какъ энто только вамъ не совѣстно утруждать начальство,—нравоучительно говорилъ блюститель порядка, обратившись къ двумъ приведеннымъ женщинамъ. Онѣ обѣ были уже „подъ годами“ и своею фигурою производили впечатлѣніе обездоленныхъ и забитыхъ нуждою деревенскихъ бабъ. Ихъ изсохшія, землистаго цвѣта, лица изрыты были массою мелкихъ морщинъ; выбившіеся изъ-подъ засусоленныхъ повоевъ волосы были изжелта-сѣдые; груди были плоски, какъ доски. Обѣ женщины своею жалкою фигурою капля въ каплю были похожи другъ на друга даже и по крайне неряшливому костюму. Набойникъ на одной изъ бабъ подъ самою „груди-

ною“ перетянутъ былъ опояскою, на которой сзади на узелъ завязанъ былъ небольшой мѣдный ключъ. Не обращая никакого вниманія на ворчливаго сотскаго, бабы подошли ко мнѣ и по деревенской приниженности повалились мнѣ въ ноги.

— Добрый баринушка, —заговорили заразъ обѣ бабы,—и сдѣлай ты такую милость — ослобони ты насъ старухъ. Въ самыхъ дома больные е. И какихъ только мукъ мы таперь ни видимъ! Кудыжъ намъ таперь анше за чужими ходить.

Такое заявленіе бабъ показалось мнѣ страннымъ, и невольно возникало любопытство воочію убѣдиться о шаблонныхъ распоряженіяхъ сельской полиціи въ деревенскомъ захолустьѣ. Нельзя было не вѣрить и не пожалѣть горемычныхъ бабъ, огорченіе которыхъ, видимо, уже было очень велико, разъ онѣ рѣшились „пойтить на супротивъ“ своего начальства. Не принимая на себя слѣдственной роли, я просто, какъ врачъ, предложилъ бабамъ свести меня къ ихъ недужнымъ. Оставивъ фельдшера для приготовленія больнымъ лекарствъ, я покинулъ несчастную семью, сраженную тифомъ до единаго. Сотскій послѣдовалъ за мною. Очутившись на улицѣ, бабы какъ будто задумали удрать отъ насъ: онѣ такъ быстро зашлепали по набитымъ въ густой грязи тропинкамъ, что мы едва успѣвали слѣдовать за ними. Сотскій, скорѣе по пріобрѣтенной родомъ занятій ворчливости, нежели „въ сердцахъ“, не замедлилъ преслѣдовать бабъ своимъ брюзжаньемъ.

— И безо всякой совѣсти пошелъ нонѣшній народъ! Вотъ такъ и наровитъ, такъ и наровитъ какое ни на есть затрудненіе тебѣ сдѣлать. Со всякой пустяковиной, канальи, на глаза начальству лѣзутъ. Фу-ты, сѣрость какая!—ворчалъ старикъ, вытаптывая впереди меня широкими слѣдами своихъ ногъ сухую тропинку.

— И все энто, вашъ благородіе, шамшура одна, —не переставалъ старикъ, имѣя теперь въ виду, быть можетъ, очернить въ моихъ глазахъ обвинительницъ его безтолковаго распоряженія. — Вонъ,

энта, вашъ благородіе, первая на деревни колдовка. Будешь ворожить, коли въ ротъ нечего положить.— съ легкою „усмѣшкой“ на лицѣ пріостановился старикъ, указывая мнѣ рукою на бѣжавшую передъ нами бабу. — А тая, вонъ что впереди, такъ тая, вашъ благородіе, просто пьяница: водку почище всякаго мужика хлещетъ да и къ табаку привержена. Мерзопакоство одно, чтобъ баба носогрѣйку тянула. Опять и семья ейная вся какая то не путевая: мужика отъ вина схоронила, да и сынъ на той же пути стоитъ—пьянчужка какихъ поискать... у кабака, вонъ, собаки морду вплоть лижутъ.

Къ такой аттестаціи бабъ сотскій, навѣрно, прибавилъ бы еще кое-что, если бы вдругъ не выросла передъ нами жалкая избенка, куда мы должны были войти. По расходившемуся подъ ногами бревенчатому полу сѣней проникли мы въ жалкое помѣщеніе, походившее на большой угольный ящикъ. Въ одной сторонѣ этого ящика прорѣзано было крохотное окно, и черезъ его „звенья“, составленныя изъ мелкихъ стекольныхъ обрѣзковъ и забрызганныя „лепеньями“ грязи, слабо пробивался солнечный свѣтъ, жизнерадостно дѣйствующій только на сытыхъ и счасливыхъ людей. Старуха, заклейменная сотскимъ колдовкою, со слезами на глазахъ встрѣтила насъ около своихъ больныхъ: старика мужа и подростка сына. Они лежали въ двухъ разныхъ мѣстахъ: одинъ около окошка на лавкѣ, расширенной приставкою скамейки, другой на нарахъ, устроенныхъ около свободной стороны печи. Воздухъ былъ невыносимо тяжелый, и зловоніе его еще усиливалось отъ присутствія въ избенкѣ гнѣзда гусыни, сердитая голова которой безпрестанно высовывалась изъ-подъ наръ, издавая по временамъ рѣзкіе скрипящіе звуки.

— Вотъ, и вся я тута! Глядь, умиленный ты нашъ, горя-то кольки!—тихо застонала старуха, склоняясь надъ больнымъ сыномъ и нѣжно заглядывая въ его неподвижно уставленныя куда-то въ потолокъ глаза.

Страшная бѣдность, царившая въ избенкѣ, и

тяжелое болѣзненное состояніе ея главныхъ обитателей тронули меня за живое. Слезы невольно напрашивались на глаза. Жалко было глядѣть на стонущую старуху, которую насильственно хотѣли оторвать отъ дорогихъ ей существъ, единственныхъ ея кормильцевъ, чтобы заставить ходить за чужими больными. И въ своей то лачугѣ дѣла было старухѣ только что въ „сумогу". Сотскій также былъ тронутъ бѣдственнымъ положеніемъ семьи, о которомъ онъ, видимо, до этого ни мало не зналъ.

— Ну, полно, бабка, нечего глазъ-то гноить! Ходи себѣ съ Богомъ за своими, покуль не оправятся. Не станемъ болѣ понуждать. Ты только ранѣ должна была сказать, что у тебя такъ то и такъ обстоитъ дѣло. Вонъ, господинъ докторъ, горю твоему пособитъ. Проси, а сама свое волхованіе брось,— наставительно закончилъ сотскій, признавая себя виновнымъ за безтактное распоряженіе по отношенію къ старухѣ. Не дожидаясь меня, онъ вышелъ въ сѣни. Осмотрѣвъ больныхъ и утѣшивъ старуху обѣщаніями помогать ея больнымъ, и я не замедлилъ оставить избенку. При спускѣ съ сѣней старуха догнала меня, имѣя въ рукахъ лукошко яицъ.

— Кормилецъ, не обезсудь, чимъ богаты... гостинецъ вонъ тута тобѣ... десятоцекъ яецекъ прими,— шепотомъ проговорила баба, насильно всовывая мнѣ въ руки обычный деревенскій гостинецъ. Съ трудомъ отвязался я отъ бабьяго приношенія. Другая изба, откуда сотскій также зря выхватилъ другую старуху, находилась въ какихъ нибудь шагахъ двадцати отъ только что оставленной мною. Здѣсь сотскій окончательно могъ убѣдиться, какъ „несуразно" былъ сдѣланъ его „нарядъ" для ухода за безпомощною семьею, гдѣ весь составъ я нашелъ одновременно зараженнымъ горячкою. И здѣсь я встрѣтилъ повтореніе предыдущей картины горькой бѣдности и тяжелаго положенія заболѣвшихъ. Для ухода за ними здѣсь была также одна только старуха, на которой лежала вся забота и по хозяйству, и безпрерывному уходу за невѣсткою и сыномъ послѣд-

ней, лежавшими въ горячкѣ. Единственный сынъ старухи, который могъ бы ей помогать въ затруднительныя минуты жизни, былъ въ постоянной отлучкѣ: въ рабочее время на полѣ, а въ гулящіе дни въ кабакѣ, равнодушно относясь къ больной женѣ и сыну, подростку лѣтъ двѣнадцати. Старуха, съ которой я имѣлъ теперь дѣло, оказалась „рѣчистою“ и вмѣстѣ съ тѣмъ грубоватою, чего ничуть нельзя было замѣтить въ ней при первой нашей встрѣчѣ. До моего прихода, она, видимо, вела пикировку съ сотскимъ, пришедшимъ раньше меня, и при моемъ появленіи только продолжала „накидывать“ на него „крючки“. Справедливая жертва ея нападокъ безжизненно сидѣла около стола, вытянувши во всю длину свои сухопарыя ноги.

— Нацальство въ насъ, вашъ благородіе, и не вѣдашь, како-тако? Ишь, отъ своихъ по чужимъ таща! А тута народъ хушь околѣвай,—смѣло говорила старуха.

— Коли не вѣдаешь, молчалабъ лучше,—отвѣтилъ равнодушно сотскій, вставая съ мѣста.—Съ вашимъ братомъ сладить никакъ невозможно. Вонъ, день-деньской чего добѣгаешь, ижно замаешься, а дѣла не сдѣлаешь.

— За безтолковой головой, милый, и ногамъ работа,—ехидно замѣтила старуха и, не встрѣтивъ въ самомъ началѣ со стороны военной косточки „настоящаго“ отпора, съ наростающей смѣлостью набросилась на него. – Како-тако имѣлъ енъ, вашъ благородіе, право выташить бѣдную старуху чуть не силью отъ своихъ болящихъ?! А ежели таперь, не приведи Господи, да што не доброе съ ними сталось бы, кто-бъ мнѣ за нихъ отвѣтилъ? Болящій человѣкъ—дите глупое: долго-ль ему таперь съ постели свалиться али тамъ што надъ собой нехорошее сдѣлать.

– Дура ты, баба! Съ такой сукой говорить — грѣшность, — обидѣлся, наконецъ, сотскій и, сплюнувши энергично на полъ, вышелъ вонъ изъ избы.

— Самъ кобель, кобелемъ и лаишься, — въ догонку ему пустила расходившаяся баба.

— Вотъ что, матушка, — обратился я къ ней, осмотрѣвши ея больныхъ. Ты не мѣшкай за лекарствомъ для нихъ къ намъ въ школу притти. Оставлять ихъ безъ помощи нельзя. Скоро дѣло на выздоровленіе пойдетъ; а это будетъ тогда, когда больные начнутъ потѣть. Смотри-жъ, за лекарствомъ приходи.

— Ахъ, и красное ты наше солнушко! Ягодка ты моя! И пошли тобѣ Царица Небесная, што ты пожелаешь. Ахъ, заступничекъ ты нашъ умиленонькій,— разразилась баба цѣлымъ потокомъ выраженій признательности, какъ будто я сдѣлалъ для нея какое-то особое благодѣяніе. Провожая меня за двери, она упорно пыталась захватить для поцѣлуевъ мои руки. Короткія ли слова утѣшенія, сказанныя ей, или ея предчувствіе, что я вполнѣ стою на ея сторонѣ, такъ благодарственно настроили ее, привыкшую изъ-за крайней своей бѣдности переносить однѣ только оскорбленія со стороны темноі деревенщины и ея не менѣе невѣжественнаго начальства.

Нѣсколько поодаль отъ оставленной мною избы поджидалъ меня сотскій. Противъ моего ожиданія, старикъ былъ совершенно спокоенъ. Поведеніе старухи, видимо, ничуть его не тронуло. Въ немъ незамѣтно было и смущенія когда межъ нами возникъ естественнымъ образомъ разговоръ о необходимости другого „наряда“ для той семьи, гдѣ тифъ почти одновременно сложилъ всѣхъ членовъ ея и гдѣ по этому явилась необходимость въ организаціи посторонняго ухода за заболѣвшими. На этотъ разъ сотскій отказался отъ назначенія „наряда“ и вполнѣ основательно рѣшилъ это дѣло передать въ руки деревеннаго старшины, который, конечно, лучше его зналъ положеніе каждой семьи въ своей деревнѣ.

— Бездѣльникъ, знать ни о чемъ не хочетъ! Нущай теперь повозится!—замѣтилъ по адресу старшины сотскій и, торопя меня къ своему обѣду,

быстро и озабоченно свернулъ въ первый попавшійся прогонъ.

Сотскій пошелъ къ деревенному старшинѣ, я же къ его жилищу. Дорога мнѣ была неизвѣстна. Пришлось пользоваться указаніемъ дѣтворы, которая цѣлыми ватагами топталась по уличной грязи, шумѣла по дворамъ и выглядывала изъ сѣней и оконъ.

VI.

Было уже около пяти часовъ пополудни. Опьяняющее вешнее солнце величаво скатывалось по западной сторонѣ безоблачнаго неба, припекая глубоко вырытую ногами скота уличную грязь, сверкая грудами золота на изумрудныхъ шапкахъ плѣсени, густымъ слоемъ сползавшей съ соломенныхъ кровель, и играя цвѣтами спектра на истрескавшихся оконныхъ звеньяхъ прокоптѣлыхъ избъ. Я спѣшилъ, подгоняемый голоднымъ желудкомъ. Къ избѣ сотскаго я подошелъ съ противоположной, чѣмъ наканунѣ, стороны. Сотчиха давно насъ поджидала. За это говорилъ и самоваръ, неистово шумѣвшій возлѣ русской печи.

— Чай, кишка давно проситъ мякишка,—встрѣтила меня хозяйка, стараясь улыбнуться во все свое, какъ блинъ, расплывшееся лицо.—Милости просимъ, присаживайтесь вонъ сюда къ столу. Сегодни, только ужъ звините, закусочка по деревенски будетъ. Вонъ, не сегодня, такъ завтра озеро очистится отъ льда, шебера (лещь) тогда пойдетъ. У насъ, не повѣрите, рыба эта така крупна, какъ нигдѣ. Друга, а съ этотъ столъ уловится. Вонъ, стоитъ мужу къ берегу выттить, всласть энтой рыбки поѣдимъ, — на ходу говорила сотчиха, вынося на столикъ: муравлешку съ свѣжимъ творогомъ, кринку молока, блюдечко „масельца“ и крупно нарѣзанные куски ржаного хлѣба. Я рѣшился ждать прихода своихъ сотрапезниковъ, и поэтому сотчиха остановилась подачей самаго

главнаго блюда: яешни. Превозмогая законныя ощущенія желудка, я отъ нечего дѣлать занялся осмотромъ крошечнаго помѣщенія сотскаго. Мое вниманіе остановилось на „переднемъ“, т. е. правомъ углу. Онъ тѣсно завѣшенъ былъ небольшими иконами въ „кивотахъ“ и безъ нихъ, мѣдными складнями и каменными образками. За стекломъ одной иконы, оклеенной по краямъ золотымъ бумажнымъ бордюромъ, виднѣлся фотографическій портретъ о. Іоанна Сергіева. Отъ угла направо и налѣво расклеены были по стѣнамъ лубочныя картины духовнаго содержанія. Была здѣсь и великомученица Варвара при разныхъ видахъ пытки; былъ и антихристъ, выѣзжающій въ міръ изъ адскаго пекла на конѣ и въ сопровожденіи цѣлой когорты „темныхъ“, т. е. чертей; былъ и апостолъ Петръ съ „огромаднѣйшимъ“ ключемъ отъ райскихъ вратъ; была и картина всѣхъ изображеній иконъ Божьей Матери. Свѣтскія картины размѣщены были около „свѣта“, т. е., оконъ и ихъ, видимо, здѣсь не долюбливали, такъ какъ ихъ было всего двѣ—три штуки. Изъ нихъ особенно выдѣлялся „патретъ“ красавицы съ пятистишіемъ.

Напрасно предъ тобой сижу
Напрасно чувствую мученье
Напрасно на тебя гляжу
Того ужъ вѣрно не скажу
Что чувствуетъ воображенье.

Едва ли здѣсь кто когда нибудь обратилъ вниманіе на эту красавицу и улыбнулся при взглядѣ на ея „широченную“ шляпку, надѣтую на цѣлую копну волосъ „канареечнаго“ цвѣта. Съ полъ часа времени „потоптался“ я, какъ журавль по болоту, по чисто „высуруканному“ полу низкой комнатки, то перекидываясь изрѣдка словами съ хозяйкой, то принимаясь „заново“ разсматривать лубочныя произведенія, пока не подошли мои с трапезники, первымъ фельдшеръ, а за нимъ, немного „сгодя“, и самъ хозяинъ. Ничуть не мѣшкая, усѣлись мы втроемъ за столикъ и, принявшись съ большою охо-

тою за „ѣство“, „живо рѣшили“ его и приступили къ окончательному и болѣе медленному „мумеру“ нашего стола—къ чаепитію.

— И сущій же плутъ, вашъ благородіе, нашъ деревенный, — послѣ нѣкотораго молчанія, обличительно началъ сотскій за чаемъ, прихлебывая его съ блюдечка, уставленнаго, какъ на треножникѣ, на трехъ „перстахъ“.

— И такой лисой предъ тобой завсегда вертится, а позаглазью совсѣмъ другой человѣкъ кажетъ. Вонъ и теперь, подлецъ, клянется и божится, что въ него кажиное дѣло сдѣлано: и нарядъ то назначенъ, и флаги-то вездѣ разставлены, и все то въ него, одно слово, какъ слѣдоваитъ быть. А ежели теперь дѣло пустить на провѣрку, то вѣдь, взаправду, выйдетъ: ни до чего онъ еще не дошовши да и не думаетъ—то вовсе распоряженіе тамъ какое сдѣлать.

— Вы его не очень-то, Никадръ Васильевичъ, обвиняйте, спокойно замѣтилъ фельдшеръ, начинавшій обильно потѣть отъ чая. Его мужики слушаться вовсе не хотятъ. Сами хорошо знаете, какихъ здѣсь въ деревенные то выбираютъ.

— Какихъ-же? полюбопытствовалъ я.

— Здѣсь, ваше благородіе, отъ этой должности всякъ отпихнуться желаетъ. А отпихнуться то можно только виномъ. Ну, богатый и ставитъ деревнѣ четвертуху али тамъ полведерка, не выбирайте только. Деревня, какъ понюхаетъ то даровое вино, сразу на этомъ никогда не уймется: давай еще. Опять, значитъ, къ какому нибудь богачку лѣзутъ. И такъ пьютъ на даровщину до тѣхъ поръ, пока всѣхъ богатыхъ не перепьютъ и сами промежъ себя не передерутся. А въ концѣ концовъ и посадятъ въ деревенные либо какого тамъ безтолковаго мужиченку, либо ужъ самого бѣднягу. Такіе люди въ деревнѣ въ загонѣ и ихъ, конечно, деревня и слушать не хочетъ. Да и сами они это хорошо знаютъ, ну, и сидятъ себѣ спокойно, ни во что не вмѣшиваясь. Настоящаго то мужика, почтеннаго скажемъ, вы ваше-благородіе, въ здѣшнихъ краяхъ нигдѣ и неувидите.

— Энто точно, замѣтилъ сотскій. Вонъ, взять хоть нашего старшину. По обличью, кажись, и человѣку-то ему надо быть настоящему, а на дѣлѣ дите онъ просто малое: сладить ни съ чѣмъ понятіевъ нѣтъ.

— Сидѣлокъ то къ больнымъ выгнать, либо тамъ бабій платокъ выставить надъ избой, гдѣ есть зараза, дѣло это, Никандръ Васильевичъ, для разумѣнія самое пустое. Это то и дурачливому человѣку по силѣ, отвѣтилъ мой фельдшеръ и наставительно продолжалъ. Тутъ главная захмычка въ томъ, что деревеннаго то во-первыхъ никто здѣсь не слушаетъ, а во вторыхъ онъ то самъ, по темнотѣ своей, никакъ въ башкѣ уразумѣть не можетъ, къ чему это, примѣрно, флаги вывѣшивать заставляютъ. Что ему ни тверди, а онъ свое несетъ. Ну, значитъ, и выходитъ, что ему надо распоряженіе начальства оттянуть. А може, думаетъ онъ, еще какъ обо всемъ этомъ и забудутъ. Вотъ онъ распоряженіе то начальства и оттягиваетъ до тѣхъ поръ, пока вы сами, Никандръ Васильевичъ, не налетите на него да съ такой еще угрозой, что, молъ, будетъ на тебя, мошенника, обо всемъ уряднику донесено. Тутъ ужъ, хошь-не хошь, а ослушаться больше никакъ нельзя: подъ штрафъ какъ разъ попадешь. Помните вы, Никандръ Васильевичъ, какъ самъ то нашъ старшина отъ насъ съ вами своихъ домашнихъ горячечныхъ чуть-ли не съ двѣ недѣли укрывалъ. А къ чему онъ это дѣлалъ? Потому во-первыхъ, что флага, какъ самого сатану, боится, а во-вторыхъ и потому, чтобъ я къ нему въ избу съ карболовкой не заглядывалъ да еще, упаси Господи, не сталъ бы нашими средствами его больныхъ лечить. А нашимъ средствамъ еще не вѣрятъ: держатся крѣпко своихъ. Здѣсь что баба, то у ней свое снастіе. И какой только они гадостью не лечатся! Смѣшно даже объ этомъ подумать! Вотъ тутъ, ваше благородіе, до вашего сюда пріѣзда одна баба своихъ горячечныхъ каляницею додумалась лечить. Каляница это, ваше благородіе, по здѣшнему называется

деготь, затвердѣвшій вокругъ осей. Вотъ этою то каляницею дура баба разъ своихъ больныхъ такъ обмазала, что опосля въ банѣ не отмыть было. Хошь кожу съ нихъ, какъ съ налима, сдирай. Бывало, зайдешь это къ нимъ въ избу, пересмѣешься. Лежатъ это, прости Господи, что черти али тамъ трубочисты какіе, въ харю никого не узнать. И ворожеѣ то самой не разъ смѣшно становилось.

— Тутъ, господинъ докторъ, бабы еще бадуномъ лечатъ, вставила сотчиха и залилась при этомъ своимъ „меленькимъ“ продолжительнымъ смѣхомъ, желая этимъ, быть можетъ, выразить свое недовѣрчивое отношеніе къ народнымъ средствамъ.

— Названіе этого растенія вовсе не бодунъ, а богульникъ, справедливо замѣтилъ ей фельдшеръ.

— А по мнѣ все едино: бодунъ али тамъ, какъ по вашему, богульникъ. Знаю только, отъ него всѣ умы отшибаетъ, человѣкъ что угорѣлый дѣлается, ежли напиться его какъ чаю. Онъ часто вмѣстяхъ съ гоноболью по болотамъ растетъ, и гоноболь то отъ него такого рѣзкаго духу набирается, что ѣсть ее никакъ невозможно: живо за виски заберетъ, закруженье сдѣлается.

— Опять же гоноболь это такъ по здѣшнему, по крестьянски, прозывается, а правильное понятіе ей голубика, вторично поправилъ фельдшеръ сотчиху. А это, что голова отъ ягоды этой болитъ, это точно справедливо. И мужички не даромъ такой стихъ придумали: отъ гоноболи въ головѣ боли.

VII.

„Отвалившись отъ самовара“, мы не долго продолжали начатую фельдшеромъ „бесѣдку“ о народныхъ средствахъ, которыхъ такъ усердно „сочитъ“ (ищетъ) у себя деревня, глубоко засѣвшая въ страшномъ бездонномъ „зыбунѣ“ невѣжества. Сотскій съ „супружницею“ и фельдшеръ, къ моему сожалѣнію, очень мало знали о народныхъ средствахъ и способахъ врачеванія болѣзней, а изъ заговоровъ,

краеугольнаго камня народной медицины, никто изъ нихъ не могъ сообщить мнѣ ни одного и каждый высказался только о крайней трудности добыванія ихъ въ деревнѣ, гдѣ они никогда не произносятся въ „гулъ“, а „шепчутся“. Но не въ этомъ обстоятельствѣ, оказывается, лежитъ основная причина тѣхъ, дѣйствительно, крайнихъ затрудненій, съ какими сопряжено добываніе деревенскихъ заговоровъ. Вся трудность изученія народнаго знахарства съ его знахарями обусловливается исключительно тѣмъ, что оно находится въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, которыя, въ силу установившихся убѣжденій, никому не могутъ открыть своихъ лечебныхъ средствъ и способовъ безъ того, чтобы самихъ себя изъ-за этого не лишить дара, ниспосланнаго имъ для исцѣленія всякой „хвори“ таинственными силами неба и преисподней. Что даръ леченія и исцѣленія болѣзней дается свыше и только немногимъ избраннымъ, въ это деревня глубоко вѣритъ и мнѣ самому не разъ приходилось въ этомъ убѣдиться. По крайнему деревенскому убѣжденію, знахарь долженъ отличаться особенностью даже физической природы. И нерѣдко въ случайномъ уродливомъ развитіи организма у кого-либо изъ знахарей деревня видитъ печать, наложенную на такого человѣка свыше и отмѣчающую его, какъ обладателя чудеснаго.

Такъ, мнѣ приходилось слышать, что вотъ такой-то знахарь „все вѣдае, все знае“ потому, что глазъ у него „четырехгранный“, а вотъ такой-то „волхва“ „всякую хворь выворожe, всякую покражу вывѣдае“ потому, что глазъ у него съ двумя „глядѣлами“ (зрачками); а вотъ тотъ „лежень“, много лѣтъ какъ не „ходячій“, „всю твою предбудущую жизнь какъ на ладошку тобѣ выложе“. Если такимъ образомъ народное знахарство приписываетъ физической природѣ своихъ знахарей не мало чудесныхъ, дарованныхъ свыше, а не случайно уродливыхъ особенностей, то послѣднія преимущественно присущи глазу. Этотъ органъ у „кажинаго вѣдуна“

можетъ нести далеко за своими естественными границами двойную работу: творить добро и причинять „портежъ“ (порчу) людямъ и животнымъ. „Съ глазу“, какъ глубоко вѣритъ каждый деревенскій жихарь, „приключается“ не мало болѣзней, въ особенности же легкихъ лихорадочныхъ недомоганій, характеризующихся главнымъ образомъ частыми „позѣвушками“ и общею разбитостью тѣла. Какъ ни трудно само по себѣ изученіе народнаго знахарства, тѣмъ не менѣе его слѣдуетъ безпрерывно вести, какъ предметъ, заслуживающій глубокаго интереса. Воззрѣніе народа на причины происхожденія своихъ тѣлесныхъ недуговъ, самобытные способы ихъ врачеванія, густо наслоенные въ народной памяти за цѣлыя, быть можетъ, столѣтія и отраженіе въ народномъ знахарствѣ религіозныхъ воззрѣній и всего склада народной жизни—все это вмѣстѣ даетъ дополнительный матеріалъ для изученія народной жизни и уразумѣнія міропониманія народной массы.

Чтобы изучить народное знахарство, по возможности полно, необходимо пожить долгое время въ деревнѣ и, главное, сблизиться здѣсь съ ея обывателями путемъ дружественныхъ съ ними отношеній. Такого рода отношенія ускоряютъ широкое открытіе каждой крестьянской хаты, гдѣ добросовѣстному изслѣдователю народной жизни не трудно будетъ со временемъ пріобрѣсти себѣ и полное довѣріе жихаря.

Временное же хожденіе въ народъ съ практиковавшимися когда-то даже балаганнымъ переодѣваніемъ и подлаживаніемъ подъ народную рѣчь можетъ дать только такой матеріалъ, который обращается въ деревнѣ открыто, какъ общее достояніе, напримѣръ, пѣсня. Тотъ же матеріалъ, который находится въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ, какъ напримѣръ, знахарскіе заговоры, нельзя получить въ деревнѣ иначе, пока съ довѣріемъ не войдешь въ деревенскую жизнь и тамъ не заведешь себѣ постояннаго знакомства. Насколько недовѣрчиво отно-

сится деревня къ постороннему лицу, заглянувшему въ нее извнѣ, можетъ служить доказательствомъ тотъ фактъ, что въ разговорѣ съ такимъ новымъ лицомъ деревенскій обыватель мѣняетъ даже свое обычное произношеніе словъ. Такъ, въ мѣстности, гдѣ приходилось мнѣ бороться съ тифомъ, передъ мною деревенскій обыватель частенько вмѣсто обычнаго „цоканья“ „чокалъ“, то-есть, мѣнялъ въ соотвѣтствующихъ словахъ свистящій звукъ „ц“ на шипящій „ч“, произнося напримѣръ: чарь (царь), курича, личо (лицо), чѣна (цѣна) и т. под. Такое искаженіе въ словопроизношеніи, прошедшемъ безъ измѣненія черезъ цѣлый рядъ мужицкихъ поколѣній, у деревенскаго обывателя является въ разговорѣ только съ человѣкомъ городскимъ, и, какъ признакъ нѣкоторой образованности, можетъ найти себѣ слѣдующее объясненіе. Всякому терпѣнію есть конецъ. Послѣдній обыкновенно приходитъ съ появленіемъ въ загрубѣломъ человѣческомъ существѣ первыхъ ясныхъ проблесковъ самолюбія. Всегда и повсюду слышать, что надъ тобою глумятся за твою темноту, на каждомъ шагу обзываютъ тебя деревенщиною и „тыкаютъ“ за „сѣрость“ — должно же это все вмѣстѣ въ концѣ концовъ пробудить и затронуть эгоистическія чувства крестьянина. И вотъ этотъ унижаемый всюду человѣкъ передъ всякимъ лицомъ другой среды и независимаго положенія хочетъ иногда показать себя, что онъ уже „нагородѣлъ“ или „напитерился“, то-есть, до нѣкоторой степени уже освоился съ городскою цивилизаціею. Однако знаніе городского, какъ выражается деревня „обращенія“, къ сожалѣнію, у деревенскаго обывателя, пожившаго въ „городу“, крайне поверхностно и заключается либо въ произвольномъ искаженіи фонетики своихъ домашнихъ, т. е., деревенскихъ словъ, и появленіи отсюда „чоканья“ вмѣсто „цоканья“, либо въ занесеніи изъ города въ деревню нѣкоторыхъ варваризмовъ. Эти варваризмы „нагородѣвшій“ деревенскій обыватель, конечно, искалѣчилъ до неузнаваемости, и въ такомъ видѣ

они уже циркулируютъ въ разговорной крестьянской рѣчи. Нѣкоторыя изъ такихъ словъ меня прямо поражали трудностью опредѣленія ихъ истиннаго происхожденія, и мнѣ всегда страннымъ казалось слышать въ разговорѣ съ крестьянами или въ ихъ „частушкахъ“ подъ „гармонь“ такія слова, какъ: прутуманецъ (портмоне), трундрулетъ (низкій тарантасъ съ длиннымъ ходомъ; по всей вѣроятности это есть извращенное слово кабріолетъ), масція (масса), комендрую (рекомендую), гольтепа (альпага—родъ шерстяной матеріи), мандаринъ (моаръ—родъ шелковой матеріи), маревы ленты (ленты изъ моара), кофта бурдова (изъ шерстяной матеріи темнокраснаго цвѣта бордо), сарафанъ съ бухтами (съ буфами), рукава со шлагамъ (абшлагами) и много другихъ.

Такъ или иначе, но деревенскій обыватель на всякое заѣзжее въ его деревню городское лицо, хотя-бы послѣднее являлось къ нему съ опредѣленною цѣлью, напримѣръ, какъ статистикъ, врачъ и т. п., смотритъ съ какимъ-то подозрѣніемъ и въ свою горемычную жизнь вводитъ его если и неохотно, то во всякомъ случаѣ осторожно. Это подчасъ плохо скрываемое нежеланіе обстоятельно познакомить человѣка образованнаго со всѣмъ складомъ своей жизни у деревенскаго обывателя возникло отчасти изъ того убѣжденія, что „господа вывѣдываютъ мужичка“ изъ желанія или узнать его „достатки“, или „прописать его въ книжкѣ“ за его темноту. Такого рода убѣжденія не могли не задѣть мужицкаго самолюбія, которое долгое время играло печальную разъединяющую роль между деревнею и тою интеллигенціею, которая пошла сюда. Земскіе учитель и врачъ живутъ уже не первый десятокъ лѣтъ бокъ-о-бокъ съ деревнею, а сельское духовенство время своего общенія съ ядромъ русскаго народа, какъ извѣстно, должно считать цѣлымъ тысячелѣтіемъ. Но кто изъ этихъ просвѣтителей деревни по совѣсти могъ или можетъ сказать, что онъ настолько проникъ въ таійникъ деревенской

жизни, что онъ знаетъ всѣ тонкости послѣдней. Давно уже всѣмъ извѣстно, что существуетъ народная медицина и что ея краеугольный камень— заговорное леченіе. Но кто изъ земскихъ врачей въ настоящее время самоувѣренно можетъ сказать, что онъ хорошо изучилъ въ своемъ участкѣ это леченіе. Игнорировать послѣднее или, еще хуже, относиться къ нему пренебрежительно для человѣка образованнаго, отдавшаго себя на служеніе народной массѣ, нельзя. То, что народъ выработалъ, чему онъ вѣритъ и поклоняется, не есть его мимолетная затѣя. Это есть плодъ его многолѣтней умственной работы, его міровоззрѣнія и развитія. Интеллигентная сила, восторженно явившаяся въ глубь деревень на первый призывъ земства, въ началѣ своей здѣсь работы не могла, конечно, не столкнуться съ народнымъ знахарствомъ и по справедливости заклеймила его, какъ грубое невѣжество, за тѣ безобразныя его проявленія которыя лѣтъ за тридцать тому назадъ не были еще такъ глубоко, какъ теперь, спрятаны въ нѣдрахъ крестьянской жизни. Тогда все плывшее по поверхности ея, какъ крупное, было снято безъ особаго труда или, лучше сказать, мимоходомъ. Детальное же изученіе народнаго знахарства первый призывъ интеллигенціи, расквартированной по деревнямъ на дистанціяхъ огромнаго размѣра, оставилъ нашему времени и оставилъ по той простой причинѣ, что ему не подъ силу было справиться и съ прямою то своею работою: учить народъ простой грамотѣ и научно врачевать его тѣлесные недуги въ амбулаторіяхъ, нароставшихъ, какъ скатывающійся съ горъ снѣжный комъ. Детальное изученіе народнаго знахарства въ наше время представляетъ большія затрудненія, не смотря на то, что деревня и понынѣ широко пользуется имъ. Въ этомъ меня убѣдили безчисленные свѣжіе слѣды заговорнаго леченія, на которые я натыкался во время своего долговременнаго скитанія съ врачебною цѣлью по деревнямъ. Мои безконечныя посѣщенія деревен-

скихъ больныхъ или въ жалкихъ хибаркахъ голытьбы, или въ пятистѣнникахъ разбытѣвшихъ мужиковъ открыли мнѣ, что деревня имѣетъ свои опредѣленно-установившіеся взгляды на причину происхожденія болѣзней, имѣетъ однообразную номенклатуру послѣднихъ и лечится по твердо укоренившимся самобытнымъ способамъ.

„Крѣпко" заинтересовавшись народнымъ знахарствомъ, я нигдѣ не опускалъ случая, чтобы что-нибудь да не распросить о немъ. И тѣ „чайные вечера", которые начались въ квартирѣ сотскаго со втораго дня моего появленія въ злосчастномъ погостѣ уходили, другой разъ даже цѣликомъ, въ разговорѣ о народномъ знахарствѣ. Впрочемъ, тема для такихъ разговоровъ возникала вполнѣ естественно: я и мой помощникъ фельдшеръ день-деньской должны были возиться съ несчастными деревенскими больными и постоянно натыкались на леченіе ихъ „по домашнему", то-есть, постоянно имѣли непосредственное дѣло съ знахарскимъ способомъ леченія болѣзней. Изъ всѣхъ моихъ собесѣдниковъ сотчиха больше другихъ и пообстоятельнѣе знала о народномъ знахарствѣ. Она, какъ вскорѣ оказалось, даже ему вѣрила и когда-то обращалась за его помощью. Сотскій ни мало не зналъ о знахарскомъ леченіи. Старая школа военной дисциплины не позволяла ему, даже въ частной жизни, трактовать кромѣ службы о постороннихъ вещахъ и недопускала въ его мозгу возникновенія представленія о возможности существованія „какой-то тамъ" народной медицины. Мой третій собесѣдникъ—фельдшеръ, какъ бывшій когда-то дервенскій житель, конечно, долженъ былъ бы кое-что знать о знахарствѣ, но упорно отказывался давать о немъ какія-либо свѣдѣнія. Въ умѣ этого человѣка „гвоздемъ" сидѣло убѣжденіе, которое онъ не разъ и высказывалъ нашему обществу, что человѣку образованному не только неприлично, но и крайне „зазорно" интересоваться лечебными знаніями деревни. Мнѣ всегда непріятно было слышать, что этотъ человѣкъ,

воспитанный деревнею, въ такихъ случаяхъ положительно не признавалъ за нею никакого здраваго смысла.

Такого воззрѣнія на народную медицину, какого держался мой помощникъ, начала было держаться и сотчиха. Это на первыхъ порахъ стало сильнымъ тормазомъ на пути удовлетворенія моего искренняго любопытства о народномъ знахарствѣ со стороны сотчихи, въ глазахъ которой мой фельдшеръ стоялъ человѣкомъ „обарзованнымъ“. „Обарзованіе“ у бѣдной женщины, когда-то копошившейся въ мелкой тинѣ городской жизни и постоянно мечтавшей вновь въ нее погрузиться, было самымъ больнымъ мѣстомъ. Однако „обарзованную даму“ исподволь удалось мнѣ ввести въ обычное русло ея понятій и представленій. Вмѣстѣ съ тѣмъ удалось мнѣ убѣдить и моего помощника въ томъ, что всякое явленіе народной жизни достойно изученія, и съ тѣмъ достойно изученія и народное знахарство, сложившееся въ силу такого хорошаго душевнаго качества, какъ облегчать страданія ближняго и всѣми тѣми средствами, какія есть подъ рукою и которыя не могутъ быть особенно обильны и „мудрены“ въ убогой крестьянской жизни.

— Давно я запримѣчаю, что нашъ докторъ что-то ужъ больно горазъ антересуется мужицкой ворожбой,— замѣтила мнѣ разъ сотчиха за однимъ изъ тѣхъ вечернихъ разговоровъ, которые шли у насъ о народномъ знахарствѣ. Въ это время сотчиха была уже свободна отъ того напускного стыда, который на первыхъ порахъ моего появленія въ ея домѣ сильно мѣшалъ ей признаться въ ея вѣрѣ въ народное леченіе.

— Да отчего же не интересоваться мужицкимъ леченіемъ? Вѣдь, если вся деревня ему крѣпко вѣритъ, стало быть, есть отъ него видимая польза, отвѣтилъ я сотчихѣ.

— И какая еще! Вотъ вы, господинъ докторъ, только не смѣйтесь, а разскажу я вамъ, какой слу-

чай былъ со мною. Годовъ этакъ съ пятокъ назадъ заболѣла я, только и горазъ трудно и, должно быть, съ глазу. Вотъ какъ теперь помню, стояла я этто одно воскресенье въ церкви. Только и пройди вымо меня какая-то женщина. Какъ дохнула этто она на меня, меня такъ и озлунило. Службы не достояла. Пришла домой что разваренная, на ногахъ еле стою. А какъ завалилась на перину, меня и почало трясти. Да такъ колотило, такъ всеё подымало, ижно кровать подо мною ходила. И Богъ вѣсть, какъ долгобъ трясучка меня такъ мучила, да только на третій—отъ день моей-то болѣсти и приди навѣстить меня моя хорошая знакомка. „Никакъ этто ты, Спиридоновна, смявшись лежишь“?! А я ей на это-то и слово вымолвить не сумѣю: даже съ голоса была спавши. Ну, стало быть, и видитъ моя знакомая, что дѣло тутъ дрянь. Сейчасъ этто и шмыгъ она за дверь. Не прошло какихъ-нибудь съ полъ-часика вдругъ и вижу я: стоитъ этто предо-мною какой то мужиченко. Не признала я тогда, что онъ былъ изъ здѣшнихъ, то ись, изъ нашей-то деревни. „Вотъ тебѣ, Спиридоновна, и лекарь! Живо онъ тебя выворожитъ“, заговорила моя кумушка. Тутъ я догадалась, что мужиченко, стало-быть, нашъ деревенскій волхва. Потребовалъ онъ тогда себѣ соли. Насыпалъ, значитъ, энтой соли себѣ на ладошку, поворотился этакъ ко мнѣ задомъ и что-то сталъ шептать себѣ въ пястку. Потомъ подошелъ ко мнѣ, взялъ этто меня за руку, смотритъ мнѣ прямо въ глаза и говоритъ: „болѣсть твою, милая, содѣлала бѣлая женщина. Вотъ возьми ты энту сольку и по щепоточкѣ ѣшь ее сподряду три утра“. Какъ стала я этто такъ дѣлать, смотрю, мнѣ на второе утро куда сноснѣе стало. А на третій день и на ноги встала.

— Это у васъ простудная лихорадка была. Она къ этому времени и сама собой прошла бы, не утерпѣлъ мой фельдшеръ, чтобы не поучить сотчиху. Но она, не смотря на все свое уваженіе, которое питала къ моему помощнику, твердо защищала

своего доморощеннаго лекаря. И это было съ ея стороны вполнѣ чистосердечно.

— Простудиться-то мнѣ не изъ чего было, самоувѣренно говорила сотчиха.—Нѣтъ, что вы тамъ ни говорите, а болѣсть приключившись была у меня съ глазу и дѣйствительно, какъ мнѣ и волхва сказывалъ, отъ бѣлой женщины. И не одной мнѣ энтотъ волхва такъ пособилъ—ахти и многіе отъ него получали облегченіе. Особливо хорошо унималъ онъ и какую ни на есть зубную боль. И такъ онъ былъ въ энтомъ набашковавшись, что просто удивительно дѣло. Слава объ немъ далече была прошовши: съ другого уѣзда больные къ нему волоклись. И бралъ то онъ сущую бездѣлицу — кто что могъ, отъ своего, значитъ, усердія. И то самъ себѣ въ руку, бывало, ни за что не возьметъ, а этакъ пріятно скажетъ: „вы мнѣ не давайте, а вотъ кладите къ образу—все это Богу пойдетъ".

— Гдѣ-жъ этотъ волхва теперь? — полюбопытствовалъ я.

— Царство ему небесное! Вотъ съ годъ, думаю, какъ умерши. Про евоную смерть ходили тутъ разные слухи. А больше всего поговаривали, что умеръ то онъ не своею смертью, а отъ побоевъ, будто въ сосѣдней деревнѣ его такъ сильно отбаловали.

— Пустякъ одинъ, — принужденно вмѣшался сотскій, выходя изъ спаленки, куда имѣлъ обыкновеніе забираться во время нашихъ вечернихъ разговоровъ и споровъ. Кабы его такъ поколотили, намъ извѣстно было бы. Такая драка—дѣло не шуточное.

— Что ты палицея, такъ и все, думаешь, вѣдаешь. Въ самыхъ то въ васъ межъ глазъ другой носъ унесетъ, — вспылила наша разсказчица, огорченная, видимо, постороннимъ вмѣшательствомъ въ свой „сказъ".

Происшедшая маленькая размолвка между супругами, еще первая въ моемъ присутствіи, казалось, должна была бы повліять въ смыслѣ уменьшенія откровенничанья со стороны сотчихи. Къ моему, однако, удовольствію все возникшее пререка-

ніе не пошло далеко и остановилось на очень ужъ легкой уступчивости сотскаго. Какъ конь, сразу осаженный, онъ вдругъ замолкъ, едва успѣвши прошамшить: ну, ну, ладно!

— Чего: ну, ну,—стояла на своемъ сотчиха.— Рази неправда, что Тимоху, колдуна то, на прошлой веснѣ отколотили въ Печкахъ? Сущая, господинъ докторъ, энто правда! Оно положимъ, что, бѣдняжка, и по напрасному муку свою смертную принялъ. Просто изъ-за никуда негодныхъ слуховъ человѣкъ погибъ. Были тогда такіе слухи прошовши, что Тимоха взаправду колдунъ и что сталъ баловаться — будто сталъ портежъ напущать не только на скотину тамъ, но и на народъ.

— Ну, за это и отколотили его?—любопытствовалъ я.

— Отзвонили да и какъ: недѣлю, сердешный, только всего и помялся.

— А теперь кто-жъ у васъ здѣсь въ околодкѣ Тимоху замѣстилъ?—пыталъ я сотчиху.

— Теперь, господинъ докторъ, право, и не вѣдашь, на кого указку сдѣлать. Ихъ тутъ, что грибовъ поганыхъ, много понаплодившись.

— Ну, а къ докторамъ-то настоящимъ, вѣдь, ходитъ же народъ? — не унимался я. Послѣдующій отвѣтъ былъ вѣрнымъ отзвукомъ самого народа, указывающимъ на необходимость равномѣрнаго распредѣленія земско-медицинской помощи.

— Къ докторамъ то настоящимъ либо-тамъ къ фершаламъ наша деревенщина, думается, куда чаще и ходила бы, если бъ не было такъ далеко отъ нихъ. А то не ближній конецъ— туда и сюда верстъ сорокъ нужно сдѣлать и болѣ. А въ другой разъ, не рѣдко вотъ слышишь на деревнѣ, и пріѣдешь къ фершалу, а ихъ дома нѣту. Поворачивай, значитъ, оглобли назадъ. И приходится такимъ манеромъ по-напрасному двадцать, ежели не болѣе, верстъ въ одинъ конецъ отмахать. А въ началѣ весны либо тамъ осенью ѣхать лучше и не пускайся: ручьевъ

сколько тамъ одныхъ, а другихъ и вовсе не переѣдешь.

— Значитъ, по вашему, деревенскіе знахари никогда не могутъ перевестись,—замѣтилъ я.

— Богъ ихъ вѣдаетъ,—неопредѣленно высказалась сотчиха, какъ бы остывая въ интересѣ затронутаго вопроса. Послѣ нѣкотораго раздумья, она нѣсколько оживилась и, какъ старый человѣкъ, нашла случай всплакнуть о старомъ хорошемъ времени.

— Не стало нынче хорошихъ знахарей, всѣхъ что повымело. А нонѣшній знахарь не достоинъ никакого вниманія. Теперь вотъ только одно и знаютъ: шепчу-ропчу, гроша хочу; всѣ только на деньги льстятся, а пользы что никакой не даютъ. Обманъ одинъ.

— А вы, вотъ, недавно мнѣ говорили,—замѣтилъ я,—что здѣсь въ прислугахъ у батюшки живетъ хорошая знахарка.

— Да, энта, вотъ, изъ хорошихъ была, и особливо хорошо занималась бабничаньемъ. Жаль, что теперь все свое рукомесло забросила. А забросила съ того самаго времени, какъ въ работницы къ попу поступила. Одни сказываютъ, быдто самъ батюшка запретилъ ей на вѣчное время старымъ дѣломъ заниматься, другіе опять говорятъ, быдто она сама по своей доброй волѣ отъ ворожбы отказалась и быдто сдѣлала энто по тому самому резонту, что стала ей разная нечисть привижаться и рукомесло ейное такимъ манеромъ вышло изъ „темныхъ“.

Объ этой поповой работницѣ, стяжавшей себѣ повсемѣстную славу хорошей ворожеи, я уже слышалъ въ первый день своего пріѣзда въ деревню отъ первыхъ своихъ паціентовъ. Тогда мнѣ не было только извѣстно, что она добровольно отказалась отъ своего ремесла, какъ „темнаго“. Добровольное отреченіе этой ворожеи отъ своего легкаго и выгоднаго занятія представляло для меня удобный случай прямымъ путемъ узнать отъ ней тайны знахарскаго леченія. Я былъ окончательно увѣренъ, что

отставной знахаркѣ не къ-чему ужъ болѣе „хорониться со своими тайнами отъ любопытства посторонняго человѣка. И я дѣйствительно не „обмахнулся“. По роду своей миссіи мнѣ нельзя было не повидаться съ мѣстнымъ батюшкою.

VIII.

Первый такой случай вышелъ на первой же недѣлѣ моего пребыванія въ тифозномъ селеніи. Въ тѣсненькой комнатѣ сотскаго, застланной табачнымъ дымомъ, разъ доканчивалъ я съ своимъ помощникомъ нашъ обычный скромный вечерній чай, какъ вдругъ распахнулась входная дверь и на порогѣ появился священникъ, впуская за собою массу свѣжаго воздуха, въ которомъ чутко слышалась весна. Первое біеніе ея, такое радостное, только и можно ощущать въ деревнѣ. Навстрѣчу батюшкѣ стремглавъ бросилась сотчиха, чтобы, какъ водится, приложиться къ „ручкѣ“. Батюшка былъ лѣтъ сорока пяти, средняго роста, не особенно плотнаго сложенія; продолговатое, нѣсколько утомленное лицо окаймлено было небольшою ровною бородою, темный цвѣтъ которой по сторонамъ щекъ переходилъ въ совершенно бѣлый. Сѣдина замѣтнымъ образомъ пробивалась и въ головныхъ волосахъ, которые можно было при надобности заплесть не въ тощія и смѣшныя, какъ у старыхъ дьячковъ, косички, а въ хорошія женскія косы. Мнѣ сразу понравилось добродушное лицо батюшки съ его парою большихъ спокойныхъ сѣрыхъ глазъ. Тембръ голоса, ровный и спокойный, и вся твердая осанка указывали на выработанную и уровновѣшанную натуру этого человѣка. И дѣйствительно, мое дальнѣйшее знакомство съ нимъ убѣдило меня, что это былъ человѣкъ вполнѣ установившійся, вылившійся въ окончательную и довольно привлекательную форму. Одѣтъ онъ былъ въ затасканную теплую ряску съ замѣтно продырявленными локтями. Въ своемъ погостѣ батюшка и всегда ходилъ по-домашнему.

— Былъ я тутъ по близости васъ да, вотъ, и вздумалось завернуть къ вамъ. Къ тому же и вышло по пути,—не торопясь промолвилъ онъ, пожимая намъ руки.

Не смотря на общее приглашеніе присѣсть, батюшка категорически отказался и обратился ко мнѣ:

— Васъ, докторъ, это должно интересовать! На дняхъ, какъ мнѣ сообщено, вышло распоряженіе измѣнить направленіе крестнаго хода. Онъ на дняхъ выйдетъ изъ монастыря, но пойдетъ уже не черезъ нашъ, какъ водилось, погостъ, а другою дорогою: верстахъ такъ въ двухъ отсюда. Народу съ этимъ ходомъ идетъ всегда много, и богомольцы для отдыха обыкновенно разсыпаются по окрестнымъ деревнямъ. Они непремѣнно и сюда заглянутъ: двѣ версты въ сторону для нихъ пустячное дѣло. Значитъ, чтобъ разобщеніе съ нашимъ горемъ было полное, нужно распоряженіе полиціи еще дополнить: не пускать сюда богомольцевъ. А впрочемъ, докторъ, потолкуемъ-ка объ этомъ въ другомъ мѣстѣ, зайдемъ-ка ко мнѣ. Кстати, попрошу васъ и дочурку мою осмотрѣть. Болѣетъ она у меня все!

Заглянуть къ батюшкѣ я уже давно собирался и по этому не замедлилъ принять его предложеніе, тѣмъ болѣе что былъ уже свободенъ отъ своихъ дневныхъ занятій, безполезная тяжесть которыхъ изо дня въ день увеличивала мое и безъ того тяжелое положеніе въ деревнѣ, располагая къ грустному настроенію. Всякое развлеченіе, хотя бы въ смыслѣ пріобрѣтенія подходящаго знакомства, являлось по этому для меня желательнымъ, а теперь какъ разъ и кстати. По извѣстной мнѣ уже хорошо тропинкѣ отъ избенки сотскаго спустился я съ батюшкою къ ручью, только весною шумно и обильно катившему свои мутныя воды; по ненадежной и неустойчиво перекинутой „лавѣ“ поочередно перешли мы этотъ ручеекъ и поднялись въ гору, на которой стояла приходская церковь, обнесенная низенькою каменною оградою, изъ-за которой выглядывалъ цѣлый лѣсокъ незатѣйливыхъ деревянныхъ

крестовъ „буя“, изрытыми могильными насыпями. Насупротивъ входныхъ дверей кладбищенской ограды стояло продольно небольшое деревянное зданіе священника. Входъ въ домъ былъ со двора, отдѣлявшагося отъ улицы невысокими воротами съ калиткою. Скотный дворъ и другія хозяйственныя постройки поставлены были въ линію, продольно жилому дому. Въ задней стѣнкѣ повѣти виднѣлась открытая въ садъ дверь. Порядокъ на дворѣ былъ примѣрный: нигдѣ ничего не валялось неприбраннымъ. Хозяйственныя вещи не „запружали“ и не уменьшали его небольшого простора, а были аккуратно поставлены и сложены на опредѣленныхъ имъ мѣстахъ. Со двора видно было, что жилой домъ въ два этажа. Только нижній этажъ былъ подвальный и его два оконца почти соприкасались съ уровнемъ земли. Въ подвальномъ этажѣ помѣщались кухня и погребъ. По невысокому крыльцу и короткому боковому корридорчику, устланному постилками, вытканными изъ разноцвѣтныхъ кусочковъ разнаго сорта матеріи, взошли мы въ прихожую. Здѣсь направо была небольшая лежанка. За прихожею слѣдовали всего двѣ комнаты — столовая и зала, раздѣленная перегородкою на двѣ половины, изъ которыхъ одна служила спальнею. Потолки, окна и двери — все это было настолько чисто, что казалось, что въ квартирѣ только что окончился ремонтъ. И вся обстановка комнатъ, самая простенькая, поражала также своею свѣжестью. Видно было, что здѣсь слабо проявлялась жизнь съ ея чадомъ и дымомъ. Предъ небольшимъ крытымъ кожею диваномъ накрытъ былъ бѣлою скатертью круглый столъ и на немъ поставлена была закуска. Среди тарелокъ съ пластинками сыра, кружками чайной колбасы, селедкою, яйцами и хлѣбомъ торчала традиціонная винная бутылка. Безъ нея провинція не водитъ знакомства, не признаетъ никакихъ удовольствій и, какъ безъ благословенія, не начинаетъ никакого дѣла. Заранѣе приготовленная закуска говорила за то, что здѣсь „безпремѣнно“ ждали гостя, какимъ

и явился я. Теперь было видно, что въ квартиру сотскаго батюшка зашелъ не случайно, а спеціально за мною.

— Что-жъ, докторъ, милости просимъ! Присаживайтесь къ столу! Вотъ передъ чаемъ по одной не мѣшаетъ, — пригласилъ меня хозяинъ и наполнилъ рюмки. Хотя и не время было выпить, но я, признаться, не отказался, зная, что въ концѣ концовъ придется уступить хозяйской просьбѣ. Батюшка чокнулся со мною, но выпилъ не вдругъ. Пилъ онъ, оказалось, самую бездѣлицу и то только въ гостяхъ или съ ними у себя. Въ его предыдущей жизни вино не служило ему, какъ служитъ безхарактерному большинству, утѣшеніемъ и забвеніемъ горя. А много горя успѣлъ уже хлебнуть батюшка. На третій годъ своего священства онъ потерялъ отъ чахотки жену и вотъ уже десять лѣтъ принужденъ влачить жизнь вдовца, отдавая все свое сердце и заботы единственному ребенку—дочкѣ, оставшейся полугодовымъ ребенкомъ послѣ смерти матери. Но и это единственное сокровище причиняло ему безпрерывное страданіе: ребенокъ постоянно чѣмъ-нибудь да болѣлъ и плохо развивался. Твердо убѣжденный въ наслѣдственной передачѣ чахотки, батюшка находился подъ вѣчнымъ страхомъ потерять свою дочь отъ этой ужасной болѣзни. Пережилъ батюшка много и другихъ житейскихъ невзгодъ, изъ которыхъ довольно крупною, оставившею на немъ замѣтный слѣдъ, было гоненіе на него со стороны прихода. Это гоненіе вызвало надъ нимъ формальное слѣдствіе, тянувшееся цѣлыхъ два года. На первыхъ порахъ своей высокой миссіи батюшка, какъ человѣкъ, полный энергіи и желанія потрудиться на пользу своего прихода, не могъ пойти по слѣдамъ своего предшественника, потерявшаго вслѣдствіе своей глубокой старости всякій интересъ къ окружающей жизни, и сталъ вводить порядки, повышавшіе нравственное значеніе причта въ приходѣ. Такіе порядки не понравились приходскимъ коноводамъ, и вотъ возгорѣлась борьба. Эта борьба, если

и унизила священника въ глазахъ его епархіальнаго начальства, зато принесла и пользу, а главное, его духовной сторонѣ, которую не рѣшаются трогать и значительно образованные люди. Заглянуть глубоко и изучить настолько себя, чтобы быть въ состояніи вполнѣ владѣть собою, а также съ полнымъ вниманіемъ относиться къ окружающимъ — вотъ что дала приходская борьба батюшкѣ. Какъ бы тамъ ни было, но она не ожесточила его, а сдѣлала изъ человѣка горячаго, нетерпѣливаго и вообще, какъ выражается деревня, броскаго, человѣкомъ осмотрительнымъ, сосредоточеннымъ, строго спокойнымъ и внимательнымъ по отношенію къ своимъ прихожанамъ. Уже во время борьбы пожилое и „почтенное“ крестьянство прихода „усмотрѣло“, что батюшка человѣкъ вовсе „не худой“, и пошло первое на примиреніе еще за долго до консисторскаго рѣшенія дѣла. Послѣ добровольнаго сближенія, уже не нуждавшагося ни въ чьемъ посредничествѣ, наступилъ между обѣими сторонами прочный миръ и батюшка вскорѣ пріобрѣлъ всеобщую любовь. Она поэтому далась человѣку цѣною борьбы съ самимъ собою и значительной передѣлки его характера и цѣною труда надъ изученіемъ окружающей жизни, а не была пріобрѣтена путемъ легкаго дипломатическаго заискиванія и уступокъ передъ „міромъ“, который въ концѣ концовъ пойметъ хитраго, „обставившаго“ его человѣка“. Деревенскій приходъ, какъ большая общественная группа, не допускаетъ со стороны отдѣльныхъ лицъ самостоятельнаго почина какъ въ непонятномъ ему еще новаторствѣ, такъ и неискренняго или сухо-оффиціальнаго къ себѣ отношенія.

Батюшка, съ которымъ я только что свелъ знакомство, прекрасно зналъ свой приходъ, начиная съ того, что могъ поименно перечислить всѣхъ домохозяевъ въ каждой деревнѣ, и оканчивая тѣмъ, что могъ сообщить особенности жизни каждой семьи. Мнѣ не приходилось послѣ этого уже никогда болѣе встрѣтить другого такого человѣка, который

такъ хорошо изучилъ бы свою „округу“ съ ея средою и обстановкою, какъ этимъ могъ бы похвалиться мой новый знакомый.

— По одной, докторъ, кажется, не закусываютъ,—вторично налилъ батюшка и усиленно постучалъ ногою въ полъ. Это было своего рода телеграфное сообщеніе съ кухнею, изъ которой не замедлила появиться въ столовую кухарка съ шумѣвшимъ самоваромъ. Она пришла въ сопровожденіи дѣвочки.

— Вотъ, докторъ, это моя синичка, — любовно промолвилъ батюшка, подозвавши къ себѣ ребенка. Гладя его по тщательно расчесанной темной головѣ, онъ продолжалъ:—вотъ, мы какіе худенькіе, докторъ! Какъ бы это вы насъ полечили? Лекарство мы всякое охотно будемъ пить!

Дѣвочка, дѣйствительно, не по своему десятиодиннадцатилѣтнему возрасту была „сухенька“ и миніатюрна. На вискахъ крошечнаго, точно воскового, личика просвѣчивались тоненькія синенькія жилки, каріе выразительные глазки глубоко сидѣли въ темносинихъ впадинахъ; губы были безъ кровинки, и вся ея съ „кулачокъ“ головка держалась на тоненькой длинной шейкѣ, черезъ „бледую“ (блѣдную) кожицу которой замѣтно было подпрыгиваніе крупныхъ кровеносныхъ сосудовъ. Ребенокъ былъ не изъ застѣнчивыхъ и держался совершенно свободно. На немъ, на этомъ „хрупенькомъ“ созданьицѣ, уже лежалъ, правда, непринужденный присмотръ за хозяйствомъ въ домѣ. Поздоровавшись со мною и не дождавшись со стороны родителя своей полной аттестаціи, дѣвочка юркнула въ столовую, которая отъ залы, гдѣ я угощался, отдѣлялась дверною аркою, не имѣвшею вовсе дверей и только жидко задрапированною ситцемъ. Столовая поэтому была на виду, и я могъ видѣть, какъ дѣвочка тамъ самостоятельно хозяйничала. Изъ чайницы, вынутой кухаркою изъ небольшого, отполированнаго подъ желтый цвѣтъ, буфета, молоденькая хозяйка отмѣрила сама для заварки ложечку чаю, затѣмъ нѣ-

сколько разъ заглянула въ сахарницу, достала изъ внутренней части буфета банку съ вареньемъ, наполнила имъ вазочку и, облизавъ языкомъ ея края, опять спрятала ее въ буфетъ. За своею работою она вплоть перешептывалась съ кухаркою и, видимо, смѣшила ее, своимъ вмѣшательствомъ контролируя каждое ея дѣло: то перетретъ вновь стаканы и ложечки, то переставитъ на подносѣ по своему чайный приборъ, то, наконецъ, заглянетъ въ чайникъ, настоялся ли чай. Когда онъ былъ готовъ и поданъ намъ, дѣвочка и тутъ ни на минуту не оставляла своихъ хозяйскихъ обязанностей, внимательно слѣдя, достаточно ли мы положили въ стаканы сахару, беремъ ли варенья, не остылъ ли или не допитъ ли у кого изъ насъ чай. Радушное гостепріимство, котораго нельзя отнять отъ нашего сельскаго духовенства, уже было успѣшно привито этому маленькому существу и для каждаго гостя въ этомъ домѣ, полагаю, не прошло бы незамѣченнымъ. Батюшка, на знакомство съ которымъ толкало меня мое деревенское одиночество, на первый разъ оказался для меня интереснымъ собесѣдникомъ и, главное, человѣкомъ, свободнымъ отъ того религіознаго фанатизма, который заставляетъ духовное лицо во всякой бесѣдѣ съ міряниномъ „навязывать“ ему Бога. Мой новый знакомый не былъ изъ подобнаго сорта духовныхъ особъ и, помимо задачъ своей высокой миссіи, интересовался многимъ другимъ, напримѣръ, медициною. На эту тему „промежъ“ насъ начался разговоръ еще дорогою въ домъ и здѣсь за чаемъ держался весь первый вечеръ нашего знакомства.

— Нѣтъ, докторъ, не повѣрю я никогда, что возможно прекратить деревенскую эпидемью вашими силами, либо тамъ какими распоряженіями, — спокойно говорилъ батюшка, прихлебывая исподволь изъ стакана чай.—Всякая эпидемья здѣсь кончается только сама собою. Нѣтъ для нея больше жертвъ, вотъ ей и конецъ. Возьмите вы теперь условія крестьянской жизни. Ну, что такое деревня? Вѣдь это, сами знаете, одна община и все здѣсь безконечно

перепутано между собою и въ родственныхъ, и бытовыхъ отношеніяхъ. Заболѣетъ здѣсь, скажемъ, какой жихарь, а у него во всѣхъ концахъ деревни то рода, то сотрудники по одному общему хозяйству. Какъ вы теперь, скажите, удержите весь этотъ людъ, чтобы онъ не навѣщалъ кто своего заболѣвшаго родственника, а кто своего заболѣвшаго товарища по работѣ и хозяйству. Если къ такому заразному деревенскому больному поставить и стражу, и то ничего, накрѣпко увѣренъ, полезнаго не выйдетъ.

— Значитъ, вы, батюшка, — сказалъ я, — безусловно отрицаете такъ называемую изоляцію заразныхъ больныхъ при эпидеміяхъ въ деревнѣ. Пусть это будетъ по вашему. Но вѣдь не одинъ же этотъ способъ только и существуетъ для борьбы вообще съ эпидеміями. Есть, вотъ, еще такъ называемая эвакуація заболѣвшихъ въ больницы и дезинфекція оставленныхъ ими помѣщеній.

— Докторъ, и этотъ способъ, увѣряю васъ, не пригоденъ для нашихъ мужиковъ. Здѣсь только тотъ способъ будетъ надеженъ, когда онъ безусловно примѣнимъ. Обратите только вниманіе, докторъ, когда къ вамъ — докторамъ обращается за помогою нашъ мужичекъ. А тогда, когда ему или совсѣмъ ужъ не въ моготу стало, или когда за нимъ свалило еще нѣсколько другихъ и когда, значитъ, болѣзнь ужъ далѣе скрывать нельзя. Вотъ, на дѣлѣ всегда и выходитъ, что докторъ является на эпидемью всегда поздно, когда она успѣла уже разгуляться. Попробуйте теперь тащить всѣхъ въ больницу! Вопервыхъ, безъ полиціи вы тутъ ничего не подѣлаете, а во-вторыхъ и время года можетъ задержать всякую отправку—безъ дорогъ, напримѣръ, весною или осенью, далеко не уѣдешь. Къ тому-жъ тутъ является и другой вопросъ, по христіански ли будетъ увеличивать страданія и безъ того тяжко-недужнаго, тряся его по отвратительной дорогѣ верстъ на двадцать — тридцать, чтобы доставить въ больницу.

Изъ всего высказаннаго батюшкою было несомнѣнно, что онъ отрицалъ всякую возможность борьбы съ деревенскими эпидеміями, такъ какъ требовалъ полной продуктивности отъ всѣхъ тѣхъ мѣропріятій, какія выработаны медициною для противодѣйствія росту и распространенію народныхъ эпидемій. Будучи въ своемъ околодкѣ „сзапоряду“ нѣсколько лѣтъ санитарнымъ попечителемъ, батюшка и самъ могъ не однократно убѣдиться и „утвердиться“ въ своемъ убѣжденіи, что полныхъ тормазовъ для остановки деревенскихъ эпидемій пока еще не имѣется.

— А знаете что, докторъ! — воодушевился батюшка. — Я могу вамъ сейчасъ представить такой дѣйствительно случай, что положительно ничего не придумаешь какъ бы это успѣшно побороться съ заразною болью. Возьмите вы, вотъ, въ настоящее время нашъ погостъ. Вѣдь это, не правда ли, очагъ нонѣшней тифозной эпидеміи. Что вы теперь, скажите на милость, сдѣлаете съ этимъ очагомъ? Здѣсь, сами знаете, храмъ Божій и сюда стекается весь приходъ. Народъ ѣдетъ сюда за десятки верстъ и обыкновенно наѣзжаетъ за-долго до службы. Чтобы обогрѣться, да оправиться, да покормить другой разъ ребятъ, наѣзжіе прихожане обыкновенно расходятся по избамъ. Народъ не боится краснаго флажка и спокойно заходитъ и въ тѣ избы, гдѣ валяются въ горячкѣ. Вотъ, другой посидитъ въ такой избѣ, смотришь, и тащитъ съ собою горячку въ новое мѣсто, а оттуда она идетъ все дальше и дальше. Такимъ манеромъ этотъ самый тифъ и разносится по приходу и свиваетъ все новыя и новыя гнѣзда. Что тутъ дѣлать? Храма Божія не закроешь. Да онъ и тутъ, какъ присно и вовѣки, только полезенъ, научая народъ вѣрѣ, надеждѣ и любви. А если я надѣюсь, то не буду падать духомъ, а иначе понимая, буду стараться быть бодрымъ. А быть бодрымъ, не робѣть да еще не измѣнять образа жизни — это вѣдь все ваши, докторъ, медицинскія наставленія на случай появленія повальныхъ болѣзней.

— Вы требуете, батюшка,—началъ я свои возраженія,—какихъ-то радикальныхъ мѣръ въ борьбѣ съ заразными болѣзнями въ деревнѣ. Но, скажите, въ какомъ дѣлѣ онѣ выработаны такъ, что безусловно вѣрны. Ни однимъ тормазомъ невозможно сразу затормозить поѣзда, ни одною самою сильною машиною сразу нельзя загасить разгорѣвшагося пожара. А изъ этого еще не слѣдуетъ, что не нужно вовсе пользоваться тормазомъ при надвигающейся на поѣздъ опасности или не тушить пожара, разъ онъ разгорѣлся. Успѣшность разнаго рода мѣропріятій зависитъ отъ многихъ условій, безпрерывно мѣняющихся, какъ и сама жизнь; и если теперь ни отъ одного дѣла нельзя ждать безусловной практичности, то изъ этого еще не выходитъ, что нужно вовсе отказаться отъ дѣла и спокойно глядѣть на народныя бѣдствія. Прямыми наблюденіями, не говоря уже о научныхъ изслѣдованіяхъ, точно установлено заразное происхожденіе горячекъ и многихъ другихъ болѣзней. Отдѣленіе больныхъ отъ здоровыхъ, иначе говоря, изоляція должна лечь въ основу всѣхъ нашихъ медицинскихъ мѣропріятій въ борьбѣ съ повальными болѣзнями. Какъ ни раціональна и проста эта мѣра, тѣмъ не менѣе на практикѣ она не можетъ дать вездѣ одинаково полезныхъ результатовъ. Въ образованномъ обществѣ, гдѣ уже укоренилось понятіе о заразномъ происхожденіи многихъ болѣзней, изоляція приноситъ свою должную пользу; въ крестьянствѣ же, гдѣ изоляціи и не понимаютъ и не даютъ, какъ слѣдуетъ, примѣнить, она, нѣтъ спора, до сихъ поръ не даетъ никакихъ должныхъ результатовъ. Тѣмъ не менѣе отказаться отъ нея здѣсь невозможно, такъ какъ она рано или поздно привьется крестьянству, какъ уже привилось оспопрививаніе. Одна та настойчивость, съ какою земско-медицинскій персоналъ проводитъ эту мѣру въ крестьянскую жизнь, уже приноситъ населенію ту пользу, что исподволь пріучаетъ его къ взгляду на заразное происхожденіе нѣкоторыхъ болѣзней и на необходимость отдѣленія больныхъ отъ здоровыхъ.

Безъ „перебивокъ", спокойно выслушалъ батюшка мои доводы, но, вѣроятно, въ силу своего чисто практическаго взгляда на вещи, исключительно свойственнаго деревнѣ, едва-ли удовлетворился ими, такъ какъ съ мелкою, какъ бы снисходительною улыбкою на лицѣ, отвѣтилъ мнѣ слѣдующее.

— А хотите, докторъ, я, вотъ, представлю вамъ недурный примѣрчикъ, какъ народъ сталъ привыкать къ этой самой вашей изоляцьи. Слышалъ я, вотъ, такую вещь про одного крестьянина. Залежалъ это у него въ бабушкахъ сынишка. А мужикъ человѣкъ бывалый былъ, про многія разности слыхивалъ, слыхивалъ и про „карантиръ". Ну и устроилъ онъ этотъ карантиръ да, послушайте, какимъ манеромъ! Взялъ это веревку да и протянулъ ее поперекъ избы. По одну сторону веревки, скажемъ, за печью, лежалъ, значитъ, его больной сынишка, а по другую сторону находилась вся семья и только черезъ веревку могла глазѣть на своего больного. И всякій заглядывавшій въ избу также черезъ веревку могъ видѣть больного ребенка.

— Для меня, батюшка, это—несомнѣнный анекдотъ, тѣмъ не менѣе онъ мнѣ въ руку. Этотъ вашъ примѣрчикъ краснорѣчиво говоритъ за то, что крестьянству не чуждо уже представленіе о нѣкоторыхъ заразныхъ болѣзняхъ и объ изоляціи. Будетъ народъ пообразованнѣе, тогда и изоляція не будетъ, какъ въ приведенномъ вами примѣрѣ, каррикатурною. Я убѣжденъ, что и при настоящемъ крайнемъ невѣжествѣ народа изоляція, какъ одна изъ коренныхъ противо-эпидемическихъ мѣръ, не встрѣтила-бы и теперь серьезныхъ преградъ, если бы экономическое положеніе большинства крестьянства стояло во много разъ выше настоящаго. Добрая половина крестьянства, какъ вамъ, батюшка, извѣстно, имѣетъ по одной только и то черной избѣ. Куда же теперь деревенскому жихарю отдѣлить своего больного, если онъ оказался въ заразной болѣзни. По этой же самой причинѣ въ большинствѣ случаевъ невозможна

въ деревнѣ и дезинфекція. Чтобы ее провести мало-мальски сносно, нужно на время очистить зараженную избу. А куда бѣдный хозяинъ выведетъ свою семью, если все его жилище заключается только въ единственной жалкой избенкѣ.

Затрогивая экономическое положеніе крестьянства, я ничуть не подозрѣвалъ, что затягиваю нашъ разговоръ и вызываю батюшку на полное откровенничанье со мною относительно его безрадостнаго положенія среди крестьянства и, вообще, затрогиваю тему, которая едва ли скоро износится, о положеніи нашей интеллигенціи въ деревнѣ, гдѣ давнымъ давно беллетристика не перестаетъ указывать такъ много практическаго дѣла всякому сорту образованныхъ людей. Ни кому такъ микроскопически и въ цѣломъ неизвѣстно экономическое состояніе нашего крестьянства, какъ нашему сельскому причту, находящемуся отъ „міра" въ полной матеріальной зависимости. При полномъ знаніи крестьянской жизни, сельскій причтъ можетъ быть по этому полезнымъ и заманчивымъ собесѣдникомъ для человѣка, интересующагося народною жизнью. Такого свѣдущаго по крестьянству человѣка я видѣлъ въ лицѣ моего собесѣдника. Его сурово-вдумчивое отношеніе къ крестьянской жизни, проявившееся съ первыхъ же словъ нашей бесѣды, дѣлало для меня желательнымъ продолженіе нашего перваго вечера. И это батюшка какъ будто предугадалъ, когда спокойно сталъ подтверждать низкое экономическое положеніе своего прихода.

— Да, докторъ, не приведи Господи, какой достатокъ у нашего мужичка,—говорилъ священникъ. Есть ли гдѣ еще такое бѣдное крестьянство, какъ въ здѣшнихъ краяхъ!? Если теперь, какъ говорятъ, улучшеніе достатка въ народѣ зависитъ отъ роста просвѣщенія, то удастся ли когда вылѣзть изъ нашей нищеты? Въ настоящее время вездѣ, гдѣ ни побываешь, только и толку, что о мужикѣ, и вездѣ требуютъ для него одного—побольше да побольше школъ. Будетъ, говорятъ, деревня грамотна, будетъ

у ней тогда побольше, чѣмъ есть, полезныхъ современныхъ знаній и тогда, значитъ, она начнетъ бытѣть. Современныя то человѣческія знанія, потребныя для улучшенія производительности земли и, вообще, для улучшенія нашего земельнаго хозяйства, мужикъ можетъ получить и внѣ школы, и всѣ эти знанія не настолько головоломны, чтобъ ихъ не могъ усвоить нашъ мужикъ съ его природною смекалкою. Тутъ вопросъ, значитъ, въ другомъ. Школа, конечно, можетъ стереть грубость съ крестьянской жизни. А для мужика вещь эта маленькая и, вотъ, онъ по этому самому смотритъ на школу и по сіе время несерьезно и отдаетъ своихъ дѣтишекъ въ обученіе грамотѣ ни чуть не по внутреннему убѣжденію, что ученье свѣтъ, а не ученье тьма, а по чисто внѣшнимъ побужденіямъ, изъ которыхъ еще не такъ давно одно изъ главныхъ было уменьшеніе срока солдатчины для окончившихъ сельскія школы. Взгляните-ка вы въ наши школы и вы увидите, что вездѣ мальчиковъ въ двадцать разъ больше, нежели дѣвочекъ. Если-бъ мужикъ хоть сколько нибудь сознавалъ необходимость школьнаго обученія, то наши школы одинаково были бы набиты какъ мальчиками, такъ и дѣвочками, которыхъ, не мѣшаетъ при этомъ замѣтить, въ деревнѣ всегда больше, нежели первыхъ. Къ этому-жъ, дѣвочки въ крестьянской семьѣ менѣе связаны работой, нежели ихъ братья. Не подумайте, докторъ, что я что-нибудь недоброе имѣю противъ школы. Я хотѣлъ только высказать свое сомнѣніе, что сельская школа едва-ли сколько улучшитъ тяжелое матеріальное положеніе крестьянства. А оно, и оно только одно, мѣшаетъ развитію крестьянства и парализуетъ здѣсь всякое благотворное вліяніе школы. Докторъ, вы не можете не согласиться, что никакая школа не сдѣлаетъ человѣка лучше, если онъ каждодневно недоѣдаетъ, живетъ въ проголодь и терпитъ только одни разнаго рода лишенія. Мужикъ извѣрился въ своей силѣ, истомился, палъ духомъ и остановился въ своемъ развитіи какъ умственномъ, такъ и нравственномъ, уже давно. Гру-

бость его какъ въ общественной, такъ и частной жизни еще до сихъ поръ поразительна и въ особенности слишкомъ много даетъ знать о себѣ человѣку просвѣщенному, бросившемуся въ нашу деревню. Для него здѣсь, повторяю, нѣтъ еще настоящаго дѣла и не одинъ изъ такихъ интеллигентовъ терялъ здѣсь всю свою энергію. Придетъ сюда, бывало, человѣкъ здоровымъ, жизнерадостнымъ, готовымъ, кажется, на самый продолжительный трудъ, а черезъ нѣкоторое время не узнать вовсе такого человѣка—обвялъ совсѣмъ. И куда дѣлись вся его энергія, вся сила, все желаніе потрудиться меньшому брату. Я не понимаю, какъ это еще до сихъ поръ раздаются голоса нѣкоторыхъ глашатаевъ, призывающихъ образованную молодежь въ деревню на какой-то здоровый и великій трудъ. Я думаю, что люди, проповѣдующіе „иди въ деревню, вотъ гдѣ ты будешь полезенъ“ и тому подобное, не имѣютъ никакого представленія о настоящемъ положеніи мужика, котораго раньше всего нужно накормить, одѣть и обогрѣть, а затѣмъ уже взяться за его просвѣщеніе. Вѣдь, вѣрно, докторъ, голодное брюхо къ ученію глухо.

Тутъ батюшка прервалъ свою рѣчь. Какъ бы утомленный взглядъ его большихъ глазъ, мимоходомъ скользнувъ по мнѣ, неподвижно остановился на противоположной стѣнѣ, отражавшей въ чудныхъ ярко-красныхъ переливахъ послѣдніе лучи догоравшаго солнца. Небольшіе часы съ гирями, къ одной изъ которыхъ подвѣшенъ былъ старый избитый молотокъ, съ шипѣньемъ пробили въ столовой девять. Не смотря на то, что было еще достаточно свѣтло, батюшка поспѣшилъ за лампою, принесъ ее и поставилъ на столъ, за которымъ мы пили чай. Маленькая хозяйка зорко слѣдила, какъ отецъ ея „заправлялъ“ лампу. Вспыхнувшій желтоватый свѣтъ ея долго еще не могъ пересилить остатковъ разсѣянныхъ лучей закатившагося дневного великана.

— А еще, докторъ, по единой, по предпослѣдней, — лѣниво потянулся хозяинъ за графиномъ,

этимъ приглашеніемъ, быть можетъ, умышленно нарушая тоскливую тишину наступившую въ комнатѣ за прерваннымъ разговоромъ. Не дожидаясь обычной хозяйской „принуки“, я взялся за наполненную рюмку, но „спорознилъ“ ее не раньше, чѣмъ заставилъ выпить самого хозяина.

— И мрачно-же, батюшка, вы настроены противъ деревни, — началъ я, закусивъ опрокинутую рюмку кружкомъ колбасы. Не смѣю не вѣрить основательности вашего такого взгляда на деревню. Но неужли-жъ нашему интеллигенту ничуть не вѣритъ мужикъ и не видитъ въ немъ своего учителя, добровольно пришедшаго въ деревню для искорененія здѣсь невѣжества и грубости.

На этотъ вопросъ у батюшки былъ готовъ отвѣтъ, который, я чувствовалъ, не явится выводомъ изъ чужихъ толковъ и мало провѣренныхъ предположеній, а будетъ подсказанъ самою жизнью, проведенною батюшкою съ десятокъ лѣтъ въ деревнѣ. Отвѣтъ явился вмѣстѣ и исповѣдью человѣка, уже давно жаждавшаго излить передъ подходящимъ человѣкомъ свою душу, обманувшуюся въ своей силѣ поднять на нѣкоторую нравственную высоту небольшую горсточку человѣчества.

— Съ вами, докторъ, приходится быть откровеннымъ, — заявилъ мнѣ мой компаньонъ, сбросивъ съ себя обычную суровую спокойность вида и воодушевившись, какъ человѣкъ, которому предстоитъ высказать нѣчто, весьма важное.

— Наше крестьянство, я полагаю, весьма одинаково и вездѣ оно, какъ какая-то древнѣйшая и тѣсно сплоченная каста, по существу своему крайне консервативно. Вотъ, въ этомъ то и лежитъ, по моему, единственная причина того, что народъ нашъ ничуть не вѣритъ въ добрыя стремленія нашего интеллигента, пришедшаго въ деревню. Мнѣ, думаю, нечего вамъ этого доказывать. Вы сами, нѣтъ сомнѣнія, на каждомъ шагу встрѣчаете со стороны здѣшняго населенія недовѣріе къ себѣ. Надѣюсь, отъ этого вы не будете отпираться. Но не только

вамъ, докторамъ, не вѣритъ нашъ мужикъ, онъ одинаково не вѣритъ и своимъ школьнымъ учителямъ, и намъ, какъ это ни странно, попамъ, которые съ нимъ живутъ бокъ-о-бокъ съ самаго крещенія Руси. На себѣ, я, вотъ, хочу показать вамъ, какъ относится наша деревня къ духовенству, которое замыслило облагородить пришедшія въ полную нравственную несостоятельность отношенія „міра“ къ причту. Я пришелъ еще совершенно молодымъ священникомъ и съ пламеннымъ желаніемъ поучать народъ. А поучать его лучше всего, какъ и до сихъ дней думаю, слѣдуетъ въ проповѣдяхъ. И съ первыхъ же дней своей пастырской дѣятельности приналегъ я на эти проповѣди. Къ нимъ я никогда не считалъ себя вправѣ приступать безъ предварительной подготовки и всегда затрачивалъ не мало труда, тщательно обдумывая и занося на бумагу каждую проповѣдь. Въ проповѣдяхъ я никогда не упускалъ случая, чтобы должнымъ образомъ не пробрать крестьянство за его мѣстные несуразные предразсудки, дикіе обычаи, за его пьянство, упорную вѣру въ колдуновъ и знахарей; вплоть пробиралъ и пробираю до сихъ поръ родителей за ихъ нежеланіе учить дѣтей грамотѣ и, стало-быть, слову Божію; словомъ, пробиралъ крестьянство за все то, что въ немъ видѣлъ или слышалъ нехорошаго. И вотъ, докторъ, оказалось, что я съ первыхъ же дней своего служенія не туда взялъ или, какъ говорится, ожогъ ноздрю, когда увидѣлъ, что мои добрые прихожане стали валить гурьбой вонъ изъ церкви передъ началомъ каждой моей проповѣди. Не правда ли, докторъ, какое грубое стадо! Конечно, я не только не могъ подчиниться такому стаду, но пошелъ далѣе. Безсмысленное неудовольствіе и раздраженіе прочивъ меня цѣлаго прихода появились особливо тогда, когда я сталъ исповѣдывать каждаго изъ своихъ прихожанъ въ отдѣльности, а не гуртомъ, какъ было до меня заведено многими предшественниками, когда отъ исповѣдающихся сталъ требовать знанія самыхъ обычныхъ молитвъ; когда

сталъ гонять отъ проповѣди крестьянъ, незнавшихъ зачѣмъ они пришли, когда не сталъ вѣнчать краденныхъ свадебъ, т. е. такихъ, когда женихъ безъ согласія родителей невѣсты уводомъ похищаетъ ее изъ родительскаго дома. Скажите, докторъ, достоинъ ли я за все это какого нибудь порицанія, достоинъ ли я того гоненія, которое претерпѣлъ отъ прихода? И кто бы теперь могъ повѣрить, какъ безсмысленно и грубо ополчились на меня мои прихожане, желая сломить мое упорство. Сами знаете, какъ ничтожно священническое жалованье и возможно ли теперь на его 180 цѣлкачей прожить попу съ семьею безъ матеріальной поддержки прихода. И, вотъ, мои добрые прихожане сговорились морить меня голодомъ, для чего перестали снабжать меня хлѣбомъ и разнаго рода снѣдью; заставили служить на стѣнку или на книжку, т. е. въ долгъ, заказныя обѣдни, крестить младенцевъ, хоронить упокойшихъ, ѣздить къ боли, словомъ, исполнять всѣ требы. Лишить меня руги имъ было очень легко, такъ какъ я послѣ первой же обѣдни, по своемъ прибытіи въ погостъ, всенародно объявилъ міру, что ѣздить со сборами по приходу я не стану, а пусть, кто желаетъ, добровольно несетъ священнику на домъ свои посильныя приношенія. Съ моей стороны это было смѣлое нововведеніе, но не опасное, какъ оказалось, для существованія цѣлаго причта. Оно задѣвало за живое только самолюбіе сосѣднихъ причтовъ, и безъ того косо смотрѣвшихъ на всю мою дѣятельность. По моему, не можетъ быть ничего унизительнѣе для священника, какъ таскаться за ругою по приходу. Тутъ оскорбленія и насмѣшки со стороны вынужденныхъ жертвователей сыпятся отовсюду и почти открыто—то пьяный мужикъ надъ тобою покуражится, то баба изъ-за десятка яицъ устроитъ тебѣ такой скандалъ, что, кажется, готовъ сквозь землю провалиться. Не понимаю, какъ можетъ еще сносить всѣ эти оскорбленія наше сельское духовенство и какъ оно могло дойти до того, что даже изощрилось въ собираніи руги. Въ нашемъ благочиніи сборы

причта настолько часты, что просто надоѣли крестьянству, которое не успѣваетъ отпускать духовенству то на „сѣмены“, то на „ѣмины“. Наши причты таскаются по приходу круглый годъ, побираясь всячиною: хлѣбомъ, курами, яйцами, сѣномъ, соломою, льномъ; ѣдутъ за Петровщиной, а есть и такіе, которые ѣздятъ, прости Господи, даже за рѣдькой.

— Какъ же это, батюшка, вы могли обойтись безъ руги?—полюбопытствовалъ я, крайне увлеченный убѣжденіемъ моего собесѣдника и увѣренный въ искренности его первоначальной дѣятельности среди крестьянства.

— И поднесь обхожусь безъ руги,—съ достоинствомъ отвѣтилъ батюшка,—и, какъ видите, живъ и здоровъ. И что это у насъ за руга? Если попъ будетъ голоденъ, то мужикъ и поцавно; если купитъ мужикъ себѣ мѣрку хлѣба, то не даетъ его попу чашечку, а нужно или рѣшето, или лукошко. Вотъ тутъ и выходитъ, что нужно обирать нищаго. Другое совсѣмъ дѣло, когда добровольно мужикъ тащитъ причту на домъ. Это несетъ свой лишекъ человѣкъ, значитъ, зажиточный, или богачекъ. Господь съ этой ругою! Не она меня обидѣла. Въ былое время волновали меня сильно, а подъ часъ и теперь, то воловье упрямство мужика, съ которымъ онъ хочетъ отстоять свои дѣдовскіе обычаи да взгляды, та нетерпимость его, которая крушитъ въ деревнѣ всякое хорошее новшество и, наконецъ, незнающая, кажется, и конца та его мстительность, которая во что бы то ни стало желаетъ допечь человѣка, тронувшаго, какъ будто пчелиный улей, его житіе. Я, извольте видѣть, отнесся построже, чѣмъ мои предшественники, къ своей задачѣ,—я, значитъ, пожелалъ поворотить по своему приходъ. Я добровольно отказался отъ вымогательской руги,— я, значитъ, не желаю имѣть дѣла съ крестьянствомъ. А месть-то крестьянская, посмотрите, какая! Два года умышленно должаетъ мнѣ приходъ за выполненныя требы, два года отказываетъ мнѣ во всякомъ при-

ношеніи и два года ругаетъ меня на всѣхъ перекресткахъ. Когда же Божья дудка, такъ величаетъ насъ крестьянство, все-таки не заиграла по желанію прихода, онъ рѣшился внѣшнимъ образомъ воздѣйствовать на меня, а для этого нужно было донести на меня преосвященному. Но на что же было пожаловаться! Я не вѣнчаю краденныхъ свадебъ, — ну, значитъ, я запрашиваю за свадьбы слишкомъ дорого и, значитъ, обираю приходъ. Доносъ въ частности и былъ сдѣланъ такой, что попъ обдираетъ приходъ за свадьбы и нельзя ли поэтому положить ему таксу. Это была вопіющая клевета и тѣмъ болѣе непонятная, что я, вскорѣ по прибытіи своемъ въ погостъ, также открыто заявилъ міру, что за свадьбы пусть со мной никто не торгуется, а платитъ по обычному положенію или кто сколько можетъ. Свадьбы, извольте видѣть, это своего рода покосъ, это главная статья дохода для причта. И во всей здѣшней округѣ нѣтъ ни одного прихода, гдѣ бы священникъ отчаянно не торговался за свадьбы. И обыкновенно онъ успѣваетъ настоять на своей запрошенной цѣнѣ. Въ томъ случаѣ, если мужикъ совершенно несговорчивъ, прибѣгаютъ здѣсь къ очень простой уловкѣ: священникъ только и скажетъ такому упрямцу — „я тебя и такъ обвѣнчаю, приходи черезъ три недѣли да неси гербовую марку“. Трехъ недѣль, т. е. трехъ выкличекъ, ни одинъ мужикъ ждать не станетъ, и, конечно, волей-не-волей соглашается на всѣ условія батюшки. Я уже вамъ, докторъ, сказалъ, что я съ первыхъ же дней своей службы заявилъ себя врагомъ всякаго торга. И поэтому вы не можете себѣ представить всей тяжести той обиды, которую по Божьей волѣ пришлось вынести, когда дошло до меня, что нѣкоторые изъ моихъ прихожанъ донесли на меня, что я до невозможности корыстолюбивый священникъ. По этому поводу было слѣдствіе, которое, конечно, не выяснило ничего преступнаго во всей моей дѣятельности. Тѣ тяжелыя для меня времена давно уже прошли, и я давно уже живу въ мирѣ съ приходомъ. Но знаете, докторъ, я самый

несчастный здѣсь человѣкъ: я страдаю, потому что поставленъ въ невозможность и нахожу безполезнымъ громить крестьянскія болячки.

Я не рѣшаюсь уже болѣе проявить здѣсь той энергіи, съ которой сюда пришелъ и которой во мнѣ остался еще нѣкоторый запасъ. Ничего стараго, потерявшаго нравственный смыслъ, здѣсь тронуть нельзя, чтобы на тебя не поднялось наше крестьянство, находящее себѣ рьяную защиту въ нашей образованной молодежи, которая его, къ сожалѣнію, еще очень мало знаетъ. Я же, бокъ-о-бокъ живущій съ крестьянствомъ вотъ уже цѣлый десятокъ лѣтъ и непосредственно его наблюдающій, могу сказать только одно, что у него нѣтъ ни одного вполнѣ развитаго нравственнаго чувства. Въ общественной жизни это — стадо, безсознательно бросающееся за всякимъ ловкимъ человѣкомъ, часто ему совершенно незнакомымъ, если къ примѣру взять пришлыхъ волостного писаря или мелкаго купца, обыкновенно скоро успѣвающихъ прочно обосноваться на крестьянской почвѣ. И выходитъ нерѣдко, что себѣ въ поводыри крестьянинъ самолично избираетъ кулака. Вы, докторъ, имѣете полную возможность провѣрить, справедливъ ли я въ своемъ только что высказанномъ мнѣніи о крестьянствѣ.

На этомъ прикончилъ батюшка свою грустную отповѣдь мнѣ о первыхъ годахъ своей пастырской дѣятельности въ деревнѣ, которая безжалостно когда-то задушила въ немъ всѣ его добрыя влеченія, всѣ его гуманные порывы, возникавшіе въ немъ для пользы ея убогой жизни. Выслушавъ этого, несомнѣнно, искренняго человѣка, и я невольно пріунылъ. Изъ тоскливаго настроенія вывелъ меня продолжительный шипящій бой часовъ. Пробило десять. Пора было домой. Я всталъ изъ-за стола и сталъ прощаться съ хлѣбосольнымъ и интереснымъ собесѣдникомъ, который и подъ напоромъ естественнаго волненія, вызваннаго тяжелымъ воспоминаніемъ, мало выдавалъ себя, храня привычный невозмутимо-спокойный, близкій къ холодному, видъ. При про-

щаніи батюшка уломалъ меня выпить „дорожный посошокъ", но тщетно пытался снабдить меня „фонарикомъ" и дать „провожатаго". Пожавъ руку любезному хозяину, я вышелъ изъ дому и скоро напалъ на уже знакомую мнѣ тропинку, которая безошибочно привела меня къ моему жилищу.

IX.

Съ этого вечера между мною и батюшкою завязалось постоянное знакомство съ его аккуратными посѣщеніями другъ друга. Одинъ вечеръ я тащился къ батюшкѣ, другой — батюшка приходилъ ко мнѣ въ школу, не разъ замѣчая при этомъ по адресу какихъ то злыхъ языковъ: „вотъ, теперь я черезъчуръ ужъ аккуратно посѣщаю школу!.." За все время моего знакомства съ нимъ, онъ не переставалъ хладнокровно поддерживать своего невыгоднаго мнѣнія, высказаннаго имъ относительно крестьянства въ первый вечеръ нашего знакомства. Онъ клеймилъ главнымъ образомъ нравственную несостоятельность крестьянскаго міра, но не какъ человѣкъ мстительный или злопамятный, а какъ спокойный наблюдатель окружающей его жизни, проходившей въ отчаянномъ сопротивленіи всякому благотворному вліянію извнѣ. Что онъ, дѣйствительно, не имѣлъ никакого сердца противъ крестьянства, это видно было уже изъ того, что иной разъ самъ шелъ за мною въ поискахъ хорошаго у него. Но открытое нами хорошее тянулось въ видѣ тоненькихъ чистыхъ струекъ въ широкомъ и, въ общемъ, сильно мутномъ потокѣ крестьянской жизни. Я всегда принужденъ былъ обращаться къ этимъ чистымъ струйкамъ, когда батюшка, подъ напоромъ своихъ главныхъ наблюденій, впадалъ иногда въ очень ужъ пессимистическое настроеніе относительно крестьянства. Въ подобныя минуты я упорно застаивалъ крестьянство, хотя, признаться, въ проходящей предо мною крестьянской жизни лично не успѣлъ еще, за исключеніемъ тѣхъ струекъ, про

которыя только что сказалъ, открыть ничего существенно хорошаго и свою защиту крестьянства строилъ на теоретическомъ основаніи. Мнѣ, къ счастью, не долго пришлось основывать защиту крестьянскаго міра на однихъ только предположеніяхъ и догадкахъ. Черезъ недѣлю послѣ знакомства съ батюшкою въ его же домѣ я случайно завелъ другое знакомство съ Петромъ „Иванычемъ“, мѣстнымъ церковнымъ старостою, который своею богато одаренною натурою помогъ мнѣ выручить ту среду, гдѣ почтенный іерей отрицалъ если и не всякія нравственныя достоинства, то во всякомъ случаѣ всякую наклонность къ какому бы то ни было прогрессу. На грустномъ фонѣ деревенской жизни Петръ Иванычъ былъ человѣкъ рѣдкостный или, просто, исключительный: онъ неизмѣримо высоко стоялъ надъ деревнею. Странно, что существованіе подобной личности въ деревнѣ ни для кого не представляло здѣсь хотя бы слабаго интереса. Батюшка—и тотъ проходилъ молчаніемъ этого человѣка, считая его исключеніемъ изъ общаго правила и не принимая поэтому въ разсчетъ при оцѣнкѣ крестьянства.

Съ внѣшней стороны Петръ Иванычъ ничѣмъ не отличался отъ любого деревенскаго обывателя и только при исполненіи обязанностей церковнаго старосты, т. е. въ церкви, одѣтъ былъ въ коротенькій суконный „спиджакъ“ и носилъ иногда легкое суконное пальто. На видъ онъ былъ вполнѣ „справный“ мужчина, т. е. широкоплечій и плотный, и слылъ поэтому еще за человѣка „калянаго“ или, иначе, сильнаго. Его круглое свѣжее лицо съ большими голубыми глазами, крупнымъ прямымъ носомъ, небольшою густою русою бородою и рыжеватыми небольшими усами имѣло дѣловое, сосредоточенное выраженіе, а при улыбкахъ на немъ играла „хитреца“. Говорилъ Петръ Ивановичъ медленно, какъ бы обдумывая каждое слово, и въ разговорѣ никогда не употреблялъ словъ деревенскаго мѣстнаго жаргона, а также не держался деревенской „повадки“

причокивать или прицокивать. Если съ внѣшней стороны „церковный засовъ“ (такъ въ насмѣшку зоветъ деревня церковныхъ старостъ) ни чѣмъ существеннымъ не отличался отъ любого деревенскаго обывателя, за то по своему внутреннему развитію и особенно пониманію современнаго веденія сельскаго хозяйства онъ далеко оставлялъ за собою „сѣрую“ деревенщину, какъ руда застывшую въ безыскусственной формѣ земледѣлія. Въ этомъ дѣлѣ Петръ Иванычъ былъ первый прогрессистъ и не только въ родной деревнѣ, но и въ цѣломъ приходѣ. Полосы его надѣльной земли и собственной небольшой пустоши давнымъ-давно не знали „гостомысловой ковырялки“—сохи-матушки, а взрывались плугомъ и усовершенствованною бороною съ желѣзными „сучьями“, на гумнѣ грохотала молотилка съ коннымъ приводомъ и трещала вѣялка; на нивы высѣвались хорошо очищенныя и сортированныя сѣмена; огородъ засаживался разсадою, выращенною изъ сѣмянъ, пріобрѣтенныхъ покупкою изъ извѣстныхъ торговыхъ заведеній, а не изъ рукъ бродячихъ „ростовцевъ“, сбывающихъ по деревнямъ, обыкновенно зимою, плохія сѣмена для деревенскаго огорода. Всегдашнимъ платоническимъ желаніемъ Петра было введеніе въ полевое хозяйство родной деревни травосѣянія, но для этого необходимо было согласіе деревеннаго схода. Какъ ни бился Петръ съ своими односельчанами, стараясь сломить ихъ предвзятое недовѣріе къ новому полевому нововведенію, но согласія не получилъ, и несомнѣнно его выгодная для деревни „затѣя“ иногда подымалась міромъ даже на смѣхъ, какъ „напрокутившая“. Сильно стѣсненный размѣрами своего „сдворка“, Петръ долгое время не могъ показать деревнѣ всей своей способности всецѣло культивировать каждый клочекъ „земелицы“, пока не дождался давно предвидѣннаго случая купить отъ сосѣда пронойцы его заглохшій и „спущенный на нѣтъ“ ободворокъ. Здѣсь онъ развелъ фруктовый садикъ, дававшій ему уже небольшой, но вѣрный доходъ, и пріобрѣвшій завидную

славу въ цѣломъ околоткѣ. Этотъ садикъ Петръ велъ опытною рукою истаго садовода и смотрѣлъ на него, не какъ на легкую забаву, предназначенную служить для празднаго удовольствія дѣтворы, а какъ на неотъемлемую часть своего хозяйства. Уже одно это обстоятельство говорило за то, какъ широко понималъ Петръ задачи крестьянскаго хозяйства, основанныя на раціональной эксплоатаціи каждаго земельнаго клочка. Умному мужику жалко было видѣть, какъ зря пропадаетъ самая лучшая ободворочная земля подъ деревенскими садами, выращиваемыми какъ-будто только для полученія тѣнистой зелени да „лѣшихъ“ яблокъ, пригодныхъ развѣ только бабамъ для приготовленія кваса. Не только по части улучшенія земельнаго хозяйства Петръ былъ передовымъ въ своей мѣстности, но и въ другомъ существенномъ для деревни вопросѣ, а именно въ вопросѣ о школѣ. Въ немъ онъ выказалъ себя человѣкомъ, высоко стоящимъ надъ родною деревнею. Избираемый часто сходовымъ, Петръ никогда не упускалъ случая напомнить волостному сходу, что „грамота не грузна и не за спиною ее таскать“, и всегда настаивалъ на необходимости ходатайства объ открытіи новыхъ школъ въ своей волости. Выучившись грамотѣ самоучкою и выводя съ испариною на лбу крупными каракулями свое имя, онъ постоянно „жалился“, что Богъ не привелъ ему поучиться въ настоящей школѣ. Зато всѣхъ своихъ своихъ дѣтей—трехъ „сыновъ“ посылалъ въ земскую школу, которую они прошли и съ грамотою которой пока не разставались, что къ прискорбію довольно часто случается въ деревнѣ, покупая и доставая черезъ мѣстнаго учителя разнаго рода книжки для чтенія. Полностью семья Петра состояла изъ жены и, какъ сказано, трехъ сыновей. Составъ семьи представлялъ собою значительную рабочую силу, такъ какъ „мальцы“ были въ возрастѣ 16 — 20 лѣтъ и легко справлялись со всею полевою работою. Только на помощь хозяйкѣ Петръ держалъ работницу. Пятистѣнникъ, гдѣ жила эта „дюжая“ семья, ничѣмъ

не отличался по своей наружности отъ такой же постройки зажиточныхъ мужиковъ, и только полный порядокъ и чистота, царившіе на дворѣ и возлѣ надворныхъ построекъ, говорили за то, что здѣсь хозяинъ усвоилъ уже понятіе о разумности чистоплотной жизни. Пятистѣнникъ, какъ обыкновенно, состоялъ изъ двухъ половинъ, неимѣвшихъ, однако, здѣсь, какъ у большинства зажиточнаго крестьянства, различнаго назначенія. Какъ передняя половина, такъ и задняя, были одинаково жилыми избами и содержались въ одинаковой примѣрной чистотѣ. Полы, гладко выстроганныя стѣны, дверные и оконные облипки, высокія двери и широкія пристѣночныя лавки—все это здѣсь „сурукалось" голикомъ, пескомъ или хвощемъ и мылось въ обѣихъ половинахъ и не только передъ Рождествомъ и Пасхою, какъ это обыкновенно дѣлается въ крестьянскихъ избахъ, а по мѣрѣ загрязненія. Сидя въ рабочей половинѣ этого домя, я всегда удовлетворялся ея чистотою и никогда ужъ больше не могъ согласиться съ общераспространеннымъ деревенскимъ мнѣніемъ, что пахарю при его безпрерывной и само по себѣ грязной работѣ нѣтъ никакой возможности содержать въ видимой чистотѣ свое жилище. Познакомившись съ семьею Петра, я скоро сдружился съ нею и сталъ навѣщать такъ же часто, какъ и батюшку. Меня тянули въ эту семью вѣчно бодрое и жизнерадостное настроеніе всѣхъ ея членовъ и та патріархальность, которая ничуть не пострадала отъ проникновенія сюда грамоты. Здѣсь всѣ бодрствовали подъ вліяніемъ одного человѣка, всѣ слушались одной волѣ и каждый безъ всякой „принуки" выполнялъ работу, назначенную ему сообразно его силѣ или наклонности. Точное и равномѣрное распредѣленіе труда между всею рабочею силою семьи было указательною чертою хозяйской распорядительности Петра. Младшему изъ его сыновей, шестнадцатилѣтнему Василію, заталанило по части столярной и плотничьей работъ и онъ поэтому не только ремонтировалъ все въ домѣ, но и выдѣлы-

валъ хозяйственныя орудія и ставилъ постройки. Вскорѣ послѣ моего знакомства съ Петромъ съ Васютки снята была на долгое время вся его обычная работа и предоставлена новая--быть моимъ возчикомъ по сосѣднимъ деревнямъ, не избѣжавшимъ горькой участи получить себѣ изъ нашего погоста тифозную горячку. Моимъ возчикомъ Васютка сталъ по очень простой причинѣ. Для поѣздокъ по зараженнымъ окрестнымъ деревнямъ мнѣ необходимо было имѣть постоянную подводу. По этому поводу я обратился къ Петру, какъ къ своему уже знакомому, чтобы онъ посодѣйствовалъ мнѣ подыскать желающаго, кто бы взялся возить меня, когда и куда мнѣ ни потребуется. Петръ самъ изъявилъ свое согласіе предоставить въ мое полное распоряженіе отдѣльную лошадь съ ямщикомъ и спросилъ съ меня за это двадцать рублей ежемѣсячной платы. Цѣна была подходящая и я согласился.

X.

Первыя двѣ—три поѣздки за погостъ я совершилъ вмѣстѣ съ Петромъ, желавшимъ во что бы то ни стало познакомить меня съ нѣкоторыми изъ своихъ знакомыхъ. Эти знакомства ввели меня въ значительный кругъ крестьянства всѣхъ по состоянію ранговъ, но въ общемъ съ трудомъ сводившаго концы съ концами. Мой постоянный возница Васютка также не упускалъ случая, при проѣздѣ черезъ знакомыя деревни, „завертывать“ къ тѣмъ изъ знакомыхъ своего отца, съ которыми послѣдній не успѣлъ лично меня перезнакомить. Въ концѣ концовъ у меня образовался довольно большой кругъ знакомства, которое дало мнѣ возможность близко подойти къ крестьянству и выяснить себѣ то, что въ немъ особенно меня интересовало и парализовало мою работу, а именно, народное знахарство, на которое я наталкивался на каждомъ шагу въ деревенской жизни. Если въ такихъ современныхъ крупныхъ центрахъ просвѣщенія и движенія прогресса,

какими являются Парижъ, Лондонъ и другіе главные европейскіе города, на глазахъ у всѣхъ широко спекулируетъ знахарство и во всякомъ случаѣ не боится объявляться всенародно, то въ нашей убогой деревнѣ уже a priori оно должно существовать въ широкихъ размѣрахъ. Здѣсь только оно находитъ себѣ полное оправданіе, какъ выраженіе народной самопомощи, возникшей на почвѣ невѣжества и бѣдности. За знахарство нашу деревню клеймить грѣшно уже и потому, что здѣсь оно слабо преслѣдуетъ корыстныя цѣли и для своего распространенія не прибѣгаетъ къ гнусной рекламѣ, а наоборотъ, старается „хорониться“ отъ любопытства особенно всѣхъ тѣхъ людей, которые прямо не принадлежатъ деревнѣ. Свое знахарство деревня создала только для себя и не имѣетъ въ виду выпустить его за обочину своей жизни, пронизанной вдоль и поперекъ суевѣріями и предразсудками, пышно выростающими на почвѣ убогой жизни и малокультурнаго земледѣльческаго труда. Какъ единственный плодъ суевѣрной жизни, знахарство для нашего крестьянства составляетъ значительную цѣнность, желательное пониженіе которой стоитъ въ прямой зависимости отъ распространенія въ народѣ грамотности. Если въ настоящее время земская медицина замѣтнымъ безъ напряженія вниманія образомъ и сократила работу знахарства, то это замѣтно только въ тѣхъ счастливыхъ уголкахъ земской Россіи, гдѣ на устойчивомъ и широкомъ основаніи поставлена народная земская школа. Въ огромномъ же большинствѣ случаевъ земская медицина съ ея только лечебною цѣлью, хотя изъ года въ годъ и развиваетъ свою энергію для борьбы съ знахарствомъ, не искореняетъ его, а заставляетъ только съ поверхности убраться въ глубь народной жизни. Какъ въ самомъ погостѣ, куда привела меня моя временная обязанность эпидемическаго врача, такъ и во всѣхъ тѣхъ деревняхъ, куда забиралась сыпная горячка, знахарство открыто вело свою безсмысленную работу, или совсѣмъ преграждая недужнымъ земско-медицинскую

научную помощь, или отдаляя отъ нихъ послѣднюю на довольно продолжительное время. И въ такомъ положеніи дѣло стояло какъ до моего пріѣзда, такъ и во все время моего пребыванія въ пораженной горячкою мѣстности, которая входила въ одинъ изъ самыхъ старыхъ земско-медицинскихъ участковъ уѣзда и, слѣдовательно, уже въ достаточной мѣрѣ могло бы привыкнуть къ пользованію научно-медицинской помошью. Тѣмъ не менѣе въ этой мѣстности было полное царство знахарства, работу котораго я частенько накрывалъ врасплохъ. Мнѣ впослѣдствіи безъ особаго труда удавалось знакомиться до малѣйшихъ подробностей со всѣми пріемами знахарской лечебной помощи. Захвативъ врасплохъ какую-нибудь изъ знахарскихъ продѣлокъ, я шелъ по ней, какъ по путеводной нити, къ выясненію цѣлаго способа знахарскаго врачеванія и часто по свѣжимъ слѣдамъ доходилъ и до самого знахаря. Представителями народнаго врачеванія въ этой мѣстности были: колдунъ или „волхва“, ворожея, знахарь и бабка. Всѣ эти народные „вѣдуны“, хотя и служатъ, казалось бы, одному общему дѣлу, вполнѣ опредѣленно и рѣзко отличаются другъ отъ друга по особенностямъ, присущимъ работѣ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Наиболѣе интереса представляетъ личность деревенскаго колдуна или „волхвы“. Такую личность, какъ извѣстно, создали самыя отдаленныя и темныя времена язычества, и естественно поэтому предположить, что она въ полной сохранности не могла дожить до нашего времени. Тѣмъ не менѣе, и какъ это ни прискорбно, колдунъ въ своей языческой формѣ дожилъ и до нашихъ дней— онъ здравствуетъ и поднесь въ нашей русской деревнѣ, гдѣ и поднесь ищутъ его чудодѣйственной помощи. Работа колдуна, какъ и въ сѣдыя времена, стоитъ въ зависимости отъ вѣчной злобы на человѣка „темнаго“ или „лѣса“, какъ въ обходъ рѣдко произносимому въ крестьянствѣ слову деревенскій обыватель называетъ чорта, вѣчное вмѣшательство котораго въ земную жизнь простолюдина является

вездѣ чѣмъ-то неизбѣжнымъ. По убѣжденію мужика колдунъ или „волхва“ долженъ „безпремѣнно“ знаться съ чортомъ, тогда какъ знахарь при своей дѣятельности можетъ ходить въ страхѣ Божьемъ и прибѣгать къ помощи креста и молитвы. Въ этомъ и заключается главное различіе въ дѣятельности колдуна и знахаря. Сила чорта, какъ грѣховная, въ концѣ концовъ даетъ себя знать и на самомъ колдунѣ, который ею пользуется. Такъ, колдунъ, по народному повѣрью, не можетъ умереть и сильно страдаетъ до тѣхъ поръ, пока не вынутъ надъ нимъ „потолочины“, а также не можетъ умереть, пока не сдастъ своихъ знаній и тайнъ кому-либо изъ присутствующихъ. Въ это народное повѣрье вмѣшивается уже христіанство, которое требуетъ, чтобы человѣкъ передъ своею смэртью взглянулъ на небо, т. е. обратился къ Богу и очистился отъ всего грѣховнаго, иначе говоря, принесъ покаяніе въ содѣланныхъ имъ прегрѣшеніяхъ. Изъ этого же повѣрья еще видно, что всѣ чудесныя, тайныя знанія колдуновъ могутъ передаваться другимъ обыкновеннымъ смертнымъ, какъ бы по наслѣдству. Деревенскіе колдуны не всѣ въ одинаковой мѣрѣ знаютъ чудодѣйственныя тайны и не всѣ въ одинаковой степени могутъ владѣть силою этихъ тайнъ. Есть колдуны, которые могутъ отворaживать или нейтрализовать дѣйствія своихъ собратовъ по черной магіи; есть и такіе, которымъ вовсе не дается сдѣлать того, что легко продѣлываютъ другіе. По образу своей жизни деревенскій колдунъ ничѣмъ не отличается отъ обыкновеннаго деревенскаго обывателя и вовсе не обставляетъ своего жилища, какъ фантазируютъ иногда художники лубочныхъ картинъ, такими вещами, которыя не имѣютъ никакого отношенія къ обыденной жизни всякаго крестьянина. Въ избѣ деревенскаго колдуна я никогда не находилъ чего либо особеннаго — ни чучелъ совы или ворона, ни мертвецкихъ „костокъ“, ни „оползовины“ гадовъ, ни лошадиныхъ челюстей, ни какихъ либо другихъ, подобныхъ этимъ безполезнымъ гадостямъ,

вещей. Словомъ, деревенскій колдунъ въ своей домашней жизни ничѣмъ не выдаетъ своего ремесла, за которое ему иногда жестоко влетаетъ отъ деревни. Въ числѣ деревенскихъ колдуновъ состоятъ обыкновенно мужчины и рѣдко женщины. Я никогда не слышалъ, чтобы этимъ недобросовѣстнымъ дѣломъ занимался кто либо изъ молодыхъ и холостыхъ мужчинъ либо молодыхъ и незамужнихъ женщинъ. Никогда я также не слышалъ, чтобы кто либо изъ деревенскихъ адептовъ черной магіи занимался исключительно однимъ колдовствомъ, нажилъ себѣ на этомъ „добра“ и слылъ за богатаго или по крайней мѣрѣ состоятельнаго жихаря. За свой трудъ деревенскій колдунъ получаетъ самые пустяки и весь такой побочный доходъ обыкновенно цѣликомъ тащитъ въ кабакъ. Въ народѣ существуетъ одна пословица, которая довольно характерно выясняетъ матеріальныя выгоды отъ занятія колдовствомъ. Вотъ эта пословица: „какъ колдунъ ни колдуе, николи на парѣ не борнуе, а все на одной“. Если ложь и обманъ въ большинствѣ случаевъ руководятъ колдунами въ ихъ безсмысленной работѣ, за то есть изъ нихъ и такіе, которые убѣждены въ своемъ призваніи, силѣ обладаемыхъ ими чудесныхъ тайнъ и особенныхъ свойствахъ своей организаціи. Эти особенныя свойства колдуновъ, какъ я наблюдалъ, обыкновенно заключаются въ природныхъ физическихъ уродствахъ ихъ организаціи. Что касается деревенскаго люда, то большинство его вѣритъ и боится силы колдуна и только самая ничтожная и грамотная часть деревни видитъ въ немъ безбожнаго обманщика, котораго при случаѣ „вразумляетъ“ вожжами, а то и „кольемъ“. Въ чемъ же теперь состоитъ дѣятельность деревенскихъ колдуновъ? Вся работа ихъ носитъ на себѣ исключительно злой и вредный характеръ, что вполнѣ гармонируетъ съ дѣйствіемъ воображаемой дьявольской силы, которою, по мнѣнію народа, пользуются колдуны. Причинить въ какой бы то ни было степени вредъ человѣку и животнымъ—вотъ суть всей главной дѣя-

тельности колдуна. Онъ, по мнѣнію народа, напускаетъ на людей порчу, а на скотъ „портежъ“; онъ дѣлаетъ въ хлѣбахъ ржи и овса „заломы“ и „пережины“: онъ „выкликаетъ“ молоко и „вынимаетъ споръ“ съ чужихъ урожаевъ ржи и яровыхъ; онъ производитъ въ огородахъ „килородицу“ и „портитъ“ дворы такъ, что въ нихъ не ведется скотина. Своимъ чародѣйствіемъ онъ можетъ кого угодно изъ деревни вовсе лишить урожая и, наконецъ, можетъ вселить полный разладъ въ „согласную“ семейную жизнь преимущественно молодыхъ супруговъ. Весь этотъ чисто сказочный кругъ дѣятельности колдуновъ сильно угнетаетъ невѣжественнаго, суевѣрнаго деревенскаго обывателя и въ основѣ ея обыкновенно лежатъ зависть, злоба и корыстолюбивые разсчеты. Послѣдніе открыто сказываются въ другой половинѣ дѣятельности колдуновъ. Эта часть ихъ работы съ оттѣнкомъ добра, выражается въ стремленіи какъ будто помочь ближнему и его „животамъ“ и въ частности заключается въ слѣдующемъ. Колдуны могутъ распознать: кѣмъ, какая и въ какой степени напущена порча на больного человѣка или заболѣвшее животное; могутъ „вынуть съ черты“, кто попалъ въ „худой слѣдъ“ или „вихоръ“; могутъ снова сблизить разошедшуюся супружескую чету и владѣютъ таїнымъ знаніемъ, чтобы приворожить къ влюбленной особѣ предметъ ея страсти; могутъ пристрѣлять какое угодно ружье такъ, что оно никогда не будетъ давать промаха; могутъ достатъ такой „рупъ“, который въ рукахъ владѣльца не будетъ никогда переводиться на пьянство и разнаго рода удовольствія; наконецъ, эти маги всесильны уничтожить или отворожить все то, что причинили злого людямъ или они сами, или ихъ товарищи по профессіи. Въ отвораживаніи напущенной самимъ же колдуномъ на кого либо порчи проходитъ большая часть его дѣятельности. Въ ней, понятно, нельзя искать никакой другой цѣли кромѣ одного желанія заглянуть въ денежный кисетъ обнищавшаго деревенскаго обывателя.

Въ чемъ же теперь заключается суть колдовства и къ какимъ средствамъ прибѣгаютъ колдуны для приведенія въ дѣйствіе той чудесной силы, которую приписываетъ имъ народъ? Силу эту, какъ уже сказано, колдунъ можетъ получить по наслѣдству, какъ фамильный, значитъ, даръ. Кромѣ этого, колдуномъ можно сдѣлаться помимо всякаго съ своей стороны желанія, по одному только назначенію силъ преисподней. Въ послѣднемъ случаѣ колдунъ является носителемъ или медіумомъ переданной ему изъ преисподней чудесной, но враждебной людямъ, силы. Кромѣ всего этого, колдовству можно научиться и по собственному желанію. Преподавателями черной магіи являются обыкновенно тѣ изъ колдуновъ, которые изъ-за страха Божія сами перестали колдовать, но не порвали еще окончательной связи съ этимъ дѣломъ. Своихъ учениковъ эти учителя обучаютъ разнаго рода заговорамъ и сообщаютъ каждому изъ нихъ въ отдѣльности, въ ихъ исключительную собственность, три магическихъ слова, посредствомъ которыхъ они будутъ входить въ общеніе съ „темною“ силою. Въ заключеніе обученія каждый ученикъ обязанъ выпить стаканъ воды изъ бутылки, въ которую засаженъ живой черный „гадъ“. Съ этою водою въ вновь испеченнаго колдуна переходятъ отъ гада вся его мудрость или хитрость, которымъ нѣтъ конца и которыя открываютъ человѣку широкіе горизонты чудеснаго. Такимъ образомъ каждый колдунъ владѣетъ запасомъ заговоровъ и знаетъ три магическихъ слова, приводящихъ въ исполненіе его желанія. Заговоры и свои магическія слова колдунъ всегда „шопчетъ“ (шепчетъ) надъ такими предметами, которые когда-то имѣли жизненное значеніе въ тѣлѣ человѣка или животнаго и затѣмъ его окончательно утратили. Такъ, колдуны свои заговоры обыкновенно произносятъ надъ кобыльимъ „мѣстомъ“, зубомъ или, вообще, надъ какою нибудь костью изъ костяка человѣка или животныхъ, найденною на могильникѣ или буѣ, кускомъ „пропастины“ (загнившее мясо какого ни-

будь издохшаго животнаго), клокомъ шерсти, косою, сплетенною изъ разнаго цвѣта волосъ, „оползовиною“ (сброшенная кожа) змѣи и т. п. Изъ этихъ такъ называемыхъ „заговорныхъ“ предметовъ колдунъ избираетъ одинъ, ему нужный, и тайно отъ всѣхъ на „утренней росѣ“ или „вечерней зарѣ“ съ соотвѣтствующимъ случаю заговоромъ закапываетъ его на скотномъ дворѣ, огородѣ или нивѣ того, которому намѣренъ причинить порчу. Иногда заговорный предметъ колдунъ подбрасываетъ незамѣтнымъ образомъ и въ жилое помѣщеніе, чтобы „напужать“ суевѣрнаго хозяина и тѣмъ представить себѣ возможность получить заработокъ. Колдунъ хорошо знаетъ, что здѣсь сейчасъ же обратятся за его содѣйствіемъ, чтобы отвести наведенную на домъ порчу. Приступая къ заговору, колдунъ снимаетъ съ себя крестъ съ тѣмъ, чтобы, какъ думаетъ крестьянство, отречься отъ Христа. Крестомъ, значитъ, можно застраховать себя и отъ бѣсовскихъ навожденій колдуна. И народъ „крѣпко“ вѣритъ, что колдунъ не въ состояніи „спортить“ человѣка, если послѣдній угадаетъ своевременно, т. е. въ моментъ произношенія заговора, сотворить крестное знаменіе или прочесть „воскресную“ молитву (Да воскреснетъ Богъ, да расточатся...). Съ этою же цѣлью обыкновенно на „Ивана“ (24 іюня) деревенскій хозяинъ мажетъ дегтемъ крестъ на лбу своихъ коровъ. На „Егорія“ (23 апрѣля) въ деревняхъ существуетъ даже цѣлая обычная церемонія, связанная съ цѣлью воспрепятствовать колдунамъ портить скотъ. „Егорій на бѣломъ конѣ“, какъ извѣстно, считается народомъ патрономъ лошадей. Въ день этого святого крестьянство въ первый разъ послѣ проведенной зимы выпускаетъ въ поле скотъ. Прежде чѣмъ выгнать въ поле „животовъ“, хозяинъ идетъ на скотный дворъ съ иконою, освященною вербою, парою яицъ, окрашенныхъ въ желтый цвѣтъ, корзинкою жита, пирогомъ и кусками хлѣба. Икона ставится на какой нибудь столбъ, а внизу его кладутся яйца и прикрываются соломою. Каждая штука скота получаетъ по кусочку хлѣба и каждая въ от-

дѣльности выгоняется со двора ударами освященной вербы. Яйца, пирогъ и жито получаетъ пастухъ.

Вся дѣятельность колдуновъ, какъ уже выяснено, находится въ извѣстныхъ рамкахъ. Если взглянуть внимательно на всю не особенно сложную крестьянскую жизнь, то не станетъ сомнѣнія, что такія рамки для знахарства выдѣлало само же крестьянство и въ нихъ помѣстило точную картину не только своего міровоззрѣнія, но и своего быта. Въ основѣ главной дѣятельности колдуновъ лежитъ, какъ уже сказано, порча людей и портежъ скота. Какъ порча, такъ и портежъ, по мнѣнію народа, имѣютъ нѣсколько степеней своего проявленія. Высшая степень болѣзненнаго состоянія человѣка собственно и есть порча, которая характеризуется тѣмъ, что оставляетъ глубокія измѣненія въ организмѣ. Къ такой порчѣ народъ относитъ „затряхотника“ или „затряхотницу“, т. е. падучую болѣзнь, родимецъ, пляску св. Витта, разнаго рода параличи и „лихоманки“, т. е. лихорадки. Большинство изъ этого рода болѣзней народъ олицетворяетъ въ образѣ злыхъ людей, обыкновенно женщинъ, и нечистой силы. Такъ, при „затряхотникѣ“ на человѣка, преимущественно соннаго, находитъ „темный“ или чортъ. Родимецъ происходитъ отъ того, что человѣка „пытаетъ“ также „темный“. Разнаго рода „лихоманки“ производятъ семь сестеръ, дочерей какого-то миѳическаго царя Ирлуса. Народъ даетъ даже названіе каждой изъ этиху вѣдьмъ въ отдѣльности. Такъ, имъ даны такія имена: Чудейфъ, Діофа, Трясуха, Веснуха, Листопадка, Сухотія и Желтія. Злыя сестры Діофа и Чудейфъ производятъ сыпную горячку или тифъ; сестры Веснуха и Трясуха стучатся въ крестьянскую хату раннею весною и поражаютъ человѣка перемежающеюся или болотною лихорадкою; въ осеннее же время болотную лихорадку приноситъ собою Листопадка; сестры Сухотія и Желтія, олицетворяя собою послѣдствія перенесенной лихорадки, причиняютъ болѣвшимъ ею „сухотку“ (истощеніе) и желтизну лица. Всѣ тѣ болѣзни, которыя протекаютъ хронически или остав-

ляютъ глубокія измѣненія въ организмѣ, приписываются народомъ главнымъ образомъ дѣйствію злыхъ духовъ. Злой духъ причиняетъ крестьянству болѣзни то по личному злому побужденію, то по наущенію или, лучше, „напущенію" колдуна. Изъ послѣдняго выходитъ, что злой духъ можетъ являться иногда слугою колдуна и долженъ тогда ему повиноваться. Это сказывается въ томъ народномъ повѣрьѣ, гдѣ колдунамъ приписывается сила излеченія больного отъ нашедшаго на него злого духа или возможность удаленія домового или „баеннаго" изъ какой нибудь постройки или бани. По поводу сказаннаго мнѣ лично пришлось въ одной деревнѣ услышать такое признаніе бабы, которая обратилась ко мнѣ за медицинскимъ совѣтомъ для своего шестилѣтняго сына.

— Огляжь, баринушка, чимъ ребенокъ боленъ,— говорила мнѣ баба, подтаскивая ко мнѣ своего донельзя застѣнчиваго ребенка, энергично упиравшагося объ полъ голыми ногами. — Какой то енъ въ насъ недяглый (слабый). Вонъ, и боимся, не приставши-ль къ ему какая хворь. Лѣтось, правду надо сказать, родимецъ его затряхивалъ, да тогды-жъ возили его къ волхвы. Такъ тотъ, спасибо, скоро его отогналъ.

— Какъ же это онъ его отогналъ? — любопытствовалъ я.

— Богъ его вѣдае, што енъ тамъ такое дѣлалъ! Тольки и знаю, што енъ таскалъ его въ баню. Надо думать, што заговоръ тамъ какой шепталъ.

— Ну, родимецъ послѣ этого такъ больше и не приходилъ?

— Приходить-то приходилъ, да только какъ сказалъ волхва. Вотъ ужъ, взаправду, премудрое дѣло!

— А что это вамъ сказалъ волхва? — выпытывалъ я бабу.

— Што, спрашиваешь, сказалъ? А вотъ што! Тридцать, стало быть, дней, сказывалъ волхва, сына-то твово родимецъ пытать еще буде да только не

кажиный день, а все черезъ два али три дня и то настояще затряхивать не буде, а куда легоше, чѣмъ съ начатія. На тридцать первый день приде этта напослѣдокъ и потрясе за губу—съ тымъ родимецъ и отойде. И вотъ какъ енъ энто самое сказалъ, такъ и сталось. Ну, вотъ што кажино словечко впакалъ (угадалъ).

Для производства порчи у людей колдунамъ всегда необходимо содѣйствіе „нечистиковъ“ или какой другой, сродной съ послѣдними, силы, напримѣръ, „проклиныщей“, т. е. людей, умершихъ проклятыми своими родителями, или „удавящихъ“ (повѣсившихся) и, вообще, всякаго рода самоубійцъ. Безъ этой помощи колдуны безсильны напустить тяжелую порчу на человѣка, хотя съ другой стороны они, какъ уже сказано, могутъ выворожить многіе „изводы“, произведенные у людей нечистою силою. Колдуна, сказываетъ деревня, постоянно мучаютъ черти, чтобы онъ имъ и себѣ задавалъ постоянно работу. И, дѣйствительно, колдуну деревенское воображеніе приписываетъ много таинственнаго дѣла. Помимо разныхъ порчъ, самостоятельный кругъ дѣятельности колдуновъ заключаетъ въ себѣ преимущественно слѣдующія продѣлки. Колдуны дѣлаютъ „заломы“ и „пережины“. Вотъ когда заколосится матушка-рожь, колдунъ идетъ на ниву своего брата—пахаря, который ему чѣмъ-либо „докорилъ“ (надоѣлъ), либо которому онъ въ чемъ-либо „завидуетъ“. На ниву колдунъ пробирается съ „опаскою“, чтобы не нарваться на деревенскую стражу, которую наряжаютъ нѣкоторыя деревни для охраны своихъ нивъ на „постный Иванъ“ (24 іюня). Въ ночь на этотъ день почти исключительно колдуны „портятъ“ хлѣба. Пробравшись на ниву, колдунъ собираетъ въ одинъ пучекъ нѣсколько ржаныхъ стеблей, перекручиваетъ его и затѣмъ „заламываетъ“, т. е. пригибаетъ „на-зень“ (на-земь). Вотъ заломъ и готовъ. Чтобы сдѣлать „пережинъ“, колдунъ съ угла на уголъ, рѣже поперекъ, проходитъ выбранную имъ ниву и на пути срѣзаетъ, или непрерывною дорож-

кою, или мѣстами, колосья; затѣмъ тоже самое повторяетъ съ другого угла, отчего на нивѣ получаются двѣ пересѣкающихся полосы голыхъ стеблей то въ видѣ косого, то въ видѣ прямого креста. Пережинъ народомъ считается куда опаснѣе залома и попадается во ржи крайне рѣдко. Это зависитъ, по всей вѣроятности, отъ того, что колдунъ, какъ воръ, долженъ „туровиться“ (торопиться) своею работою; а чтобы два раза съ угла на уголъ пройти ржаную ниву, да еще на всемъ пути срѣзать на ней колосья, колдуну требуется не мало времени. Не всегда, однако, дѣло рукъ колдуновъ—появленіе въ хлѣбахъ заломовъ или пережиновъ. Деревенскіе „ребятенки“, наслушавшись разсказовъ о заломахъ, иногда сами дѣлаютъ такіе при своихъ играхъ вблизи родныхъ нивъ. Такіе заломы, сдѣланные дѣтьми безъ всякаго злого умысла могутъ, по мнѣнію народа, превратиться въ настоящіе. Для этого необходимо, чтобы около такого, сдѣланнаго дѣтскою рукою залома, прошли двѣнадцать человѣкъ, изъ которыхъ каждый воскликнулъ бы: ахти, заломъ! Тамъ, гдѣ сдѣланъ настоящій заломъ или пережинъ, не только сама рожь или какой другой хлѣбъ, но и почва нивы считаются испорченными. „Заломленную“ рожь нельзя жать, а то тридцать лѣтъ „сзапоряду“ (подрядъ) будетъ „неумѣренный“ ломъ въ костяхъ; зерна отъ „заломленныхъ“ колосьевъ, попавшія въ какомъ либо видѣ въ пищу, вызовутъ у потребителей ихъ, будь то людь или скотъ, или неопредѣленную длительную болѣзнь, или смерь; на „заломленной“ нивѣ никогда не будетъ родиться хлѣбъ. Вотъ что, по убѣжденію народа, могутъ производить колдовскіе заломы и пережины. Чтобы уничтожить дѣйствіе залома или пережина, богобоязливый крестьянинъ ѣдетъ къ своему батюшкѣ и везетъ его на „заломленную“ ниву отчитать молитву объ изгнаніи нечистыхъ духовъ; пахарь же, болѣе суевѣрный, ищетъ еще колдуна „отворожить“ заломъ. Въ послѣднемъ случаѣ колдунъ достигъ своей цѣли: онъ или самъ получаетъ заработокъ, или даетъ его заработать

своему собрату по черной магіи. Чтобы обставить свою дѣятельность непроницаемою для пахаря бронею таинственности, колдуны уничтожаютъ заломы всегда съ нѣкоторымъ обрядомъ. Одинъ колдунъ вбиваетъ около залома осиновые или рябиновые колья и тогда только выдергиваетъ его; другой на заломъ накидываетъ старую борону и съ нею вмѣстѣ сжигаетъ его; третій обставляетъ заломъ пучками соломы и также сжигаетъ все это вмѣстѣ. „Выниманіе“ залома сопровождается обязательно заклинаніемъ, т. е. заговоромъ. Нужно при этомъ замѣтить, что колдуны при всѣхъ своихъ обрядовыхъ заклинаніяхъ обыкновенно не допускаютъ никакой другой посторонней публики, кромѣ лица, потерпѣвшаго отъ колдовства. Въ прохладной глуши хлѣбовъ колдуны продѣлываютъ еще одну вещь, которая по ихъ терминологіи носитъ названіе „вынимать споръ“. Начинаетъ ли у кого изъ деревенскихъ обывателей „спориться“ рожь, т. е. когда предвидится хорошій урожай, мѣстнаго колдуна беретъ зависть и не даетъ ему успокоиться до тѣхъ поръ, пока онъ не рѣшится „вынуть“ у счастливаго хозяина „спора“. Есть еще нѣсколько другихъ продѣлокъ, на которыя подбиваетъ колдуновъ не желаніе заработка отъ суевѣрнаго мужика, а исключительно ихъ самолюбивое чувство, уязвленное уже однимъ тѣмъ, .какъ это могло уродиться или быть что-либо лучше у другихъ, нежели у нихъ самихъ, находящихся въ живомъ общеніи съ тайнами природы. Всѣ подобные случаи могутъ говорить и за то, что колдуны, поддавшись самообману, дѣйствительно вѣрятъ въ свое призваніе и силу своихъ заклинаній. „Споръ“ колдуны „вынимаютъ“ изъ чужой ржи въ то же время, когда и „заламываютъ“ хлѣба, т. е. на „постный Иванъ“. Пробравшись украдкою въ рожь, колдунъ садится на „коновой“ межѣ, т. е. такой, которая разграничиваетъ одну ниву отъ другой, лицомъ противъ полосы, возбудившей въ немъ зависть, и начинаетъ руками подражать „выдаиванью“ или выжиманью колосьевъ чужой ржи и бросанью зеренъ

по направленію къ своей нивѣ. Къ подобной же категоріи измышленій деревенскихъ чародѣевъ относится и „выкликаніе“ съ чужихъ коровъ молока. Молоко съ чужихъ коровъ колдуны „выкликаютъ“ два раза въ году: въ „Чистый четвергъ“ и на „постный Иванъ“. Обрядъ „выкликанія“ вездѣ однообразенъ и къ нему прибѣгаютъ не только колдуны, но и многія деревенскія обывательницы. „На утренней росѣ“ или на „вечерней зарѣ“ колдунъ безъ „портокъ“ и въ одной только рубахѣ обѣгаетъ одинъ разъ вокругъ или всю деревню, или одинъ только какой нибудь дворъ. Обѣгая всю деревню, колдунъ, значитъ, выкликаетъ молоко изъ всѣхъ коровъ ея; если же онъ обѣгаетъ одинъ какой нибудь дворъ, это означаетъ, что онъ выкликаетъ молоко только съ коровъ этого двора. При обѣганіи цѣлой деревни колдунъ долженъ столько разъ остановиться, сколько въ ней всего дворовъ, причемъ при каждой остановкѣ онъ подражаетъ руками доенію коровы и „шопчетъ“ соотвѣтственный выкликанію заговоръ. При обѣганіи одного только двора колдунъ становится противъ воротъ, черезъ которыя выпускается скотъ, и черезъ подворотню также подражаетъ доенію коровы. Если выкликаетъ скотъ колдунья, то она выпускается на это дѣло въ одной станухѣ, съ распущенными и растрепанными косами и верхомъ на символической для вѣдьмъ клюкѣ. Выкликаютъ молоко еще и такъ. Черезъ дымникъ баба пропускаетъ свою распущенную косу, а съ другой стороны, обыкновенно со стороны скотнаго двора, колдунъ, подражая доенію коровы, потягиваетъ за выпущенные волосы и произноситъ заговоръ, гдѣ непремѣнно фигурируетъ имя счастливаго хозяина, у котораго въ данное время обильно доятся коровы. А то молоко выкликаютъ еще и такъ. Колдунъ безъ портокъ, въ одной только рубахѣ, садится на „чело“ печи и, спустивши ноги, подражаетъ тамъ сбиванію масла, также не забывая въ своемъ заговорномъ нашептываніи произносить имя настоящаго обладателя хорошо удойливыхъ коровъ. Въ вѣчныхъ сумеркахъ

деревенской жизни корысть и зависть заставили колдуновъ придумать еще не мало чародѣйскихъ штукъ, безпрекословно принятыхъ за таковыя суевѣрною деревнею. Такъ, колдунамъ деревня приписываетъ порчу огородовъ и льняныхъ нивъ. На огороды колдуны напускаютъ „килородицу“, которая, какъ извѣстно, есть не что иное, какъ паразитарная болѣзнь капусты. При этой болѣзни капустѣ не позволяютъ правильно качаниться появляющіеся на ея ножкѣ наросты, называемые въ деревнѣ „килами“. Вотъ для порчи килами капусты колдунъ передъ солнечнымъ разсвѣтомъ того дня, когда у завидуемаго имъ сосѣда будетъ садиться разсада, обѣгаетъ, какъ это водится и при многихъ другихъ волхвованіяхъ, его огородъ и, показываю послѣднему кукишъ, „шопчетъ“ такъ: „тебѣ, хозяинъ, филька, а тебѣ, капуста, килка!“ Килородица въ деревенскихъ огородахъ, вслѣдствіе обычной несмѣняемости мѣста посадки, явленіе заурядное; и нужно только удивляться малой наблюдательности крестьянства, которое и тутъ свою неудачу объясняетъ дѣйствіемъ волшебной силы колдуна. Для предупрежденія появленія килородицы бабы рѣдко когда обращаются за помощью колдуна, такъ какъ большинству изъ нихъ извѣстенъ „отворотный“ обрядъ и не одинъ еще. Для этого при посадкѣ капустной разсады въ гряду втыкаютъ большую „стрекавину“ и тутъ же кладутъ камень, при чемъ одна изъ бабъ, обыкновенно „большуха“, приговариваетъ такъ: „кила, кила, не тронь нашей капусты, а вотъ тебѣ камень да стрекавина“. Въ другихъ случаяхъ послѣ уборки капусты оставляется одинъ, пораженный килородицею, качанъ. Этотъ качанъ привязываютъ къ „находному“ (найденному въ дорогѣ) кнуту и тащатъ на „кресты“ (перекрестъ дорогъ), гдѣ его сжигаютъ при нашептываніи какою нибудь женщиною соотвѣтственнаго случаю заговора. Нѣтъ ни одного мѣста въ крестьянскомъ хозяйствѣ, которое было бы неуязвимо волшебною силою колдуновъ. Пропалъ ли у кого ленъ, это, значитъ, недоброжелатель-колдунъ гдѣ либо

зарылъ „кобылье мѣсто“ (послѣдъ), перепутавши его предварительно нитками. Хромаетъ ли у кого лошадь или сѣла она на ноги, и это дѣло рукъ колдуна. Онъ, значитъ, въ слѣдъ, гдѣ либо оставленный ею, вколотилъ съ заговоромъ добытый съ „домовины“ (гроба) гвоздь. Если скотина постоянно сбиваетъ „углы“ (отгороженные въ хлѣву для держанія корма), если она часто валяется подъ „жолоба“, попадаетъ въ ясли, постоянно мечется по своему помѣщенію или околѣваетъ—значитъ, здѣсь не „ручитъ“ хозяину изъ-за продѣлокъ колдуна или домового. Какъ бы тамъ ни было, но въ такихъ случаяхъ безъ помощи колдуна обойтись нельзя, хотя иной разъ и причина безпокойства животныхъ на лицо: въ конюшнѣ или хлѣву замѣтили „лоська“ (ласку), который, по увѣренію многихъ, мучаетъ лошадей тѣмъ, что, взобравшись имъ на спину, прокусываетъ около холки кожу и сосетъ кровь. Но для хозяина-пахаря лосекъ до сихъ поръ еще не лиходѣй, а тутъ во всемъ „причотенъ“ (причастенъ) или колдунъ, или дѣдушка-домовой. И вотъ на сцену является опять деревенскій магъ со своими заговорами и обычнымъ забиваніемъ въ землю въ разныхъ мѣстахъ хлѣва осиновыхъ или рябиновыхъ кольевъ. „Бѣлоярая пчелка“, предметъ ревностнаго за собою охаживанія домовитыхъ мужичковъ,—и той не удалось избѣгнуть грубыхъ издѣвательствъ колдуна. Колдуны, какъ крѣпко вѣритъ деревня, могутъ „перенимать пути-дорожки“ пчеламъ, могутъ для гибельнаго побоища напускать одинъ улей на другой и могутъ, наконецъ, совершенно вывести ихъ у пчеловодовъ. Въ послѣднемъ случаѣ колдуны не надѣются уже на исключительную силу своихъ заклинаній, а прибѣгаютъ еще къ пахучимъ „зельямъ“, напримѣръ, къ дегтю, запахъ котораго, какъ извѣстно, не могутъ выносить пчелы. Суевѣрный до послѣдней степени деревенскій пчеловодъ, страшась ежеминутно и во всемъ подвоховъ колдуна, никогда поэтому не приступаетъ къ хозяйскому осмотру своей пасѣки безъ благословенія и креста. Онъ не-

рѣдко произноситъ при этомъ цѣлое молитвенное сложеніе, сфабрикованное въ деревнѣ, убогой, но не лишенной поэтическаго творчества. Вотъ этотъ, какъ называетъ деревня, стихъ: „Встану я рабъ Божій (имя) утромъ рано, благословясь и перекрестясь, изъ дверей въ двери прихожу я къ частоколу, къ своему милому огороду. Вы, мои милые животы, бѣлоярыя пчелы, слетайте и сбѣгайте въ чистое поле, въ зеленую дубраву. Тамъ вамъ будетъ сладкое питіе на шелковыхъ травахъ, на медовыхъ цвѣтахъ. Ограждаю я своихъ милыхъ животовъ, бѣлоярыхъ пчелъ, краснымъ солнышкомъ и свѣтлымъ мѣсяцемъ, чтобы на всѣ четыре стороны летали и пути-дорожки не перенимали; и ограждаю я своихъ милыхъ животовъ, бѣлоярыхъ пчелъ, и отъ бѣлаго глаза, и отъ сѣраго глаза, и отъ чернаго глаза, и отъ своего помышленія, и отъ своего пожеланія. Изотія и Сотія, и спасите, и помогите моимъ милымъ животамъ, бѣлоярымъ пчеламъ. Аминь“.

XI.

Въ обширный порочный кругъ деревенскаго колдовства оказываются захваченными и самыя интимныя стороны крестьянской жизни. Такъ, деревня настойчиво увѣряетъ, что причиною хроническаго раздора между мужемъ и женою служитъ месть кого либо изъ постороннихъ, реализованная посредствомъ силы заговора колдуна. Несчастливое супружество и произошло отъ того, что колдунъ, при выходѣ молодыхъ послѣ вѣнчанія изъ церкви, бросилъ имъ незамѣтно подъ ноги смѣшанный комокъ шерсти отъ кошки и собаки. Исходною точкою символическаго происхожденія подобнаго колдовства, несомнѣнно, послужилъ общенаблюдаемый фактъ „здорной“ (неуживчивой) жизни кошки съ собакою. Остается ли любовь безъ отвѣта, дѣвка или, что рѣже, малецъ ищетъ колдуна, который знаетъ „приворотный“ заговоръ или имѣетъ „приворотныя зелья“. Въ числѣ такихъ зелій въ большинствѣ

случаевъ фигурируютъ „краски“ (менструальная кровь) той самой женщины, которая желаетъ или „приворотить“ къ себѣ понравившагося ей человѣка, или возвратить любовь „измѣнщика“, какого либо деревенскаго Донъ-Жуана. Особа, прибѣгающая въ подобныхъ случаяхъ за помощью колдуна или колдовки, получаетъ отъ него или ней чаще всего одинъ только совѣтъ добиться украдкою влить нѣсколько капель своихъ „красокъ“ въ пиво или чай предмету своей страсти. Разнуздывая до крайности воображеніе крестьянства, деревенское колдовство причиняетъ послѣднему еще и другой не менѣе серьезный вредъ. Онъ заключается въ томъ, что колдовство не даетъ укорениться въ народѣ надлежащему пониманію исповѣдуемой вѣры. Насколько смутно у деревенскаго люда пониманіе основъ своей религіи и насколько неограничено народное воображеніе по отношенію къ дѣятельности колдуновъ, указываетъ то обстоятельство, что деревня свободно допускаетъ возможность для колдуновъ такихъ волхвованій, какъ „пристрѣлять“ ружье, достать отъ чорта никогда непереводящійся на удовольствія „рупъ“ денегъ, получить карты, съ которыми всегда будешь выигрывать, достать „разрывъ-траву“, выварить въ полночь на „новогодье“ въ банѣ изъ чернаго кота „костку-невидимку“, сорвать въ полночь на „постный Иванъ“ цвѣтъ папортника, открывающій его обладателю „заклятые клады“ и, наконецъ, измѣнять обличье, т. е. превращаться въ оборотня. Изъ всѣхъ этихъ чародѣйствъ самое безнравственное съ религіозной точки зрѣнія это — пристрѣливанье ружья, изъ котораго или вовсе никогда нельзя было попасть въ цѣль, или которое только слабо „мертвило“ дичь. Если выяснить всю процедуру пристрѣливанья ружья, то нельзя не придти въ крайнее удивленіе, какъ это могла допустить возникновеніе этого волхвованія богобоязливая крестьянская душа. Пристрѣливанье ружья заключается въ слѣдующемъ. Колдунъ при своемъ причащеніи не проглатываетъ твердой части причастія, т. е., частицы

просфоры, а уноситъ ее „въ роту“ (рту) домой. Принесенную частицу онъ помѣщаетъ въ отверстіе, просверленное имъ, предварительно до своего причащенія, въ какой нибудь осинѣ. Зарядивъ затѣмъ ружье, плохо или слабо исполнявшее свое назначеніе, колдунъ стрѣляетъ въ приготовленную только что указаннымъ образомъ цѣль. Зарядъ, какъ гласитъ деревенское повѣрье, цѣликомъ попадаетъ въ задѣланную колдуномъ въ осинѣ частицу причастія, которая въ моментъ выстрѣла превращается въ самого „Суса“ Христа. Съ этихъ поръ „негодящее“ ружье становится заколдованнымъ, но будетъ бить безъ промаха только въ рукахъ колдуна или того, кто осмѣлился выполнить означенную святотатственную продѣлку колдуновъ. Добываніе „безпроигрышныхъ“ картъ связано съ также безнравственнымъ съ религіозной точки зрѣнія дѣйствіемъ колдуна. Добывъ новую игральную колоду, колдунъ беретъ ее съ собою въ церковь на Пасху. Здѣсь онъ ждетъ только троекратнаго христосованья священника съ народомъ, чтобы на каждый возгласъ „Христосъ воскресе“ шепотомъ и невнятно для окружающихъ произнести: „а у меня карты есть“. Послѣ этой продѣлки карты становятся „заговорными“. Не безынтересно деревенское повѣрье еще о томъ, какъ колдунъ достаетъ себѣ отъ чорта одинъ „рупъ“ денегъ. За нѣкоторое время до полночи на „новогодье“ колдунъ заплетаетъ въ ивовый кошель чернаго кота и тащитъ его на „кресты“. Здѣсь чародѣй снимаетъ съ себя „крестъ“ и кладетъ его гдѣ нибудь вблизи себя, хорошенько замѣтивши мѣсто. Какъ только колдунъ снялъ съ себя крестъ, къ нему вдругъ же является чортъ и интересуется узнать, зачѣмъ тотъ принесъ въ корзинкѣ кота. Колдунъ на это отвѣчаетъ, что въ корзинкѣ вовсе не котъ, а ребенокъ, котораго онъ принесъ на продажу. Изъ-за вранья колдуна дѣло доходитъ до спора, но въ концѣ концовъ чортъ сдается на увѣренія настойчиваго спорщика и готовъ у него купить за дорогую плату принесеннаго ребенка. Однако изъ всей платимоі

чортомъ суммы колдунъ беретъ только одинъ „рупъ“ и съ нимъ спѣшитъ къ тому мѣсту, гдѣ онъ положилъ снятый съ себя крестъ, который немедленно вновь надѣваетъ на себя. Въ это время чортъ занятъ разрываніемъ кошеля, откуда вытаскиваетъ наконецъ кота. Разъяренный за обманъ, чортъ разрываетъ кота и подскакиваетъ къ колдуну, чтобы и съ нимъ расправиться подобнымъ же манеромъ. Но колдунъ неуязвимъ: на немъ „крестъ“. Да къ тому жъ со всѣхъ сторонъ послышались „первые пѣтуны“, т. е. наступила полночь, послѣ которой чертямъ не полагается быть на землѣ, и они должны провалиться въ преисподню. Деревня ни мало не сомнѣвается въ существованіи оборотней. Свойство перемѣнять „обличье“ она приписываетъ чертямъ и своимъ доморощеннымъ колдунамъ. Но „лѣсъ“ или „темный“, какъ въ деревнѣ называютъ чорта, премущественно пускается на разновидныя превращенія. Чортъ, по народному представленію, принимаетъ или страшные образы, или же является въ обыкновенномъ человѣческомъ видѣ. Для устрашенія кого-либо, онъ больше всего любитъ превращаться въ „здохлое“ животное со снятой шкурой. Вынужденный обстоятельствами, я заночевалъ разъ у одного мужичка, крайне добродушнаго и откровеннаго, съ которымъ пришлось мнѣ имѣть продолжительную бесѣду. Въ деревнѣ любятъ говорить о разной чертовщинѣ, входящей основнымъ элементомъ въ безконечныя крестьянскія повѣрья. Вотъ на такую тему и пошелъ у насъ разговоръ, когда я коснулся интересовавшаго меня вопроса о народныхъ повѣрьяхъ. Мой собесѣдникъ оказался слѣпымъ вѣрователемъ въ разнаго рода продѣлки на этомъ свѣтѣ чертей и колдуновъ. Валяясь на шубѣ на печи, онъ своимъ разсказомъ старался подкрѣпить повѣрья своей деревни.

— Вонъ ты, вашъ благородіе, воплоть усмихаишься, что мужики всему вѣру даютъ,—обратился онъ ко мнѣ. А я тобѣ, вотъ какъ Богу по душѣ отдать, разскажу што единую быль. Въ молодые

годы имѣлъ я большую охоту на всякую дичину ходить. Вотъ разъ и случись, засѣлъ я въ гувно. А надоть тобѣ сказать, для волковъ была въ меня добрая закусочка слажена — ни много, ни мало лошадка палочница съ ободранной шкурой. Засѣлъ эвто я, слышь, и жду, што буде. Только што-то долго не дождаться. Хотѣлъ было ужъ и къ дому, да только глядь. Што жъ эвто въ самомъ дѣлѣ! Вѣдь эвто лошадь шевелится! Господи Сусе, и взабылъ палочница то ободранная встала и прямо-таки къ гувну иде. Я тута въ рей кинулся, да на колосники (верхняя часть рья) и тамочко, значитъ, заперся. Только слышу, лошадь ужъ по току въ гувнѣ ходе да зубами ляскае. Вонъ, слышу, ко рью подошла, тута я, Господь надоумилъ, воскресную зачалъ читать. Какъ эвто я скажи: „Да воскресне Богъ, да растотатся врази", какъ што загрохотало подъ всимъ гумномъ и какъ быдто што грузное подъ землю пошло. Отъ ужаха съ мѣста не могъ стронуться, голоса не могъ подать, покеда съ дому за мной сами не пришли. Ждали, значитъ, меня да не дождались. Приволокся я эвто домой да какъ посмотрю на свой патретъ—э, не то!—попа нужно.

— У страха глаза велики. Одному сидѣть въ гумнѣ, что въ банѣ, страшно,—принужденъ я былъ замѣтить своему возбужденному разсказчику. — Просто-на-просто ходила это по гумно какая нибудь собака. Была она, значитъ, около конины. Почуяла, можетъ быть, волковъ, ну и пришла жрать въ гумно унесенный съ собою кусокъ приманки.

— Не, баринушка, совсимъ не собака то была, а што настоящее бѣсовское навожденіе. Подѣломъ Господь и попустилъ: намедни, надоть тобѣ правду сказать, стянулъ я на порохъ парочки три чужихъ утятъ. Господь насъ грѣшныхъ за дѣло всегда карае.

Приведенный разсказъ моего соночлежника, непоколебленнаго ничуть моимъ замѣчаніемъ, былъ точнымъ повѣрьемъ деревни относительно нечистой силы, оборачивающейся въ устрашеніе грѣшныхъ

людей въ „здохлыя“ животныя. Подобные разсказы я слышалъ не отъ однихъ только деревенскихъ охотниковъ, но и отъ многихъ мужиковъ, которые еще вѣрятъ, что не только „недобрые“, но и „удавящіе“ и другого рода самоубійцы преслѣдуютъ грѣшный людъ. Весь этотъ „темный“ кружокъ любитъ особенно „потѣшаться“ надъ людьми пьяными, появляясь имъ то въ видѣ ихъ добрыхъ знакомыхъ, то родственниковъ. Указывая близкій путь къ дому, нечистая сила „водитъ“ пьяныхъ и, чтобы погубить, заводитъ ихъ въ непроходимыя мѣста: въ зыбуны, плещины (мѣста болотистыя, поросшія жидкимъ кустарникомъ), ровени (колодцы) и мочила. Подводя итогъ всей дѣятельности колдуновъ, нельзя не видѣть, что она носитъ на себѣ характеръ языческій, исключительно злой и враждебный крестьянской жизни, разнуздываетъ до крайности воображеніе деревенскаго люда, задерживаетъ свободный доступъ къ послѣднему положительныхъ знаній и не даетъ укорениться въ немъ надлежащему пониманію исповѣдуемой вѣры. Опутанная густою сѣтью суевѣрія крестьянская жизнь съ ея колдунами, знахарями и бабками не разъ напоминала мнѣ то далекое прошлое нашего народа, когда надъ воображеніемъ его чудовищно господствовалъ также цѣлый рангъ кудесниковъ, волхвовъ и „лихихъ“ бабъ, которыя, по сказанію лѣтописцевъ, распускали моръ, гладъ и вообще разные „изводы“ крещеному міру.

Къ болѣе многочисленному, нежели волхвы, классу цѣлителей недужнаго крестьянскаго міра относятся знахари. Классъ этотъ настолько обширенъ, что едва ли не каждая деревня имѣетъ своего собственнаго знахаря.

XII.

Насколько дѣятельность колдуна покрыта таинственностью, „хоронится“ отъ постороннихъ глазъ и, вообще, относится къ дѣламъ „темнымъ“, настолько знахарство процвѣтаетъ въ деревняхъ открыто, отлилось въ вполнѣ опредѣленныя формы и

хорошо извѣстно каждому деревенскому обывателю, пользуясь его полнымъ вниманіемъ и покровительствомъ. Если колдунъ при своей работѣ долженъ „безпремѣнно“ знаться съ нечистою силою“. то знахарь, наоборотъ, при своемъ дѣлѣ всегда прибѣгаетъ къ помощи креста и молитвы. Онъ никогда не сниметъ съ себя, какъ волхва, креста и не вспомянетъ чорта. Въ этомъ и состоитъ все существенное различіе знахарства отъ колдовства. Но между этими двумя живыми продуктами деревенской темноты есть и сходство: какъ то, такъ и другое не можетъ обойтись безъ заговоровъ. Классъ деревенскихъ знахарей успѣлъ спеціализироваться на костоправовъ, рудометовъ и бабокъ. Костоправы и рудометы сравнительно съ бабками встрѣчаются рѣже, и костоправы обыкновенно занимаются и профессіей рудометовъ. Съ результатами работы деревенскаго рудомета мнѣ не разъ приходилось считаться по поводу разнаго рода послѣдовательныхъ болѣзней, вызванныхъ у довѣрчивыхъ паціентовъ главнымъ образомъ загрязненнымъ кровопускательнымъ инструментомъ, носящимъ названіе „сѣчка“. Сѣчка инструментъ „немудрый“ и выковывается изъ куска желѣза либо въ убогой деревенской кузницѣ, либо изготовляется самимъ же рудометомъ изъ старой заброшенной косы и представляетъ изъ себя желѣзко, на одномъ концѣ котораго съ боку выдается наточенное остріе. Это остріе наставляется на какую-нибудь „жилу“ и по его противуположной сторонѣ ударяютъ деревянною колотушкою или просто ребромъ ножа. Такимъ путемъ „открываютъ жилу“. Сведеніе лѣвой руки, образованіе аневризмы (расширенія) кровеносныхъ сосудовъ, острое малокровіе и зараженіе крови — вотъ результаты „жильнаго“ кровопусканія. Не смотря на все это крестьяне большіе любители „открывать“ себѣ кровь, и многіе кровопусканіе считаютъ даже необходимымъ, чтобы освободиться отъ „натужной“ крови, т. е., такой, которая, по ихъ мнѣнію, образовалась отъ полевыхъ работъ или „поднемовъ“ тяжестей. Особенно часто

и обильно проливается крестьянская кровь на „раскрытіи воды“, т. е., ранней весною. Въ такое время, когда, какъ говоритъ крестьянство, палочка на палочку лѣзетъ, и кровь „просится“ вонъ. Жильное кровопусканіе производится обыкновенно изъ венъ лѣваго локтевого сгиба, а болѣе смѣлые рудометы бросаютъ кровь изъ лѣвой височной артеріи и изъ такъ называемаго у нихъ „соколка“, т. е., изъ кровеносныхъ сосудовъ самой нижней части предплечья лѣвой руки.

Кромѣ общаго кровопусканія или „жильнаго“ рудометы практикуютъ и мѣстное кровопусканіе посредствомъ „щелкуньи“ (кровопускательнаго куба) и наставленія банокъ. Такъ какъ пріобрѣтеніе послѣдняго рода инструментовъ требуетъ отъ рудомета сравнительно съ самодѣльною сѣчкою затраты довольно значительной денежной суммы, то кровопусканіе посредствомъ „щелкуньи“ и банокъ практикуется сравнительно съ „жильнымъ“ куда рѣже и находится въ рукахъ зажиточныхъ знахарей-хозяевъ. Вообще, нужно сказать, мѣстное кровопусканіе не въ такомъ ходу въ деревнѣ, какъ жильное, которое къ тому-жъ примѣняется и къ больнымъ животнымъ, преимущественно лошадямъ. Слабому распространенію способа кровопусканія посредствомъ куба и банокъ, быть можетъ, еще мѣшаетъ установившаяся на него въ деревнѣ довольно высокая такса, основаніемъ которой послужила исключительно емкость самой кровососной банки. За каждую наставленную большую банку знахарь беретъ съ паціента три копейки, за малую же — двѣ. Сколько можно выпустить больному за одинъ разъ крови знахарь, конечно, не знаетъ. Кровь обыкновенно выпускается до тѣхъ поръ, пока больному не сдѣлается „томно“, т. е., не произойдетъ съ нимъ обморока, прекращающаго, какъ извѣстно, само-собою кровотеченіе. При такомъ способѣ кровопусканія не требуется вовсе никакой повязки, которая, если когда и накладывается, то въ видѣ легкаго прикрытія операціонной раны кускомъ первой попавшейся

подъ руку ткани, новой или старой, вымытой или самой сомнительной чистоты. У деревенскаго рудомета нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ показаній для „открытія руды“. Онъ пускаетъ кровь чаще всего по одному только требованію самихъ же паціентовъ и при самыхъ противуположныхъ заболѣваніяхъ и состояніяхъ ихъ организма Въ погостѣ, гдѣ приходилось мнѣ дѣйствовать противъ тифозной горячки, однажды я былъ безполезнымъ свидѣтелемъ убійственнаго знахарскаго рудометанія. Женѣ мѣстнаго отставного „помонаря“ отъ какого-то недуга и кто-то изъ деревенскихъ посовѣтовалъ обратиться къ рудомету. Тотъ, долго не думая, изъ семидесятилѣтней старухи выпустилъ, какъ мнѣ разсказали, цѣлый “корецъ“ (ковшъ) крови и этимъ свалилъ окончательно свою паціентку съ ногъ. Батюшка какъ-то объ этомъ узналъ и прибѣжалъ за мною. Въ бѣдной, по-крестьянски обставленной, избѣ я нашелъ съ съ слабыми проявленіями жизни худенькую старушку, при осмотрѣ которой на ея лѣвомъ локтевомъ сгибѣ обнаружилъ небольшую ранку, прикрытую грязною, влажною ветошкою. Изъ этой ранки знахарь выпустилъ чрезмѣрное количество крови и тѣмъ причинилъ старухѣ острое малокровіе, отъ котораго она черезъ короткое время умерла. Виновника ея смерти, не смотря на все мое желаніе, мнѣ не удалось узнать. Мужъ пострадавшей былъ совершенно глухой и, вслѣдствіе глубокой старости, мало что понималъ. Отъ него невозможно было ничего добиться. Старуха изъ сосѣдней избы, ходившая прислуживать въ домѣ пономаря, одна могла бы мнѣ выяснить личность рудомета, но она не „признала“ въ немъ извѣстнаго ей человѣка и только разсказала нѣкоторыя подробности совершеннаго у старухи кровопусканія. Оказалось, что рудометъ два раза пускалъ старухѣ кровь. Когда послѣ „просѣчки“ кровь скоро остановилась, онъ потребовалъ себѣ ведро горячей воды, въ которую опустилъ руки своей паціентки. Отъ эт го пріема кровь снова пошла и ея набѣжало съ „добрый корецъ“. Къ помощи

рудомета старуха обратилась изъ-за безпрестанныхъ головныхъ болей по совѣту одной ея деревенской знакомой, которая также страдала „головушкою“ и избавилась кровопусканіемъ. Вредъ, причиняемый рудометами, великъ; но, къ несчастію, они не несутъ за свое незаконное врачеваніе никакого „отвѣта“ по той причинѣ, что пострадавшій отъ кровопусканія деревенскій обыватель „ни въ жисть“ не выдастъ своего рудомета, считая его, какъ охранителя своего здоровья, не менѣе друга. Въ длинной вереницѣ деревенскихъ больныхъ, ежедневно мѣнявшейся предо мною, я постоянно встрѣчалъ людей съ тѣломъ, вдоль и поперекъ исполосованнымъ рубцами, оставленными кровопускательными инструментами; нерѣдко встрѣчалъ паціентовъ со свѣжими слѣдами отъ кровопусканія и такихъ, кто серьезно пострадалъ отъ него. Но никогда ни одинъ изъ такихъ поклонниковъ леченія своихъ недуговъ кровопусканіями не „пожалился“ мнѣ на своего рудомета. Всѣ изъ обращавшихся къ кровопусканію не только не заикались объ немъ, но всегда, какъ бы инстинктивно стыдясь за него, старались скрыть отъ меня оставленный на себѣ слѣдъ работы рудомета и притомъ, если я находилъ произведенное кровопусканіе безцѣльнымъ или вреднымъ, они взваливали всю вину за него обыкновенно на неизвѣстныхъ имъ лицъ изъ деревенскихъ проходимцевъ. Рѣшительный и нерѣдко крайне смѣлый образъ дѣйствія рудомета при кровопусканіи не гармонируетъ ничуть съ тѣмъ выжидательнымъ леченіемъ, которое онъ ведетъ при остановкѣ случайныхъ кровотеченій. Кровотеченіе изъ случайно полученной раны деревенскій обыватель сначала самъ останавливаетъ засыпкою раны углемъ, порошкомъ алебастра, прикладываніемъ къ ней паутины, хлѣбнаго мякиша, заливкою ее лакомъ и тому подобными средствами. Если отъ этихъ средствъ кровотеченіе не останавливается, больного, обыкновенно испуганнаго, ведутъ или везутъ къ рудомету. Вѣдь онъ, разсуждаетъ деревня, умѣетъ пускать руду, стало быть, „дол-

жонъ“ знать ее и останавливать. Однако рудометъ, сколько ни приходилось слышать, никакихъ лекарственныхъ или механическихъ средствъ для остановки кровотеченія не примѣняетъ и всю свою помощь въ подобныхъ случаяхъ сводитъ къ нашептыванію одного изъ кровоостанавливающихъ заговоровъ, хотя въ каждомъ изъ послѣднихъ есть подчасъ прямое указаніе на необходимость одновременнаго съ нимъ примѣненія какого нибудь изъ механическихъ средствъ, являющихся, какъ извѣстно, единственно вѣрными для останавливанія наружныхъ кровотеченій. Такъ, въ большинствѣ заговоровъ упоминается о клубочкѣ, ниточкѣ, камушкѣ, песочкѣ и тому подобныхъ предметахъ, входившихъ, быть можетъ, не въ далекомъ прошломъ знахарства существеннымъ ингредіентомъ въ ритуалъ заговорнаго леченія кровотеченій. Если современный знахарь, приступая къ „униманію“ крови, обращается исключительно къ заговорному леченію, игнорируя при этомъ всѣ другія средства, упоминаемыя въ самомъ заговорѣ и практикуемыя въ то же время деревнею, то это онъ дѣлаетъ не безъ основанія. Онъ знаетъ, что кровоточащую рану у доставленнаго къ нему больного уже „мучили“ домашними средствами, но безъ „польги“. Примѣнять поэтому какія либо средства, кромѣ заговора, равносильно было бы повторить все то, что знаетъ ни чуть не въ меньшей степени, чѣмъ онъ, вся деревня. И вотъ чтобы не спуститься въ глазахъ раненаго и его окружающихъ съ таинственныхъ высокихъ ступеней чародѣя, онъ приступаетъ прямо къ заговариванію крови, тѣмъ болѣе что за этимъ пріѣхалъ и самъ раненый. При заговорѣ онъ крайне „лѣпенько“ обращается съ раною, никогда не очищая ее отъ того кровяного сгустка или пробки, которая закупориваетъ ее, и тѣмъ иногда единственно дѣлаетъ чудеснымъ заклинаніе. Нельзя, конечно, отрицать и того, что гордая увѣренность знахаря и таинственность всей процедуры заговорнаго леченія могутъ успокоить испуганнаго и при томъ всегда до

крайности суевѣрнаго больного и тѣмъ также благотворно подѣйствовать на прекращеніе кровотеченія. Вопросъ о томъ, насколько справедливо глубокое увѣреніе, что знахари могутъ заговорить всякое кровотеченіе, мнѣ удалось въ достаточной степени себѣ выяснить. Оказывается, что знахари успѣшно могутъ бороться либо съ венным кровотеченіемъ, само собою прекращающимся, либо съ кровотеченіемъ изъ пораненныхъ мелкихъ артерій; при пораненіяхъ же болѣе крупныхъ артеріальныхъ стволовъ, напримѣръ, такихъ, какъ пульсовая артерія, знахарскіе заговоры безсильны. Въ такихъ случаяхъ раненые, объѣхавши всѣхъ извѣстныхъ имъ знахарей и обезсилѣвши отъ кровопотери, или погибаютъ, или въ лучшихъ случаяхъ попадаютъ въ больницу. Изъ кровоостанавливающихъ знахарскихъ заговоровъ мнѣ удалось въ раіонѣ моей эпидемической дѣятельности собрать слѣдующіе. Эти заговоры мнѣ удалось собрать безъ всякихъ затрудненій, такъ какъ, оказалось, они составляли достояніе уже не одной знахарской касты, а цѣлой деревни.

Приводимый ниже заговоръ нашептывается знахаремъ. Раненый же, поставленный имъ спиною къ солнцу, въ это время долженъ читать три раза „Святый Боже“ и, окончивши троекратное повтореніе этого молитвеннаго воззванія, обязанъ оборотиться назадъ и три раза сплюнуть.

Знахарское нашептываніе такое:

Заря заряница,
Красная дѣвица,
Противъ солнца вставала,
Песочекъ сѣяла.
Тому песку не взойти,
Тебѣ кровь нейти.

Другой знахарскій заговоръ такой:

На морѣ океанѣ
Вижу камень алатырь.
На томъ камнѣ дѣдъ возгривъ.
Дѣдъ утрись!
Кровь уймись!

Три раза отчитывается знахаремъ еще слѣдующій заговоръ: „Съ горы горыньской бѣжитъ красная телица. Бѣжала телица, бѣжала, на камушекъ стала и кровь перестала. Аминь“.

Изъ заговоровъ для остановки кровотеченія съ одновременнымъ примѣненіемъ механическаго способа могу указать на слѣдующій. „На вечерней зарѣ, на утренней росѣ гуляли Марья да Дарья. Рѣзали свои пяты, ѣли свое мясо. Мяса не стало, руда стала. Клубочекъ катись, ниточка порвись, кровь остановись! Аминь“. По произнесеніи этого заговора рудометъ три раза дуетъ на рану и прикладываетъ къ ней старую „плѣснючую“ монету.

XIII.

Насколько однообразна сомнительная дѣятельность рудомета, какъ спеціалиста, настолько многосложно „рукомесло“ другого народнаго лекаря—деревенской бабки. Она, можно сказать, создала и продолжаетъ развивать народную медицину, съискони неутомимо изощряясь въ придумываньи способовъ леченія недуговъ и примѣненіи въ свое „немудрое“ лечебное дѣло травъ и „корешковъ“ родной почвы. Она создала и своеобразную деревенскую номенклатуру болѣзней; она, наконецъ, съискони является повитухою и весьма часто только безполезною утѣшительницею многострадальной деревенской роженицы. Словомъ, бабка имѣетъ полное право на званіе главнаго представителя народнаго врачеванія. Чтобы при видѣ чужого страданія не оставаться праздною, а успокоить больного и другой разъ свою совѣсть поданіемъ какой нибудь помощи, деревенская бабка поднесь съ присущею ей самоувѣренностью пускаетъ въ свое лекарское дѣло такіе способы и средства, которыя въ достаточной степени могутъ выяснить всю несостоятельность деревенской медицины. Въ помѣщеніе училища, гдѣ была моя квартира и гдѣ я принималъ амбулаторныхъ больныхъ, ко мнѣ какъ-то разъ притащилась баба съ

груднымъ ребенкомъ, немилосердно кричавшимъ. Развернувъ донельзя загрязненныя „гуньки“ (пеленки), она показала мнѣ своего „дѣтенка“. Его худенькое тѣльце все было покрыто запекшеюся кровью. На мой вопросъ о причинѣ такого состоянія ребенка она разсказала мнѣ слѣдующее.

— Кормилецъ мой, и куды я его тольки не таскала: бабокъ исходила пропасть кольки. Да все польги не дали. Кто говоритъ, что въ него тяжелыя зубины, а кто—грызь. Намедни схвалили мнѣ тута одну бабку. Вотъ она, кормилецъ ты нашъ, и присовѣтовала такъ: слови ты, значитъ, крысу, задави ее и сйной кровью обмажь, значитъ, младенчика. Только польги отъ эвтово што никакой. Самъ видишь, какъ дите воне. Може, ты дашь какую легость андельской душеньки?!

У ребенка была желудочная колика, которая на языкѣ бабокъ называется „грызью“. Эта грызь, по ихъ завѣренію, до тѣхъ поръ будетъ грызть ребенка, пока не прогрызетъ ему пупка. Присовѣтованное бабкою леченіе грызи кровью крысы, конечно, безусловно нелѣпо, если не имѣть въ виду обыкновенно практикуемыхъ деревенскими знахарями симпатическаго и символическаго способовъ леченія многихъ болѣзней. Принимая же во вниманіе послѣдняго рода обстоятельство, способъ леченія дѣтской грызи крысьею кровью можно, пожалуй, объяснить себѣ такъ. И грызь, и крыса имѣютъ естественную наклонность грызть. Поэтому, если убить крысу и ея кровью смазать грызь, то и послѣдняя перестанетъ грызть, чуя по симпатіи и свою смерть. Знахарки-бабки занимаются преимущественно леченіемъ дѣтскихъ болѣзней и „бабничаньемъ“. Подъ послѣднимъ нужно понимать леченіе женскихъ болѣзней и занятіе акушерствомъ. Изъ дѣтскихъ болѣзней бабки по-своему діагносцируютъ только: грызь, собачью старость съ собачьими сиськами или безъ нихъ, знатьбу и спировицы. Изъ женскихъ болѣзней бабки дальше опредѣленія смѣщенія „донника“ (матки) не идутъ и такое состояніе находятъ

чуть ли не во всѣхъ случаяхъ бабьихъ недуговъ. Леченіе бабокъ можно назвать смѣшаннымъ. Одновременно съ нашептываніемъ заговора онѣ выдаютъ своимъ паціентамъ нѣкоторыя изъ лекарственныхъ веществъ, обыкновенно травки собственнаго сбора. Само производство сбора всѣхъ лекарственныхъ, по мнѣнію бабокъ, травъ представляетъ не малый интересъ, такъ какъ условія, при которыхъ онъ обязательно ведется, точнымъ образомъ выражаютъ взглядъ деревенскаго знахаря на то народно-лечебное дѣло, которое онъ представляетъ. Бабка, отправившись за собираніемъ, напримѣръ, травы воронца, рветъ послѣднюю или далеко отъ деревни, или въ глухомъ мѣстѣ лѣса, при чемъ полагаются полнѣйшая тишина и отсутствіе посторонняго человѣка. Если при вырываніи лекарственной травы раздастся, напримѣръ, хотя бы отдаленное пѣніе птицы, вырванную травку нужно бросить, такъ какъ она не будетъ уже лекарственной. А лекарственной не будетъ потому, что она не „твоя“ всецѣло: на нее своимъ голосомъ, какъ бы въ знакъ протеста, заявило притязаніе другое существо. Такимъ образомъ выходитъ, что дѣятельность и бабки, какъ и всякаго знахаря, находится въ обособленной и мистической связи съ лечебными силами природы. Бабки лечатъ обыкновенно въ баняхъ, которыя, безъ преувеличенія сказать, часто служатъ застѣнками, мѣстами пытокъ, творимыхъ преимущественно надъ беззащитными дѣтьми. Вообще нужно замѣтить, что деревенская баня мало служитъ для омовенія и очищенія себя отъ грязи, а скорѣе является лечебнымъ мѣстомъ. Обыкновенно безъ предбанника, безъ защиты, стало быть, голаго тѣла отъ возможной непогоды и вѣтра, съ низкою входною дверью, черезъ которую въ иныхъ случаяхъ съ трудомъ можно входить, а нужно пролѣзать, съ крохотнымъ окошкомъ, съ „зыбкимъ“ (шаткимъ) полкомъ и обычною „каменкою“ изъ раскаляемыхъ до-красна булыжниковъ — вотъ устройство тѣхъ бань, которыя мнѣ обыкновенно приходилось видѣть. Не вымазавшись сажею

и липкою грязью изъ деревенской бани не выйдешь. Въ своей банѣ крестьянинъ никогда не имѣетъ ни мыла, ни теплой воды, а приходитъ туда только париться. И парится онъ, можно сказать, стоически, чтобы, какъ онъ самъ говоритъ, „разварило тебя"; парится сплошь и рядомъ до одурѣнія, скатываясь иногда съ „ходкаго" полка съ „ручникомъ" (шайкою), одѣваемымъ на голову для защиты отъ слишкомъ сильнаго пара. Обычно каждую субботу крестьянинъ парится въ банѣ два раза и два раза передъ ея входомъ, т. е., на улицѣ, „скачивается" и всегда, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, холодною водою. Такая, больше чѣмъ спартанская, закалка организма начинается съ первыхъ дней рожденія деревенскаго обывателя. Сейчасъ же послѣ рожденія бабка тащитъ ребенка въ баню, гдѣ его или паритъ, или держитъ въ „сухомъ зною". Въ первую недѣлю послѣ рожденія ребенка носятъ въ баню три раза, а затѣмъ еженедельно. Твердо укоренившійся деревенскій обычай приводитъ въ баню и каждую роженицу, разрѣшилась ли она отъ „беремя", или не можетъ долго „опростаться" отъ него въ наступившее для этого время. Въ ѣдкомъ. вызываемомъ слезы, банномъ чаду, на полкѣ, никогда не очищаемомъ отъ „слизкой" грязи, бабка вершитъ надъ безропотно переносящею муки роженицею свои акушерскія манипуляціи или же моетъ ее, обезсиленную родами. Но не столько она ее моетъ, сколько растираетъ ея „донникъ" съ такимъ обычнымъ приговоромъ: „Доннушко, доннушечко, на ты (тѣ) мѣста разступися! Суставъ на суставъ! Только ему мѣсто оставь!" Здѣсь подъ словомъ „ему" надо подразумѣвать ту часть мужского органикма, которая существенно отличаетъ его отъ женскаго. Словомъ, деревенская баня—это знахарская лечебница, въ вонючей темнотѣ которой безъ страха и упрека ведетъ свое темное дѣло деревенская бабка. Она, какъ выше сказано, лечитъ преимущественно дѣтей и бабъ. Самая частая болѣзнь дѣтскаго возраста — это желудочно-кишечныя болѣзни, уносящія преждевре-

менно въ могилу большую половину новорожденныхъ, особенно въ лѣтнее время. Всякое болѣзненное разстройство желудка или кишекъ по знахарской номенклатурѣ называется „грызью“. По глубокому убѣжденію бабокъ грызь, какъ я уже замѣтилъ, будетъ „грызть“ ребенка до тѣхъ поръ, пока не прогрызетъ ему пупка или паха, т. е., пока не появится пупочная или паховая грыжа. Засучитъ ли ребенокъ ножкамв, „заблюетъ ли онъ творогомъ“ или же у него начнется „проносъ“ съ зеленью - все это суть симптомы начавшейся „грызи“, и тогда мать обязательно несетъ его къ бабкѣ. Къ бабкамъ, пользующимся хорошею славою, везутъ дѣтей издалека, за десятки верстъ. Ловкая, наученная опытомъ поддѣлываться подъ вкусы деревенскихъ матерей, бабка не сразу приступаетъ къ леченію доставленнаго къ ней маленькаго паціента. Она давнымъ-давно замѣтила, что бабы да и весь деревенскій людъ отъ своего лекаря съ нескрываемымъ нетерпѣніемъ ждутъ прежде леченія самой болѣзни предсказанія исхода ея. Вотъ поэтому навострившаяся на своемъ дѣлѣ бабка, долго не думая, съ засаленными до-нельзя „картишками“ въ рукахъ обращается прежде всего въ пророчицу. При плохомъ состояніи паціента, что легко, вообще, можетъ опредѣлить по одному только наружному виду его мало-мальски опытный знахарскій глазъ, бабка обращается къ матери маленькаго паціента обыкновенно такъ: „Не траться, матушка, по пустому: не жилецъ енъ, андельская душенька!“ Если же ребенокъ на видъ неистощенный, а еще „плотненькій“, карты деревенской сивиллы-лекарки скажутъ совершенно обратное, и она тогда берется за леченіе. Все свое вниманіе бабки обращаютъ постоянно на пупокъ. Онъ въ ихъ понятіи является какимъ то отдѣльнымъ органомъ, имѣющимъ свои самостоятельныя движенія, и можетъ поэтому сходить съ своего мѣста. Его, съ котораго, къ тому-жъ, „и весь человѣкъ зарождается“, бабки называютъ постоянно ласкательными словами и чаще всего величаютъ

„пупашкомъ Романушкомъ“. Такъ вотъ, если „пупашко-Романушка“ значительно выпяченъ, у ребенка несомнѣнно есть грызь. Если же „пупашко-Романушка какъ слѣдовайтъ быть“, а ребенокъ тѣмъ не менѣе безпрестанно „воне“ и у него плохое „мараньице“ — въ данномъ случаѣ тоже будетъ грызь, но только „скрытная“. Поэтому нужно теперь найти то мѣсто. гдѣ она грызетъ. Въ отысканіи такого мѣста бабкѣ помогаетъ водяной жукъ или, что чаще, жужелица. Для этого бабка пускаетъ одного изъ этихъ жесткокрылыхъ по голому тѣльцу ребенка и наблюдаетъ, не укуситъ ли гдѣ младенца пущенная „букаха“. На мѣстѣ укуса будетъ и мѣсто нахожденія грызи. Эту „боль“ бабки вездѣ лечатъ одинаково, а именно, „пронимані емъ“ больного ребенка черезъ хлѣбное кольцо или черезъ ободъ, сдѣланный изъ прутьевъ черемхи. Въ первомъ случаѣ печется большая ржаная „кокора“, т. е., лепешка, и затѣмъ „середка“ ея вырѣзывается такъ, чтобы осталось кольцо. Вотъ черезъ такое отверстіе „пронимаютъ“ (продѣваютъ) трижды ребенка, а хлѣбное кольцо даютъ собакѣ черезъ порогъ избы. Во второмъ случаѣ плетется ободъ изъ прутьевъ черемхи и черезъ полученное такимъ образомъ также кольцевое отверстіе опять таки трижды „пронимаютъ“ ребенка. При этомъ бабка въ такомъ кольцѣ непремѣнно оставляетъ рубашенку ребенка. Такія кольца съ накрученными на нихъ кусками разноцвѣтной ткани мнѣ приходилось наблюдать вывѣшенными на деревьяхъ, обыкновенно ивахъ, окружающихъ деревенскіе колодцы. Надо замѣтить, что едва ли кто, при своемъ первомъ посѣщеніи деревни, обратитъ вниманіе на эти кольца. А если и обратитъ, то сочтетъ ихъ, какъ это было въ началѣ со мною, за дѣтскую забаву. Кромѣ „пронимані я“ черезъ разнаго рода кольца, существуетъ еще для леченія дѣтской грызи одинъ знахарскій способъ, возможность котораго можно допустить развѣ только у какихъ нибудь дикарей. Способъ этотъ заключается въ слѣдующемъ. Рѣдкая бабка не имѣетъ у

себя свѣчки, снятой на похоронахъ съ „домовья“ (гроба) покойника. Вотъ съ такой свѣчки она накапываетъ на пупокъ несчастнаго паціента горячія капли воска и при этомъ приговариваетъ: „Какъ покойникъ закрѣпши, занѣмѣвши, такъ и ты, грызь, закрѣпни, занѣмѣй въ бѣломъ тѣлѣ, въ горячей крови. Какъ покойнику на этомъ свѣтѣ не живать, такъ и грызи въ бѣломъ тѣлѣ не бывать, въ бѣломъ тѣлѣ, въ горячей крови. Во вѣки вѣковъ аминь“. Если грызь уже прогрызла пупокъ, такъ что у младенца есть уже пупочная грыжа, то бабка такого паціента несетъ въ баню и здѣсь производитъ надъ его пупкомъ рядъ манипуляцій. Иногда она ограничивается растираніемъ пупка просто руками; въ „инших ъ“ же случаяхъ кладетъ ребенка пупкомъ на „кругляшъ“ (круглый камень) или на комель вѣника и, прижавши его къ одному изъ этихъ предметовъ, удерживаетъ въ такомъ, крайне стѣсненномъ, положеніи нѣкоторое время. Настоящая бабка, т. е., знающая заговоры, причитываетъ въ этихъ случаяхъ такъ: „Пупокъ, пупище, хохлатое головище! Отчего тебѣ состалося, отчего случилося? Въ чистомъ полѣ на буйномъ вѣтрѣ, али отъ встрѣчнаго, али отъ поперечнаго, али отъ частыхъ звѣздочекъ, али отъ Господней луны, али отъ тяжелаго вздыманія, али отъ легкаго бѣжанія, али отъ чернаго камня, али отъ бѣлаго камня и отъ сѣраго камня, али отъ чернаго глаза, али отъ бѣлаго глаза, али отъ сѣраго; или отъ стараго старика, или отъ молодого мужика, али отъ старой старухи, или отъ молодой молодухи, али отъ отрока, или отъ отроточицы, или отъ красной дѣвицы? Полно тебѣ ходивши, полно тебѣ бушевавши, раба Божія N маявши! Какъ батюшкѣ не перецѣживать, такъ матушкѣ не перераживать, такъ и тебѣ пупку не болѣть, не ломить семьдесятъ семь жилъ, семьдесятъ семь пажилковъ! Ты устанься, ты улягся по-тиху-тихошеньку, по-малу-малешеньку, какъ потихаетъ, какъ полегаетъ маково зернышко, хмѣлиное перышко. Поди ты во мхи, въ болоты, гдѣ собаки не лаютъ,

пѣтухи не поютъ. Тамъ тебѣ жилище, тамъ тебѣ пячище, тамъ бушеваніе, тамъ царованіе! Нѣтъ тебѣ здѣсь житья ни на часъ, ни на полчаса, ни на одну минуту! Аминь, аминь!"

Это—одинъ изъ самыхъ многословныхъ заговоровъ, какіе могло создать слабое поэтическое творчество знахарскаго ума, скованнаго густымъ мракомъ деревенской жизни. Леченіе грызи, стоящей въ прямой причинной зависимости отъ несвойственнаго дѣтскому возрасту питанія и больше всего отъ кормленія дѣтей съ первыхъ же дней ихъ рожденія хлѣбными сосками и сырымъ коровьимъ молокомъ и къ тому-жъ изъ рожковъ съ коровьими „сиськами", въ которыхъ быстро скисаетъ молоко, затягивается бабками обыкновенно до самой смерти ихъ маленькихъ паціентовъ. За болѣзнь послѣднихъ не мало хлопотъ и терзаній приходится на долю деревенскихъ матерей. Онѣ въ это время мечутся что угорѣлыя въ поискахъ за „настоящимъ человѣкомъ", т. е., опытною бабкою и не мало „тратятся", расплачиваясь за знахарскій трудъ тѣми своими денежными сбереженіями, которыя хранятъ про черный день спрятанными обыкновенно въ моткахъ. Въ уплату за леченіе бабки не особенно долюбливаютъ получать натурою, т. е., хозяйственными продуктами. „Шепчу, ропчу—гроша хочу"—вотъ девизъ каждой деревенской бабки. Съ этимъ девизомъ хорошо знакомы всѣ ея деревенскіе паціенты и, признавая всю его основательность, при уплатѣ гонорара за свое леченіе точнымъ образомъ придерживаются его указанія. Послѣ грызи самою частою дѣтскою болѣзнью бабки признаютъ „спировицы". При постановкѣ діагноза этой болѣзни на лицо должны быть слѣдующіе признаки: „ребенокъ двошитъ либо хрепле, грудинка въ него припухши, а также припухши и спинка межъ крылушекъ (лопатки)". Это будутъ симптомы простыхъ спирговицъ. Бываютъ еще „спировицы-сухокрыловицы" или „спировицы-крюковицы". При нихъ ребенокъ также „двошитъ либо хрепле", но при этомъ еще должно наблюдаться

исхуданіе его тѣльца въ такой степени, что видны всѣ „костки“. Спировицы-сухокрыловицы или крюковицы сопровождаютъ обыкновенно „сухую знатьбу“, т. е., рахитъ или англійскую болѣзнь. Болѣзнь, именуемая по знахарской терминологіи просто спировицами, есть не что иное, какъ простудный острый бронхитъ, спировицы-сухокрыловицы—хроническій бронхитъ на почвѣ англійской болѣзни. Какія бы ни были найдены спировицы, бабки ихъ лечатъ всегда „просѣканьемъ“, при чемъ „просѣкаютъ“ всегда съ заговоромъ. Леченіе просѣканіемъ состоитъ въ слѣдующемъ. Бабка накалываетъ девять лучинокъ или столько же наламываетъ прутьевъ. Затѣмъ своего маленькаго паціента кладетъ поперекъ порога, приставляетъ къ его спинкѣ поочереди лучинки или прутики и по нимъ ударяетъ слегка ножемъ, вѣникомъ, крыломъ или же ребромъ ладони. Заговоръ при этомъ нашептывается обыкновенно такой: „Сяду я на порогѣ, стану я на дорогѣ, стану я просѣкать, стану я приговаривать: спировицы, красныя дѣвицы, полно вамъ красоватися, полно вамъ ходити по бѣлому тѣлу, по костямъ, по суставамъ, по горячей крови. Аминь“. Число лучинокъ или прутьевъ, по которымъ просѣкаются спировицы, не во всѣхъ случаяхъ бываетъ девять. Въ иныхъ случаяхъ ихъ накалывается три, другой разъ семь, но чаще всего девять. Почему не во всѣхъ случаяхъ берется одинаковое число лучинокъ или прутиковъ мнѣ не удалось выяснить. Каждая лучинка, по которой просѣкала бабка спировицы, сжигается въ печкѣ. Спировицы-сухокрыловицы или спировицы-крюковицы довольно часто носятъ еще названіе „собачья старость“. Собачья старость бываетъ нерѣдко „съ собачьими сиськами“. Подъ этою болѣзнью бабки понимаютъ то полное истощеніе дѣтскаго организма, при которомъ въ разныхъ мѣстахъ исхудавшаго тѣльца ребенка появляются отвислыя выпячиванія кожи. Эти выпячиванія, конечно, не что иное, какъ гнойники. По ученію бабокъ собачья старость является болѣзнью прирожденною и происходитъ отъ того, что женщина

во время своей беременности когда нибудь да ударила ногою собаку. Не мало способовъ придумано у бабокъ для леченія собачьей старости, которая сопровождается всегда еще спировицами-сухокрыловицами. Въ тяжелыхъ случаяхъ этой болѣзни, когда одной бабкѣ не „нять“ ее, составляется консиліумъ и обыкновенно изъ двухъ лицъ. Леченіе несчастнаго маленькаг опаціента происходитъ тогда въ банѣ. Здѣсь роли раздѣляются такъ. Одна бабка забирается съ ребенкомъ на полокъ и приступаетъ къ просѣканію. Пару при этомъ задать нельзя, такъ какъ леченіе спировицъ-сухокрыловицъ полагается производить въ „сухомъ зною“. Другая бабка въ баню не входитъ, а, раздѣвшись у дверей, садится на принесенную съ собою клюку и начинаетъ „объѣзжать“ баню. Такой объѣздъ на клюкѣ ведется девять разъ „кругъ“ бани, при чемъ послѣ каждаго третьяго раза бабка обязательно останавливается передъ дверью и черезъ нее спрашиваетъ: „что дѣлаешь?“ „Сухую знатьбу, собачью старость выгоняю“,—отвѣчаетъ изъ бани сотоварка, прерывая на минуту процедуру просѣканія и такой, отчитываемый вслухъ, заговоръ: „спировицы-сухокрыловицы, изрублю я васъ, изсѣку я васъ! Не будетъ вамъ хожденьица, не будетъ вамъ гуляньица по бѣлому тѣлу, по костямъ, по суставамъ, по горячей крови!“ Отъ сухой знатьбы бабки строго отличаютъ простую знатьбу, которая есть не что иное, какъ золотуха. Она, по воззрѣнію бабокъ, присуща каждому ребенку и „ворожить“ ее нельзя, такъ какъ леченіемъ ее можно „загнать“ внутрь и этимъ „стерять“ ребенка. Послѣ названныхъ болѣзней чаще всего діагносцируются бабками „сглазъ“ и „уреки“. Эти болѣзни, какъ выше было уже сказано, относятся къ порчѣ, но только самой слабой ея степени, и проявляются въ видѣ легкой скоро-проходящей лихорадки. „Сглаженный“ больной, котораго „уркли“, страдаетъ головною болью, частыми позѣвушками, безсонницею и общимъ недомоганіемъ, выражающимся въ усталости. У дѣтей при этомъ можетъ приключиться

еще родимчикъ, а у роженицы—затянуться родовой актъ. Деревенскій обыватель получаетъ сглазъ отъ одного того, что кто-либо изъ повстрѣчавшихся ему взглянулъ на него съ завистью; уреки же происходятъ по той причинѣ, что захворавшій ими служилъ наканунѣ въ чужой избѣ предметомъ завистливаго разговора. По народному повѣрью къ сглазу особенно воспріимчивы дѣти и беременныя. Дѣтей поэтому въ деревняхъ не любятъ показывать постороннимъ лицамъ и съ тою же цѣлью при вынужденномъ о нихъ разговорѣ называютъ другими именами. По глубокому убѣжденію деревни особенно тяжело „за кажиный глазъ маяться“ приходится роженицамъ. Насколько порча, оставляющая глубокіе неизгладимые слѣды въ организмѣ, является болѣзнью неотразимою, настолько заболѣваніе сглазомъ, причиняющимъ лишь быстротечное недомоганіе, можно всегда предотвратить, если сплюнуть три раза, или прикусить себѣ языкъ, или же показать сзади кукишъ тому, кто при случайной встрѣчѣ внушилъ къ себѣ невольно возникшее непріятное впечатлѣніе. Кромѣ этого бабки увѣряютъ, что онѣ всегда могутъ „открыть“ лицо, причинившее кому либо сглазъ или уреки. Для этого у нихъ существуетъ такой повсемѣстно практикуемый способъ. Въ присутствіи сглаженнаго бабка въ „штаканъ“ воды бросаетъ три уголька и при этомъ приговариваетъ такъ: „Отчего приключилося, отчего состалося, отъ какого глазу—али сѣраго, али бѣлаго, али чернаго?“

Угольки, брошенные въ воду, жадно впитываютъ ее. Изъ поръ ихъ при этомъ вытѣсняются пузырьки воздуха, приводящіе воду, по-знахарски, въ кипѣніе. И, вотъ, бабка чутко сторожитъ, при какомъ изъ приговариваемыхъ ею словъ: „сѣраго, али бѣлаго, али чернаго“ слышится больше всего этого самаго кипѣнія. Если наибольшее кипѣніе совпадаетъ, напримѣръ, съ приговариваемымъ въ это время словомъ „чернаго“, то значитъ, что сглазъ причиненъ человѣкомъ черноглазымъ. Сглазъ бабки ворожать

на тысячу ладовъ. У маленькихъ дѣтей онѣ то слизываютъ его съ лица три раза и также трижды сплевываютъ, то подкуриваютъ ихъ ихъ-же волосами, то заставляютъ надѣть на нихъ бѣлье наизнанку, то обливаютъ имъ „грудку“ и ручки „наговорною“ водою, заставляя при этомъ три раза „хлснуть„ такой водицы и остатки выплескивая за порогъ. Въ иныхъ случаяхъ даютъ испить три глотка воды, которою предварительно обмыты были или печная заслона, или дверная тяга, или крестообразно съ угла на уголъ обѣденный столъ. Довольно часто „скачиваютъ“ икону и собранною послѣ этого водою обмываютъ сглаженнаго ребенка, а рубашку его оставляютъ на ночь въ углу передъ обмытою иконою. Взрослыхъ отъ сглаза ворожатъ почти на тотъ же „маперъ“, что и „молодятину“.

Обыкновенно нашептываютъ на соль или на воду, въ которую предварительно опускаютъ три уголька. Такой наговорной „сольцы“ сглаженный долженъ съѣсть три щепотки. Наговорною водою больные должны или умыться, или отпить ее три глотка. Уреки, какъ болѣзнь, происходящую отъ недоброжелательныхъ толковъ или злобныхъ пересудовъ тайно завидующихъ кому-либо людей, бабки ворожатъ, какъ и сглазъ. Какъ при послѣднемъ, такъ и при урекахъ леченіе не можетъ обоійтись безъ воды и соли, символически обозначающихъ собою чистоту и прочность и при этомъ получающихъ еще чудесноцѣлительныя свойства отъ нашептыванія заговора. Больше всего при урекахъ у бабокъ въ ходу слѣдующій заговоръ: „Уреки-пророки побѣжали по дорогѣ во мхи и болоты, въ гнилыя колоды, гдѣ пѣтухи не поютъ, собаки не лаютъ“. Отчитывается такой заговоръ, конечно, троекратно. Есть еще и другой болѣе многосложный, нежели только что приведенный, заговоръ. Онъ нашептывается при „ночницахъ“, т. е., безсонницѣ, которыя, по знахарскому разумѣнію, составляютъ одно изъ проявленій или симптомовъ сглаза или уреков. Этотъ заговоръ произносится такъ: „Ночныя ночницы, денныя ден-

ницы, полуденныя и полуночныя! Отчего вы доставалися, отчего случилися? Отъ какого глазу? Чернаго, али сѣраго, али русаго? Утиши, Господи, болѣсти лихія и скорбости! Уйдите, лихія болѣсти, въ темные лѣса, во мхи и болота, въ гнилыя колоды, тамъ птица не пролетаетъ, тамъ звѣрь не пробѣгаетъ. Водица, царица, Христова, милостива! Бѣжала водица изъ желтыхъ песковъ, изъ крутыхъ бережковъ. Измойтесь, искатитесь всякія болѣсти, всякія скорбости, всякіе уреки, всякія пригляды или радостныя, или завистливыя, или сзаду исходящія, или спереду поглядящія. Аминь". При нашептываніи заговора, страдающій ночницами долженъ умыться тою водою, которую доставила ему бабка кудесница. А эта вода, какъ знаетъ самъ заговариваемый, не простая: ею бабка гасила три накаленныхъ до красна черепка, собранныхъ на „буйномъ вѣтрѣ" въ полѣ.

XIV.

Каждый отдѣльный симптомъ какой нибудь болѣзни бабки сплошь и рядомъ признаютъ за самостоятельное страданіе. Въ виду этого казалось бы, что знахарская номенклатура болѣзней должна была бы быть обширною. Однако на дѣлѣ она обнимаетъ собою не болѣе десятка два — три названій болѣзненныхъ формъ. Названія эти въ большинствѣ случаевъ своеобразны, нерѣдко забавны и иногда трудно объяснимы съ этимологической стороны. Такъ, кромѣ уже упомянутыхъ болѣзненныхъ формъ, знахари по своему даютъ опредѣляемымъ ими болѣзнямъ такія названія:

Зубины — язвочки новорожденныхъ въ полости рта; колуха или поколуха, поторкуша и утюнъ — поясничный ревматизмъ; волосъ—всякаго рода воспаленіе костей; хыркуха—старческій кашель съ отдѣленіемъ обильной мокроты; задышка — удушье; мытуха, мыто и проносъ—поносъ; родимецъ—эклампсія; щетина—неправильный ростъ рѣсницъ; пупыш-

ки—глазная болѣзнь „трахома“; опарь—обопрѣлость; гажья болѣсть—укушеніе гадюки; мертвецка костка—сухожильный наростъ (ганглій); горлянка — дифтеритъ; скобатуха, скробатуха, скобель, скорба, знуда или нуда, короста, нечись, забава и деруха—чесотка; глистуха—глисты; разбой—ушибъ; дурница—сифилисъ; спировицы, сухокрыловицы и крюковицы — болѣзненные симптомы со стороны дыхательныхъ органовъ, костной системы и пищеварительнаго тракта, наблюдаемые у дѣтей при рахитѣ или англійской болѣзни; бабушки—натуральная оспа; корюшки или черемнушки—корь; лаптушки—острая пузырчатая сыпь или пемфигусъ.

Зубины, если только онѣ не „грузныя“, бабки ворожатъ назначеніемъ своему „грудешному“ паціенту „масельца“, принесеннаго изъ какого нибудь „номастыря“, или „воды изъ стопы Божіей Матери на горѣ Почаевской“. Эту „святую водицу“ покупаютъ онѣ отъ захожихъ странниковъ и богомолокъ, бродящихъ, обыкновенно по парочкамъ, по „святымъ“ обителямъ и набирающихъ для продажи темному люду разнаго рода бездѣлицы религіознаго назначенія вплоть до „стружекъ отъ каменнаго гроба Господня“. При „грузныхъ“ зубинахъ, когда ребенокъ не можетъ ни брать „грудя“, ни сосать „сиськи“, бабки примѣняютъ уже другой способъ леченія. Этотъ способъ уже не лекарственный, а чисто механическій, и заключается въ слѣдующемъ. „Крохотную“ шейку своего маленькаго паціента деревенская лекарка нѣсколько разъ на дню стягиваетъ своимъ повоемъ или косою. Мышечный ревматизмъ, носящій по терминологіи деревенскихъ бабокъ сдвали объяснимое названіе „утюнъ“, лечится, какъ уже сказано выше, „просѣканьемъ“. Просѣкаютъ девять разъ съ такимъ заговоромъ: „Ты, поколуха и поторкуша, ты меня торнешь дюже, а я тебя дюжѣе. Ты меня торнешь разъ, а я тебя торну два; ты меня торнешь два, а я тебя торну три, ты меня торнешь три, а я тебя торну четыре: ты меня торнешь четыре, а я тебя торну пять: ты меня торнешь пять,

а я тебя торну шесть; ты меня торнешь шесть, а я тебя торну семь; ты меня торнешь семь, а я тебя торну восемь; ты меня торнешь восемь, а я тебя торну девять. Аминь". Интересно понятіе бабокъ, а съ ними и всего крестьянства, о болѣзни „волосѣ". „Волосъ" — это „червяцекъ" (червячекъ), тонкій и длинный, какъ бабій волосъ, и обыкновенно темнаго цвѣта. Онъ проникаетъ въ тѣло и „точитъ" здѣсь или кости, или мясо. Если проникаетъ въ кости, то это будетъ „волосъ костяной", если же въ мышцы, то это „волосъ верховой". Понятіе о волосѣ нашло себѣ пока незыблемое „утвержденіе" въ крестьянствѣ, считающемъ его за причину разнаго рода костоѣды и въ томъ числѣ зубной боли. Для меня нѣтъ сомнѣнія, что понятіе о волосѣ возникло въ крестьянствѣ первоначально изъ того способа, который и посейчасъ практикуютъ бабки при леченіи костоѣды пальцевъ рукъ. Къ заболѣвшему пальцу бабки привязываютъ ржаные колосья, при чемъ въ качествѣ нитокъ употребляютъ обыкновенно волосы изъ своихъ косъ. Обвязавъ такимъ образомъ больной палецъ, онѣ затѣмъ заставляютъ держать его надъ небольшою кадкою или корытомъ, куда бросается нѣсколько нагрѣтыхъ камней, и льютъ на него изъ ковша воду. Она, стекая на нагрѣтые камни, превращается въ паръ, задерживающійся въ свою очередь въ видѣ теплыхъ водяныхъ капель на колоскахъ, прикрывающихъ больной палецъ. Этотъ способъ въ деревняхъ носитъ названіе „выливаніе" волоса и представляетъ собою нечто иное, какъ паровое леченіе въ маленькомъ масштабѣ. Такое леченіе, конечно, можетъ ускорить созрѣваніе ногтоѣднаго гнойника и уменьшаетъ боль. На первыхъ порахъ своего возникновенія это леченіе, приносившее замѣтное облегченіе, пришлось по сердцу деревенскому паціенту. Онъ, какъ человѣкъ безотчетно тяготѣющій къ мистическому, не могъ не видѣть въ немъ чего-то особеннаго, стоящаго, по его же мнѣнію, въ причинной связи съ самою таинственною личностью лекарки. Ея волосъ въ концѣ кон-

цовъ въ его глазахъ, сталъ фигурировать уже не просто какъ нитка, необходимая при манипуляціяхъ выливанія волоса, а какъ нѣчто особое, какъ нѣчто организованное, живое. Присмотрѣвшись къ такому настроенію своихъ паціентовъ, хитрая знахарка стала убѣждать ихъ, что ногтоѣду и костоѣду производитъ дѣйствительно живой волосъ, вылѣзающій при ея леченіи изъ больного члена, который при этомъ сейчасъ же и получаетъ облегченіе. Далѣе произошло самовнушеніе и самой знахарки о живомъ волосѣ, какъ причинѣ разнаго рода нагноеній. Въ настояще время знахарка вновь путемъ обмана силится поддержать въ крестьянствѣ представленіе о волосѣ, какъ живой причинѣ ногтоѣды и костоѣды. Это видно уже изъ того, что въ настоящее время, при выливаніи волоса, она тщательно прячетъ клубочекъ своихъ волосъ на днѣ кадушки или предварительно затыкаетъ его между „прутками“ вѣника, если имѣетъ въ виду попарить имъ пораженное волосомъ мѣсто. Такъ или иначе, но въ концѣ процедуры выливанія волоса она теперь не упускаетъ случая, чтобы торжественно на глазахъ своего паціента не вытащить изъ кадушки или вѣника клубочка спутанныхъ волосъ и не заявить, что все это „волосъ, выпатнувшійся“ изъ больного мѣста. Заговоръ, который не всегда обязательно произносится бабками при выливаніи волоса, слѣдующій: „Волосъ черный, волосъ сѣрый, волосъ бѣлый, волосъ русый, волосъ карій, волосъ чалый, волосъ сиво-зелѣзовый (сиво-желѣзовый) и всякій вѣтровой, всякій вихровой, всякій еретицкій, всякій земляной, всякій моховой, всякій болотовой, всякій мужськой, всякій женській, всякій дѣвичій, всякій малечій, вскякій коневій, всякій коровій, всякій овечій, всякій свиневій, всякій козелій, всякій кошачій, всякій собачій, всякій куриный, всякій утиный, всякій лебединый, всякій гусиный, всякій индюшкинъ, всякій журавлиный, всякій цаплиный, всякій сорочій, всякій вороній, всякій голубиный, всякій галичій, всякій кукушкинъ, всякій соловьиный, всякій щеглиный, всякій видме-

жій (медвѣжій), всякій заячій, всякій лисичій и ото всѣхъ звѣрей бѣгучихъ, и ото всей твари ползучей, и ото всѣхъ птицъ летучихъ! Выди, вышенься, волосъ, изъ бѣлаго тѣла, съ горячей крови! Занѣмѣй, закрѣпни, волосъ! Какъ эти камешки закрѣпши, занѣмѣвши, такъ и ты, волосъ, занѣмѣй, закрѣпни въ бѣломъ тѣлѣ, въ горячей крови: какъ этимъ колоскамъ на корню не бывать, такъ и волосу въ бѣломъ тѣлѣ не живать! Аминь тому слову". Зубную костоѣду и вмѣстѣ съ тѣмъ боль производитъ также волосъ. Это, пожалуй, можно видѣть изъ заговора, трижды произносимаго бабками такъ: „мѣсяцъ въ небѣ, ракъ въ морѣ, червь въ дубѣ, не болѣли бы у N зубы. Аминь". Впрочемъ волосъ не составляетъ единственной причины зубной боли. Тамъ, гдѣ есть въ зубѣ дупло, есть и волосъ: тамъ же, гдѣ такого видимаго поврежденія нѣтъ на лицо, причиною зубной боли является простуда Она несомнѣнна, когда болитъ въ одно время нѣсколько „нетронутыхъ" зубовъ. Сообразно признанію существованія для зубной боли нѣсколькихъ причинъ, бабки ворожатъ ее разными способами, въ большинствѣ случаевъ прибѣгая къ заговорному леченію. Какъ приходилось слышать, особенно часто заговариваютъ бабки зубную боль на рябину и „молодикъ" (новолуніе). На рябину зубная боль заговаривается такъ: „Рябина, рябина, возьми эту болѣсть, не буду тебя въ вѣкъ ѣсть. Аминь". Не смотря на опредѣленную ограниченность этого заговорнаго обѣщанія, знахарка шире толкуетъ его своему паціенту, указывая на необходимость не только не ѣсть ягодъ рябины, но и не рвать ихъ, и дерева ея никогда не ломать и не рубить въ избѣжаніе вновь появленія зубной боли. До своего непосредственнаго сближенія съ деревнею мнѣ приходилось слышать, не разъ и читать, объ удивительной подчасъ наблюдательности крестьянства надъ окружающею его природою. Подъ вліяніемъ всего этого я твердо былъ увѣренъ, что наше крестьянство, въ силу приписываемой ему наблюдательности, держитъ у себя не мало точныхъ и ин-

тересныхъ свѣдѣній о флорѣ и фаунѣ родного края. Однако моя почти полная увѣренность въ этомъ на первыхъ же порахъ моего появленія въ деревнѣ растворилась безъ остатка, уступивъ мѣсто совершенно противоположному взгляду, отрицающему въ природномъ деревенскомъ обывателѣ всякую способность тонкаго и точнаго наблюденія окружающей природы. Находясь за крѣпкою стѣною суевѣрій и предразсудковъ, крестьянство уже въ силу одного этого должно было развить въ себѣ крайне много воображенія и подчинить послѣднему большую часть своей простой реальной наблюдательности окружающей жизни.

XV.

Окружающіе животный и растительный міры деревнѣ мало знакомы. Такъ, деревня и до сихъ поръ упорно отказывается признать то, что змѣя кусаетъ не „жагломъ", а ядовитыми зубами, что она, если въ состояніи „сжагать" черезъ сапогъ, тѣмъ легче можетъ укусить черезъ холщевую портянку, и что одноглазыхъ змѣй, которыя при этомъ являются еще и самыми ядовитыми, нѣтъ вовсе.

Деревенское повѣрье въ томъ, что змѣя не можетъ укусить черезъ холщевую портянку, основано на сказкѣ и сказкѣ такой. Змѣя, вобравшись нѣкогда въ ленъ, запуталась въ немъ до того, что никакъ не могла сама освободиться. Она стала тогда просить Бога о помощи. Богъ внялъ ея мольбамъ и она, получивъ освобожденіе, дала клятву никогда не „жагать" народъ черезъ одежду, сшитую изъ льняной ткани. Вся нелѣпость деревенскихъ разсказовъ объ этомъ пресмыкающемъ сказывается въ томъ, что ему въ деревнѣ приписываютъ способность забираться въ „утробу" человѣка и тамъ неопредѣленно долгое время оставаться живымъ. Подходящій моментъ для заползанія „гада" въ человѣческую утробу это—сонъ человѣка съ открытымъ ртомъ на вольномъ воздухѣ. Въ своихъ фантастическихъ бредняхъ

деревня умудрилась дойти даже до того, что опредѣляетъ то ощущеніе, какое испытываетъ спящій при проползаніи въ его утробу гада Въ подобоыхъ случаяхъ, утверждаетъ деревенскій жихарь, спящему видится „во сняхъ“, что онъ глотаетъ „холодненькій квасокъ“. Всѣ такого рода разсказы, по всей вѣроятности, не что иное, какъ бредовыя идеи, вызываемыя ненормальными ощущеніями у лицъ, страдающихъ болѣзнями пищеварительнаго тракта. А такъ какъ желудочно-кишечныя болѣзни по частотѣ своего проявленія у крестьянства стоятъ на первомъ планѣ, то и неудивительно, почему деревня упорно вѣритъ въ возможность заползанія змѣи въ человѣческое „нутро“. Что деревенскіе больные, страдающіе хроническимъ катарромъ желудка, дѣйствительно склонны приписывать ненормальныя ощущенія, идущія отъ этого больного органа, присутствію въ немъ „гада“, я лично могъ убѣдиться изъ разсказа одного весьма словоохотливаго, какъ и вся деревня, мужичка, у котораго пришлось мнѣ однажды заночевать. Онъ самъ страдалъ когда-то „животомъ“ и вотъ отъ какой причины.

— Одно лѣто косилъ я эвто на болотѣ. Посли завтрика, какъ вѣдашь самъ, легъ я эвто уснуть. Заснулъ я эвто и вдругъ, братецъ ты мой, во-сняхъ, значить, и вижу, што пью какъ бы на манеръ холодненькій квасокъ. Пріятно, доложу тобѣ, этакъ было. Тольки опосля эвтого вскорѣ-жъ и проснулся. Вскочилъ эвто на ноги и тольки вижу, дѣло дрянь: брюхо въ меня пирогомъ вздынувшись, а тамотко, стало быть, въ утробѣ то, все такъ и ходе, все такъ и турлыче. Я мигомъ, братецъ ты мой, съ работы-отъ домой. Пріѣхавши эвто домой, въ конецъ занемогъ. И вотъ съ тыхъ самыхъ поръ и сталъ я эвто чувствовать, какъ бы эвто дѣвстительно кто въ меня поперекъ живота повернувшись. Было и такъ, какъ быдто енъ коло сердца повѣсится. И вотъ какъ эвто енъ такую фортель выкине, сичасъ тольки вина выпей. Сичасъ тогды и почувствуешь, какъ эвто енъ отвалится. Долго енъ меня такъ маилъ. Одно время

оле живъ былъ. И вотъ домашніе стали эвто меня посылать по бабкамъ. Тые вси въ одно слово твердя: въ тобя эвто енъ, тоисъ, гадъ. И стали тогды меня по банямъ водить, пупошко мое распаривать; его-отъ самого пробовали кто на малину, а кто на молоко вызывать. Тольки енъ на ты средствія не пошелъ, а мнѣ аппе хуже сдѣлалось. И вотъ скажу я тобѣ, какъ Богу по душѣ отдать, надоумилъ я эвто самъ въ ты поры поусердствовать Господу Богу, и пошелъ я эвто тогды на богомоленіе къ Ольги Рассейской. Помолился ей, матушкѣ нашей заступницѣ, и молебну заказалъ. Оттуда, значить, взадъ на тотъ же манеръ пѣхтурой побрелъ. На дорогѣ взадъ-отъ пришлось въ одной деревушкѣ заночевать. Заночевалъ эвто, а на утріе ранымъ-ранехонько всталъ и, што-жъ скажу тобѣ, просто диву дался: не ное въ меня ничуть нутро, совсѣмъ отвалило. А самъ вѣдашь, допрежъ того все какъ запечатано, все занѣмѣвши, што камень лихой, въ меня было. И вотъ сталъ эвто сразу совсимъ я здоровъ и што молодый домой побѣжалъ. Разсказывали посля, што въ тое утро, какъ я ушелъ, бабы въ огородѣ огромаднаго гада застебали.

Въ мѣстности, гдѣ пришлось мнѣ „маяться“ въ неблагодарной роли разъѣзжаго эпидемическаго врача, мнѣ удалось выяснить существованіе только двухъ видовъ ядовитыхъ змѣй: собственно гадюки и гадюки медянки. Первую крестьянство зоветъ просто „поганикомъ“, а вторую „веретеницею“. Такое ничтожное количество видовъ ядовитыхъ змѣй ничто въ сравненіи съ тѣмъ, какое выставлено въ трехъ записанныхъ мною заговорахъ. Вѣроятно, эти заговоры не исключительно мѣстной фабрикаціи, а занесены отовсюду и въ особенности изъ южныхъ странъ, гдѣ фауна блещетъ обиліемъ и разнообразіемъ своихъ формъ. Доказательствомъ заноса заговоровъ издалека можетъ служить фигурирующее въ нихъ значительное число искаженныхъ только народнымъ невѣжествомъ названій змѣй. Такъ, приводимое во второмъ заговорѣ названіе „паланга“, по

всей вѣроятности, есть искаженное слово „фаланга“. При укусѣ „поганика“ и вообще при леченіи „гажьей болѣсти“ главное леченіе, къ которому прибѣгаютъ въ крестьянствѣ, это заговорное. Существуетъ здѣсь и лекарственное леченіе, какъ напримѣръ, втираніе въ „ужаленное“ мѣсто махорки. Но лекарственный способъ не является такимъ обязательнымъ, какимъ является здѣсь заговоръ. Свой заговоръ надъ укушеннымъ змѣею знахарь или бабка „шопчетъ“, какъ и всякій заговоръ, при опредѣленномъ обрядѣ. При неоднократно безполезныхъ попыткахъ мнѣ въ концѣ концовъ удалось записать три заговора, „нашоптываемыхъ“ надъ укушенными змѣею. Одинъ знахарь заговаривалъ такъ: „Гадъ, гадъ, возьми свой ядъ! Не приметъ тебя кувыль-трава; сыра мать-земля не пуститъ тебя въ колоды и сырыя болоты, гдѣ твое гульбище, гдѣ твой станъ. Гадъ, гадъ, возьми свой ядъ! Гадъ черный, гадъ сѣрый, гадъ рябый, гадъ ползучій и моховой, болотовой и земляной, и гнѣздовой, тройникъ, пятерикъ, семерикъ, осьмерикъ, девятерикъ. Аминь“. Второй знахарь въ своемъ распоряженіи имѣлъ такой заговоръ: „Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Ужма, пальма, паланга и маланга, полевая, дворовая, подмежная, подколонная! Нашлетъ на тебя Архангелъ Гавріилъ тучу Соломониду, не скроешься ни подъ землею, ни подъ водою, ни подъ бѣлымъ камнемъ. Аминь“. Третій знахарь не побоялся открыть мнѣ и тотъ обрядъ, котораго онъ придерживался при леченіи укушенныхъ гадюкою. Свой заговоръ онъ произноситъ надъ водою, процѣженною въ банѣ сквозь каменку. Воды такой онъ не держитъ въ запасѣ, а при каждомъ новомъ случаѣ беретъ свѣжей. По произнесеніи заговора укушенному даетъ „нашоптанной водицы глотнуть три разка“, а остаткомъ обмываетъ укушенныя ранки. Заговоръ у него такой: „Гадъ или гадыня! Сколько васъ есть рожденья всякаго разноцвѣтнаго? Одинъ, три, пять, семь, девять, одиннадцать, тринадцать, пятнадцать, семнадцать? Васъ больше нѣтъ. Гадъ или гадыня! Аль ты полевой,

аль ты болотовой, аль боровой, аль красный, аль черный, аль рябый, аль бурый, аль полосатый, возьми свой ядъ! Не возьмешь ты свово яда, не приметъ тебя ни вода, ни земля, ни темные лѣса, ни шелковая трава. Зажгу я темные лѣса, шелковую траву и выведу я все ваше количество. Аминь. Не я заговаривалъ, не я зааминовалъ. Зааминовалъ мхи, болота, сизый камень Михаилъ Архангелъ. Если ты не возьмешь своего яда, будутъ тебя, змѣя лихового, на Страшномъ Судѣ наказывать желѣзныя прутья. Гадъ или гадыня, возьми свой ядъ. Аминь".

XVI.

И отъ какихъ только болѣзней ни лечатъ своими заговорами деревенскіе знахари и бабки! Уже изъ однократнаго просмотра всплывшихъ наружу деревенскихъ заговоровъ можно придти, думается, къ вѣрному заключенію, что они позднѣйшей фармаціи и ихъ нельзя поставить на ряду съ стародавними того же рода произведеніями народнаго творчества. Старинные народные заговоры богаты поэтическими оборотами рѣчи и нѣкоторые изъ нихъ, какъ извѣстно, являются настоящими перлами народной поэзіи, связанной съ суевѣріями и иногда историческими воспоминаніями народа. Современные заговоры, какъ достояніе касты, только знахарскіе. Они, въ общемъ, сухи, т. е., малосложны и крайне бѣдны оборотами народной поэтической рѣчи, являясь показателемъ современнаго оскудѣнія народнаго поэтическаго творчества. Упадокъ послѣдняго въ настоящее время сказывается въ появленіи въ деревнѣ безконечнаго числа припѣвокъ или частушекъ, обыкновенно плохо риѳмованныхъ и любовнаго содержанія, убившихъ хорошія „долевыя" деревенскія пѣсни или по крайней мѣрѣ сильно съузившихъ границы ихъ распространенія. Существуютъ знахарскіе заговоры, представляющіе изъ себя одинъ безсвязный наборъ словъ, какой-то тарабарщины или халдейщины, занесенной въ деревню, Богъ вѣсть, откуда. Такъ,

одинъ изъ знахарей, славившійся удачнымъ леченіемъ собачьяго бѣшенства, заставлялъ укушеннаго „шальной“ собакою носить при себѣ слѣдующій написанный на клочкѣ бумаги заговоръ:

«Амеромъ леромъ
коліа
Филинъ стукиданъ
Филенъ стукидонъ носсорота.

Писался этотъ заговоръ, какъ я нѣсколько разъ могъ убѣдиться, всегда только что въ приведенномъ порядкѣ. Бумажные обрывки съ такъ написаннымъ заговоромъ имѣлись всегда въ запасѣ у этого знахаря. Онъ, какъ я узналъ въ его деревнѣ, до снабженія своихъ паціентовъ писаннымъ заговоромъ предварительно подвергалъ ихъ трехдневному леченію, заключавшемуся въ слѣдующемъ.

Имъ три раза въ день онъ давалъ по лепешкѣ, выпеченной имъ самимъ изъ овсяной муки. На укушенную рану настригалъ всегда собачьей шерсти, видимо, придерживаясь при этомъ обычнаго крестьянскаго правила, вошедшаго цѣликомъ въ народную пословицу: какая собака укуситъ, съ той шерстью и лечись. Свое заговорное леченіе бабки распространяютъ и на такія болѣзни, какъ разнаго рода наросты, вередъ и огневикъ, глазной ячмень и горлянку, съ которою онѣ, несомнѣнно, не могутъ не смѣшивать обыкновенной или простой жабы. Сухожильный наростъ, носящій медицинское названіе ганглій, у бабокъ зовется „мертвецка костка“. Для леченія такого нароста онѣ держатъ у себя „про случай“ дѣйствительно мертвецкую кость, добываемую на „бую“ (кладбищѣ). И вотъ этою костью обводятъ трижды вокругъ „мертвецкой костки“ паціента и трижды нашептываютъ: „костка, костка, возьми свою костку, а мнѣ дай добро здоровье“. Такимъ же симпатическимъ заговорнымъ леченіемъ сопровождается ворожба вереда, если онъ не подался

размягченію отъ предварительно примѣненнаго прикладыванія распаренной „лучины“ или меда. Отъ припарочныхъ средствъ, дѣйствительно, ускоряется „назрѣваніе“ обыкновенныхъ вередовъ; но огневикъ или иначе карбункулъ такому леченію не поддается. Нужно поэтому полагать, что бабки свое заговорное леченіе примѣняютъ преимущественно при леченіи карбункула. Найдя въ избѣ своего паціента въ дверномъ или оконномъ облинкѣ сучковатое мѣсто, бабка обводитъ его три раза уголькомъ. Затѣмъ три кружка обводитъ и вокругъ вереда, нашептывая при этомъ: „ссохни, вередъ, какъ и ты, сучекъ изсохши; ссохни, вередъ, почернѣй, какъ и ты, сучекъ, изсохши, почернѣвши. Аминь“. Отъ глазного ячменя въ деревняхъ въ ходу заговоръ, который знакомъ и городскимъ обывателямъ, не особенно, конечно, интеллигентнымъ. Выставивъ ячменю банальную фигуру изъ трехъ „перстовъ“, знахарка приговариваетъ: „ячмень, ячмень, вотъ тебѣ кукишъ, что хочешь, то купишь. Купи себѣ топорокъ, сѣки себя поперекъ! „Горлянка“, заболѣваніе которою бабки признаютъ возможнымъ только у ребятъ, надо полагать, есть не что иное, какъ дифтеритъ. И при этой болѣзни практикуется заговорное леченіе, но, по всей вѣроятности, мало распространенное, такъ какъ объ немъ мнѣ пришлось слышать всего единственный разъ. При знахарскомъ леченіи горлянки какъ необходимъ заговоръ, такъ необходима и жаба. Стало быть, провести это леченіе возможно не во всякое время. Зимою, напримѣръ, оно вовсе невозможно. Поймавъ жабу, бабка ее „мертвитъ“ и затѣмъ уже прикладываетъ къ шеѣ маленькаго паціента съ нашептываніемъ: „Волосы рѣжу, голову рѣжу, лобъ рѣжу, брови рѣжу, глазы рѣжу, ротъ рѣжу, шею рѣжу, жабу рѣжу и зарѣжу. Аминь“.

Нельзя не обратить вниманія, что въ этомъ заговорѣ бабка рѣжетъ все части исключительно одной головы. Этимъ, по всей вѣроятности, желательно указать на локализацію заговариваемой болѣзни. Родимецъ и падучая у бабокъ извѣстны подъ об-

щимъ названіемъ „затряхотникъ“ и происходятъ по напущенію нечистой силы.

Родимецъ „находитъ“ преимущественно на дѣтей и проходитъ безслѣдно, если случается ночью при полной тишинѣ въ избѣ. Находитъ онъ и днемъ и также можетъ пройти благополучно, если только не дотрогиваться до ребенка, не глядѣть на него и не испугать его крикомъ, шумомъ или стукомъ. При несоблюденіи какого либо изъ этихъ условій родимецъ можетъ обратиться въ постояннаго затряхотника, т. е., въ падучую. Затряхотникъ лечится заговоромъ, но какого содержанія мнѣ не удалось разузнать. Я слышалъ, что заговорное леченіе затряхотника ведется колдунами въ банѣ и впродолженіе тридцати двухъ дней. Одна бабка увѣряла меня, что при леченіи заговоромъ родимецъ будетъ „пытать“ ребенка впродолженіе только тридцати дней, являясь черезъ два — три дня, но „настояшше не затряхивая“, на тридцать же второй день „хоша и придe, и потрясе за губу, но тымъ и окончится.“ Существуютъ еще симпатическіе способы леченія затряхотника. Одинъ изъ нихъ заключается въ слѣдующемъ. Знахарка достаетъ въ церкви съ „трехъ кадильницъ“ золы. Зола смѣшивается и дается паціенту внутрь съ водою по три, конечно, глотка въ день. За бабками „водится слава“ въ леченіи и накожныхъ болѣзней. Но въ этой области леченіе у нихъ уже не заговорное, а лекарственное, и домашними, конечно, „снадобьями“. При леченіи, напримѣръ, разнаго рода лишаевъ въ большомъ ходу: „слеза“ со стеколъ, закваска изъ квашни и сокъ изъ „журавины“ (клюквы). Бабки натолкнули деревенскую молодежь и на косметическія средства, спросъ на которыя со стороны дѣвокъ особенно выросъ въ деревнѣ за послѣднее время. Теперь въ деревняхъ не найдешь дѣвки, которая бы не „фурмонилась“ (румянилась). Фурмонятся оберточными бумажками отъ конфетъ, бодягою и разжеваннымъ корневищемъ купены. Вотъ, послѣднее средство есть чисто знахарское и, значитъ, симпатическое. Купена

при леченіи загара и какъ румяна не во всѣхъ случаяхъ годится, потому что она, какъ утверждаютъ бабки, не для всѣхъ „ровно“ дана. Въ однихъ случаяхъ она предназначена только для мужчинъ, въ другихъ только для женщинъ. Если эта трава назначена для мужскаго пола, а употребитъ ее для „натирки мордвы“ дѣвка, то у послѣдней лицо будетъ лупиться. Тутъ уже купена есть „лупена“. Какъ же узнать для какого пола назначена купена? Для этого нужно знать и помнить порядокъ слѣдующихъ словъ: „Купена, лупена, Дарья, Марья, Иванъ“. Теперь нужно цѣликомъ, т. е., съ корнемъ достать одну купену и начать обрывать ея листья, начиная съ самаго нижняго и кончая послѣднимъ, т. е., верхушечнымъ листомъ. На каждый обрываемый листъ должно приходиться одно изъ по порядку произносимыхъ приведенныхъ словъ. Если послѣдній верхушечный листъ придется, напримѣръ, на слово „Иванъ“, то растеніе годится только для мужчины; и только въ томъ случаѣ оно можетъ пойти для женщины, если его послѣдній верхушечный листъ совпадаетъ съ произношеніемъ словъ: „Дарья“ или же „Марья“.

XVII.

Крайніе приверженцы заговорнаго леченія знахарки-бабки не при всѣхъ, однако, извѣстныхъ имъ болѣзняхъ примѣняютъ его. Напримѣръ, „дурница“ или „дурная болѣсь“, т. е., сифилисъ не лечится вовсе заговоромъ. Несомнѣнно, что долгій опытъ давно уже указалъ деревенскимъ чародѣямъ, что при этой болѣзни заговорное леченіе совершенно безполезно. Сифилисъ, какъ болѣзнь хроническую и при этомъ съ довольно опредѣленнымъ цикломъ развитія наружныхъ проявленій, конечно, и сами знахари не могли поставить на ряду съ болѣзнями скоротечнаго характера, при большинствѣ которыхъ самопроизвольное выздоровленіе такъ удобно приписать благотворному дѣйствію заговорнаго леченія.

Ни въ одной средѣ сифилисъ не производитъ такого разрушительнаго дѣйствія, такой, вообще, „вряды“ (вреда), какъ въ крестьянской. Лишеніе, каждодневное недоѣданіе, жизнь, вообще, впроголодь, постоянно тяжелый трудъ и отсутствіе разумной медицинской помощи служатъ причиною того, что эта болѣзнь вырождаетъ въ полномъ смыслѣ этого слова наше крестьянство. Оно и само это, кажется, уже замѣчаетъ, если для запавшаго отъ этой болѣзни носа придумало ироническое названіе носа „въ талью“ (талію). Сифилисъ - это первая болѣзнь, которая въ крестьянскую голову внесла нѣкоторое представленіе о заразительности болѣзней непосредственно отъ больныхъ людей. Признаніе за нимъ заразительности видно изъ того, что въ деревнѣ его называютъ болѣзнью „опасительною“. Баня—вотъ главное мѣсто, гдѣ его заполучаетъ деревенскій обыватель, вынуждаемый затѣмъ тщательно скрывать его даже отъ домашнихъ. Скрываютъ его не потому, чтобы онъ слылъ въ деревнѣ за болѣзнь предосудительную или, проще, постыдную, получаемую въ возмездіе за развратную жизнь, а изъ-за тѣхъ обширныхъ и глубокихъ „болячекъ“ и изъязвленій, образующихся отъ распада сифилитическихъ опухолей или гуммъ и характеризующихъ собою третичный сифилисъ, неотвратимый у зараженнаго крестьянства. Вотъ, по этимъ разрушительнымъ формамъ третичнаго сифилиса и ставится главнымъ образомъ діагнозъ его. Кромѣ этого его опредѣляютъ еще по разнаго рода бѣлаго цвѣта пятнамъ и мокнущимъ разрощеніямъ, которыя бываютъ въ „роту“ или у противоположныхъ естественныхъ отверстій тѣла. По кожнымъ же сыпямъ или, какъ ихъ медицинское названіе, кожнымъ сифилидамъ сифилиса бабки не умѣютъ распознавать и не обращаютъ на нихъ вовсе вниманія. Конечно, во всѣхъ случаяхъ знахарскій діагнозъ сифилиса долженъ находиться подъ большимъ сомнѣніемъ. Леченіе сифилиса ведется въ деревнѣ крайне энергично, но неумѣлое примѣненіе тѣхъ средствъ, которыми располагаютъ знахарки, вызы-

ваетъ у паціентовъ еще другую болѣзнь — ртутное отравленіе, выражающееся характернымъ образомъ въ воспаленіи „лалакъ“ (деснъ) и вообще полости рта. Главный способъ знахарскаго леченія сифилиса это—„окуриванье камешкомъ“ и назначеніе внутрь „дьякопа“ (декокта). Подъ названіемъ „курительный камешекъ“ бабки покупаютъ въ „городу“ въ желѣзныхъ рядахъ самородную киноварь въ видѣ кирпичнаго цвѣта кристаллическихъ кусочковъ. Тамъ же онѣ могутъ достать и сулемы, которая идетъ въ „дьякопы“. „Курятся“ сифилитики такъ. Въ горшокъ, на сковородку или печную заслону бабка насыпаетъ горячаго уголья и бросаетъ щепотку курительнаго камешка. Больной наклоняетъ голову и вдыхаетъ пары, развивающіеся отъ камешка. Для большей утилизаціи киноварныхъ испареній паціента „заодно съ посудиною“ иногда накрываютъ какой нибудь „одежою“. „Дьякопы“ знахарки варятъ изъ сассапарильнаго корня съ прибавленіемъ сулемы. Послѣдней на бутылку воды, т. е., на полуштофъ, берутъ съ мелкую „горошину“. Сколько этого „зелія“ долженъ принять сифилитикъ при своемъ леченіи ни одна бабка вычислить вамъ не сумѣетъ. Вообще, всѣ свои средства знахарки назначаютъ безъ всякой, конечно, дозировки по вѣсу, а на глазъ и по такой мѣркѣ: съ конопляное зернышко, съ горошину, нѣсколько крупинокъ, щепоточку и, наконецъ, на концѣ ножика. Какъ бы тамъ ни было, но ртутное отравленіе у деревенскихъ сифилитиковъ явленіе нерѣдкое, и если земскіе врачи не могутъ его часто констатировать, то это зависитъ отъ того, что деревенскіе сифилитики послѣ „куренья“ никогда не заглянутъ на медицинскіе пункты.

Если окуриваніе сифилитиковъ знакомо каждой знахаркѣ, то леченіе „дьякопомъ“ находится въ рукахъ лишь единичныхъ личностей изъ обширной знахарской коллегіи. Приготовляютъ „дьякопъ“ обыкновенно „далеко прослывшія“, почтенныя и старыя знахарки, пожившія когда то въ услуженіи или въ „городу“ у многихъ господъ, или барынь-помѣщицъ,

оставшихся доживать свой вѣкъ въ деревнѣ. „Дьяконъ“ не есть продуктъ изобрѣтательности простыхъ деревенскихъ знахарей. За это говоритъ какъ само, исковерканное только, названіе, такъ и сложность входящихъ въ этотъ отваръ лекарствъ, большинство которыхъ можно получить только въ аптекѣ. „Дьякопъ“ есть пережитокъ, несомнѣнно, помѣщичьей медицины, претерпѣвшій нѣкоторыя измѣненія въ рукахъ невѣжественныхъ знахарокъ. Такъ, въ единственномъ и неожиданно мною полученномъ рецептѣ „дьякопа“ былъ прописанъ „бѣлый и черный ледъ“. Что это за „льды“ мнѣ не удалось выяснить и я крайне былъ озадаченъ, когда мнѣ сказали, что ихъ въ „вольной“ (городской) аптекѣ нѣсколько разъ уже отпускали. Я остановился на догадкѣ, что „бѣлый ледъ“ есть не что иное, какъ іодистый калій, главный медикаментъ при леченіи сифилиса, а „черный“—сабуръ, слабительное средство. Полная пропись списаннаго мною рецепта „дьякопа“ была такая: „Сарсапариль, лапушный корень, солодковый корень, александринскій листъ, черный ледъ, бѣлый ледъ, черныя капли“. Этотъ рецептъ присланъ былъ ко мнѣ съ развѣдочною цѣлью, имѣются ли въ моей аптекѣ прописанныя въ немъ средства и какъ дорого они могутъ стоить. Крестьянинъ, доставившій его мнѣ, оказалось, состоялъ паціентомъ одной богатой знахарки, прогремѣвшей своимъ знахарскимъ искусствомъ вплоть до самаго города и „на сто верстъ верстъ во всѣ концы“, какъ еще говорили про нее въ деревняхъ. Объ этой знаменитой ворожеѣ мнѣ пришлось потомъ узнать, что она когда то состояла горничной при какой то помѣщицѣ „Шатилихѣ“, тоже лечившей народъ и устроившей въ своемъ имѣніи даже глазную лечебницу.

XVIII.

Большинство помѣщицъ добраго стараго времени доброхотно отбывало повинность въ дѣлѣ леченія крестьянства. Что этимъ оно преимущественно

удовлетворяло свое нравственное побужденіе облегчать страданія ближняго, я могъ убѣдиться изъ разговоровъ съ старыми мужиками, часто твердившими по этому поводу одно: „дохторя леча по ученому, баре отъ добраво сердца“. Нѣкоторыя изъ помѣщицъ были серьезно увлечены домашнею, конечно, медициною, занимались ею постоянно и даже вырабатывали изъ себя спеціалистокъ и больше всего по „глазной части“. Въ этой спеціальности онѣ, по характерному выраженію крестьянства, „мучили“ глаза. Такое выраженіе можно принять въ прямомъ смыслѣ и признать за нимъ все его дѣйствительное устроуміе, если имѣть въ виду тѣ лечебныя средства, которыми помѣщицы пользовали своихъ глазныхъ больныхъ. При „тускѣ“ (помутнѣніи) на „глядѣльцахъ“ и, вообще, при глазныхъ бѣльмахъ употреблялся для присыпки сахарный песокъ или же порошокъ, составленный изъ равныхъ частей имбиря, сахара и наскобленнаго съ карандаша графита; при слезотеченіи въ ходу были капли изъ водки или изъ воднаго раствора „бѣлаго купороса“, называемаго теперь по-знахарски „грымзою“; при глазной боли обязательно за уши приставлялись шпанскія мушки и для примочки давалась розовая вода. Если къ этимъ средствамъ присоединить еще: арнику, грудной чай, липовый и бузинный цвѣтъ, ромашку, мяту, шалфей, „нюхальный“ (нашатырный) спиртъ и „тягучій“ пластырь, то это и будетъ весь главный лекарственный арсеналъ, бывшій въ распоряженіи у сердобольныхъ помѣщицъ и по наслѣдію перешедшій крестьянству. Здѣсь всѣ эти средства прочно осѣли и сдѣлались настолько излюбленными, что больное крестьянство, куда бы ни обратилось за помощью, вездѣ спрашиваетъ ихъ. При этомъ въ земскихъ амбулаторіяхъ ихъ пробуютъ выпросить какъ бы въ придачу къ тѣмъ лекарствамъ, которыя уже прописаны и приготовляются для отпуска. И мнѣ пришлось открещиваться въ своей деревенской амбулаторіи, которая впродолженіе моего полуторамѣсячнаго пребыванія въ зараженномъ селеніи

изо дня въ день разросталась и въ концѣ этого срока стала отнимать много времени и отъ назначеннаго мною для ухода за горячечными больными. Въ мою амбулаторію являлись преимущественно бабы и дѣти. Мужики являлись куда рѣже и то всегда съ серьезными заболѣваніями. Въ легкихъ случаяхъ они перемогались, дорожа временемъ въ виду стоявшаго разгара и обязательной срочности выполненія полевыхъ работъ. Впрочемъ, бабы и во всѣхъ, думается, земскихъ амбулаторіяхъ лечатся чаще мужиковъ. Причина этого явленія не лежитъ глубоко. Бабы имѣютъ и больше, конечно, свободнаго времени, и на нихъ еще лежитъ вся обязанность слѣдить за здоровьемъ дѣтей. Большинство моихъ амбулаторныхъ паціентовъ являлось ко мнѣ съ заранѣе уже поставленнымъ въ деревнѣ діагнозомъ своей болѣзни, искало у меня только подтвержденія его и обыкновенно желало, а то иногда и настойчиво требовало, полученія тѣхъ „излечимыхъ дѣлъ“ (средствъ), которыя или остались въ деревнѣ какъ воспоминаніе о помѣщичьей медицинѣ, или явились вновь, какъ продуктъ чисто народной знахарской изобрѣтательности. Всѣ „излечимыя дѣла“ или „снадобья“ требовались, какъ справедливо замѣчаетъ и самъ народъ, „немудрыя“. „Отъ „хрепоты“ (кашля) у дѣтей спрашивалась лакрица, а при кашлѣ у взрослыхъ—грудной чай; отъ „лома“ въ костяхъ, простуды и „разбоя“ (ушиба) „спиртовая“ или летучая мазь; отъ головной боли и „надухи“ (насморка) „нюхальный“ спиртъ; отъ „щетины“ (неправильнаго роста рѣсницъ) „грымза“; отъ колотья въ глазахъ и слезотеченія—заушныя мушки и розовая вода; отъ „осыпи“ (сыпи) на лицѣ „лицемиръ“ (глицеринъ); отъ вередовъ и ранъ „тягучій“ пластырь; отъ „глистьевъ“ цитварное сѣмя; отъ схожденія съ мѣста пупа или „донника“ вслѣдствіе „грузново поднема“ или „встряха“, а также при родовыхъ или послѣродовыхъ заболѣваніяхъ—колганъ и ромашка; отъ зубной боли „купоросное масло“ (сѣрная кислота); отъ вшивости „ниполитань“. Иногда

лекарства спрашивались подъ крайне искаженнымъ названіемъ. Такъ, напримѣръ, одинъ паціентъ для „натирки“ висковъ спрашивалъ „диколому“, превратившагося послѣ разспроса цѣлаго ряда лицъ въ о-де-колонъ. Приходилось получать отъ деревенскихъ паціентовъ не мало и письменныхъ просьбъ и требованій о высылкѣ лекарствъ. Жалкіе деревенскіе грамотѣи съ усиліемъ выводили свои записки подъ диктовку или знахарокъ, или же самихъ больныхъ. Присутствіе въ запискѣ знахарки характернымъ образомъ сказывалось въ томъ, что паціентъ указывалъ мнѣ какихъ средствъ отъ его болѣзни я долженъ ему выслать. Самъ же больной старался описать только свою болѣзнь безъ требованія высылки желательныхъ ему средствъ. Нѣкоторыя изъ записокъ отъ деревенскихъ паціентовъ не всегда только занимали меня, но иногда представляли интересъ и именно тѣ, въ которыхъ высказывались взгляды на болѣзни и ихъ леченіе. Эти взгляды были непосредственныя понятія деревни и, ни чуть не смѣло, всего крестьянства. Изъ огромнаго количества такихъ записокъ я ограничусь точнымъ приведеніемъ здѣсь нѣкоторыхъ изъ нихъ. Вотъ просьба „до“ меня Зеньки Ахремовой: „Зенька Ахремова деревни Малкова, честь имею покорнейшее Васъ Врача просить отъ моей прислать болести (хлорныхъ капилъ липовыхъ и полевыхъ бѣлыхъ цвѣтовъ) для уничиженія осини, еще нашетурнаго спирту отъ угара“. Вотъ еще пишетъ ко мнѣ Екимъ Егоровъ: „Государю моему Господину доктору, отъ больнова, Екима Егорова, что вы не оставти моѣй нижающїй прозбы. Потому что я весь душой здаровъ, только болѣетъ моклоки и кость отъ той ноги не могу ходить и не даютъ мнѣ спокою ночью; даже и повратиться, то покорнище прошу васъ, не забудьте вы меня, то и васъ Господь не забудетъ. Пришлите вы мне, что удобніе будетъ, для болѣзни помазать еду или скопидару, и съ этихъ двухъ излѣчимыхъ дѣлъ, котороя польэительніе“. Деревенская темнота не позволяетъ широко открыть глаза даже деревенской ин-

теллигенціи, букетъ которой составляютъ сельское духовенство и писарскій персоналъ волости. На все, съ чѣмъ непосредственно соприкасается деревенская жизнь, она налагаетъ свой отпечатокъ. Разъ изъ „волости“, т. е., мѣстнаго волостнаго правленія я получилъ большой пакетъ, гдѣ находилось письмо писаря, который обращался ко мнѣ: „Многоуважаемый Г. Докторъ! Горю до невыносимости съ 12 часовъ дня. Голова кружится аппетита совсѣмъ нѣтъ. А по тому покорнѣйше прошу Васъ не откажитѣ прислать мнѣ отъ боли въ головѣ къ возбужденію аппетита и отъ одулости живота живаго серебра. Въ метрикахъ имѣю отъ роту 30 лѣтъ. Остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ покорный слуга писарь....“ Этотъ „письменный“ паціентъ, алкавшій живого серебра, говорятъ, даже окончилъ курсъ одного изъ среднеучебныхъ заведеній, но не могъ дальше выбиться на широкую дорогу и принужденъ былъ возвратиться въ родную глухую деревню, чтобы вновь сродниться съ ея темнотою. Какъ ни бѣдна была помѣщичья медицина, тѣмъ не менѣе она оказала деревнѣ немалую пользу уже однимъ тѣмъ, что не давала здѣсь до безконечности плодиться и дѣйствовать темнымъ знахарямъ. Предлагая безкорыстно и не безъ пользы нѣкоторыя аптечныя средства, она этимъ указывала народу на существующую возможность другого леченія, нежели знахарское, и подрывало въ послѣднее вѣру деревни.

Какъ сейчасъ было замѣчено, о своей медицинѣ помѣщики добраго стараго времени оставили память въ народѣ, пріучивъ его къ употребленію нѣкоторыхъ аптечныхъ средствъ. Съ своей стороны и народъ не забылъ своихъ благодѣтелей, давъ прозвище „лекаренки“ остающимся представителямъ тѣхъ помѣщичьихъ семей, въ которыхъ когда-то усердно занимались добровольнымъ врачеваніемъ крестьянскихъ недуговъ. Не велика, конечно, благодарность деревни безкорыстной помѣщичьей медицинѣ, но нельзя не признать справедливости за деревенской пословицей, что въ данномъ случаѣ есть—„по Богу

и свѣчка“. Современный помѣщикъ также не прочь полечить на досугѣ мужика. Но только современному мужику, требующему, гдѣ только возможно, для своего леченія средствъ „поемчѣе“ (острѣе), да „поболѣ“ не слѣдуетъ вовсе предлагать ихъ въ видѣ гомеопатическаго бисера да къ тому жъ для безконечно продолжительнаго леченія.

XIX.

Чтобы вполнѣ сомкнуть обширный кругъ дѣятельности деревенской знахарки, необходимо ввести въ него еще „бабничанье“ или занятіе акушерствомъ. Это занятіе поглощаетъ вторую половину ея дѣятельности и въ немъ во всей силѣ сказывается весь тотъ страшный вредъ, который наноситъ знахарство нашему деревенскому населенію. Земская медицина не выяснила еще хотя бы приблизительной цифры ежегодной гибели деревенскихъ рожениць отъ донельзя грязныхъ и неумѣлыхъ рукъ деревенскихъ бабокъ. Трудъ этотъ точно освѣтилъ бы все то положеніе деревенскихъ „родихъ“, про которое вездѣ только гадательно говорятъ, что оно отчаянное. Все, что лично удалось мнѣ узнать о дѣятельности деревенскихъ повитухъ, говоритъ за то, что деревенская родиха существо, дѣйствительно, многострадальное. Въ ряды деревенскихъ повитухъ становятся добровольцами обыкновенно вдовы или старыя дѣвы, окончательно утратившія надежду выдти замужъ главнымъ образомъ изъ-за своихъ физическихъ недостатковъ, изъ которыхъ на первомъ планѣ стоятъ слѣпота и сифилисъ, неудержанный почему либо въ тайнѣ.

Такой самъ по себѣ составъ повитухъ, старыхъ и искалѣченныхъ „хворью“, уже настраиваетъ противъ нихъ. Бабки изъ старыхъ дѣвъ сравнительно съ бабками вдовами въ большемъ спросѣ. Дѣло въ томъ, что старыя дѣвы, по предразсудкамъ деревни, обладаютъ „легонькой ручкой“, одно приложеніе которой къ животу родихи можетъ „усмирять“ родо-

выя „муки“. Къ роженицамъ бабки приглашаются обыкновенно при началѣ родовыхъ потугъ. Во время беременности, конечно, также не обходятся безъ бабокъ и преимущественно женщины первобеременныя. Онѣ обыкновенно ищутъ совѣтовъ, какъ вести себя, и имъ тогда обычно совѣтуется: не подымать „грузново“, не смотрѣть на пожары и не переступать черезъ возжи. „Поднемъ грузново“ возбраняется по той причинѣ, что можетъ пупъ съ „донника (матки) смѣхаться“ (смѣшаться). На пожары нельзя смотрѣть потому, что возможно, приходя въ „ужахъ“, схватиться руками за лицо. А разъ это произойдетъ, ребенокъ можетъ появиться на свѣтъ съ краснымъ широкимъ родимымъ пятномъ на лицѣ. Мѣстоположеніе такого пятна будетъ отвѣчать точнымъ образомъ тому мѣсту лица, за которое схватилась испуганная во время пожара мать новорожденнаго. Еще важнѣе остерегаться переступать черезъ брошенныя гдѣ либо возжи, чтобы въ нихъ не запутаться. При несоблюденіи этого предостереженія могутъ быть трудные и опасные для жизни ребенка роды. Въ такихъ случаяхъ ребенокъ долженъ рождаться съ „поводомъ“ (пуповиною) вокругъ шеи, который трудно распутать и который поэтому можетъ его задушить. Иногда бабкамъ приходится заниматься угадываніемъ пола будущаго ребенка. Для крестьянина не безразлично, кто у него родится — „мальчонка аль дѣвчонка“. Такъ какъ на мальчика „пойдетъ земля“, то крестьянинъ, конечно, больше радъ появленію на свѣтъ существа мужскаго пола. Поэтому угадываніе бабкою пола будущаго новорожденнаго въ иныхъ случаяхъ даже очень сильно интересуетъ всю семью беременной. Полъ будущаго ребенка опредѣляется бабками исключительно по такимъ примѣтамъ. Если у беременной животъ заостренъ, т. е., нѣсколько конусообразный, то родится мальчикъ; если же животъ плоскій или очень растянутый въ поперечномъ направленіи, то родится дѣвочка.

Приглашенная на роды бабка является такою же „грязномазкой“ и засусленной, какою можно видѣть

ее всегда въ ея домашней жизни. Необходимость тщательнѣе, чѣмъ для мелкой практики у себя на дому, умыться и почище „снарядиться“ (одѣться) ей пока еще непонятна вовсе. Съ собою она тащитъ холщевый, небывающій никогда въ стиркѣ, мѣшечекъ, въ которомъ кромѣ обмылка можно найти такую дрянь: небольшой камень — „кругляшъ“, нѣсколько осколковъ „звена“ (стекла), клубочекъ шерстяныхъ нитокъ и какія-нибудь тупыя „ножонки“ (ножницы). И это—акушерская сумка! Вѣрнѣе всего она представляетъ собою наборъ игрушекъ деревенскаго ребенка. Родовой актъ ведется бабками обыкновенно такъ. Съ наръ или кровати убирается перина или постельникъ и распускаются пуки соломы. Нѣкоторыя бабки такую постель изъ соломы приготовляютъ только на полу.

Соломенная настилка ничѣмъ не покрывается и, по окончаніи родовъ, обыкновенно цѣликомъ сжигается. При первыхъ являющихся схваткахъ роженицу укладываютъ на такое приготовленное для нея ложе, и тогда же начинаетъ надъ нею свои акушерскія манипуляціи бабка. Цѣль этихъ манипуляцій вполнѣ основательная: выяснить „путемъ“ ли идетъ ребенокъ, т. е., головкою, или „не путемъ“, т. е., плечикомъ или ножками. При этихъ манипуляціяхъ смѣлая бабка иногда „перстомъ“ прорываетъ плодный пузырь.

Если у роженицы „все обстоитъ въ порядкѣ“, то бабка вниманіе обращаетъ, конечно, на потуги, поощряя роженицу, при наступленіи ихъ, „жаться“ или „натужиться“. Если же схватки почему либо рѣдки или слабы, то роженицу заставляютъ встать и начинаютъ водить по избѣ. Въ подобныхъ же случаяхъ роженицу иногда принуждаютъ пройтись на четверинкахъ или кланяться въ „поясъ“, какъ бы для своего прощенія, всѣмъ домашнимъ, а также ухвату, кочергѣ и вообще всѣмъ тѣмъ хозяйственнымъ предметамъ, съ которыми она могла имѣть дѣло. Для возбужденія слабой родовой дѣятельности роженицу заставляютъ еще дуть въ бутылку, жевать

для появленія рвоты распущенныя косы или пить деревянное масло; колотятъ по спинѣ или же кладутъ на край сундука или скамейки и заставляютъ перегибаться назадъ себя. При очень затянувшихся родахъ или когда собранныя изъ всей деревни бабы стоятъ за одно съ бабкою, что ребенокъ идетъ „не путемъ“, вездѣ отворяютъ двери: въ хлѣву, рью и другихъ постройкахъ, а мужа роженицы посылаютъ въ погостъ просить батюшку открыть царскія врата. Деревенскіе батюшки въ этомъ никогда не отказываютъ. Если все это не помогаетъ, приступаютъ къ послѣцней мѣрѣ — къ „встряху“. Для этого бабы подъ командою бабки, подхвативъ на руки роженицу, то медленно поднимаютъ ее вверхъ, то быстро опускаютъ книзу. Такой безсмысленный и, просто, дикій пріемъ ухудшаетъ положеніе и безъ того измученной роженицы и ускоряетъ ея неминуемый конецъ, если только кому либо изъ присутствующихъ не придетъ въ голову счастливая мысль вызвать участковаго земскаго врача. Бабки всегда противъ такого приглашенія. Онѣ охотнѣе соглашаются на жертву своего дикаго невѣжества одѣть „деревянный сарафанъ“ (гробъ), чѣмъ обратиться за помощью свѣдущаго лица, съ прибытіемъ котораго если и падаетъ должнымъ образомъ ихъ авторитетъ, за то спасаются иногда цѣлыхъ двѣ жизни. Съ пріѣздомъ доктора бабка обыкновенно скрывается или же нахально открещивается отъ приложеннаго ею содѣйствія родоразрѣшенію. По характерному предразсудку бабокъ при затянувшихся родахъ родиха „маится за кажиный глазъ“. Это означаетъ, что она при своей беременности почему либо обращала на себя вниманіе многихъ постороннихъ лицъ. Какъ извѣстно, родовой и послѣродовой періоды часто сопряжены бываютъ съ кровотеченіями, угрожающими подчасъ жизни родившей или уже „опорознившейся“ женщины. Какъ же теперь бабки поступаютъ въ такихъ случаяхъ? Противъ чаянья, въ подобныхъ случаяхъ онѣ вовсе не проявляютъ той активной дѣятельности, которую мы видимъ у нихъ

при затянувшихся родахъ. Сначала онѣ дѣлаютъ слабую попытку остановить кровотеченіе растираніемъ съ нашептываніемъ „живота“ своей паціентки. Затѣмъ уже прибѣгаютъ къ симпатическимъ способамъ, а въ концѣ концовъ къ назначенію колгана или ромашки. Изъ симпатическихъ способовъ одинъ заключается въ томъ, что собранную въ складку кожу живота „исходящей кровями“ женщины защемляютъ въ дужку замка, остающагося висѣть на тѣлѣ больной до прекращенія кровотеченія. Здѣсь, стало быть, замокъ долженъ „запереть“ кровь, какъ запираютъ имъ какую нибудь „хоромину“. При рожденіи ребенка пуповину или, какъ ее называютъ въ деревнѣ, „поводъ“ обыкновенно перетираютъ на камнѣ „кругляшѣ“ осколкомъ стекла и перевязываютъ шерстяною ниткою почти около самаго пупочнаго кольца.

Объ ускореніи выхожденія „мѣста“ бабки обыкновенно не заботятся и выжидаютъ его самопроизвольнаго отторженія отъ однѣхъ до двухъ сутокъ и только послѣ этого срока приступаютъ къ его выведенію, привязывая къ концу „повода“ какую либо тяжесть въ родѣ гирьки или, по склонности къ симпатическому способу, сапогъ мужа родихи. Само собою ясно, что въ обоихъ періодахъ, какъ родовомъ, такъ и послѣродовомъ, не преслѣдуется особая „чередность“ (чистота). Она здѣсь такъ же непонятна, какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ жизни. Отсутствіе должной чистоты при веденіи родовъ ведетъ къ септическому зараженію роженицы, что бываетъ нерѣдко. Конечно, никакого зараженія деревня не признаетъ и лихорадку, появившуюся у послѣродовой женщины, объяснаетъ тѣмъ, что „молоко бросилось въ голову“. Туманность, неопредѣленность и нераціональность акушерскихъ пріемовъ со стороны бабокъ находятся въ соотвѣтствіи съ нелѣпостью ихъ дѣйствій и по отношенію къ мелочамъ, касающимся родового акта. Такъ, совершенно, непонятно, почему это бабки удѣляютъ нѣкоторое вниманіе отошедшему „мѣсту“, утратившему уже вся-

кое значеніе. Его всегда „начисто“ обмываютъ, завертываютъ въ чистую „тряпицу“ и зарываютъ въ „подызбицѣ“, т. е., подвалѣ. По окончаніи этого ритуала надъ „мѣстомъ“ родиху вмѣстѣ съ новорожденнымъ ведутъ или везутъ въ баню, уже вытопленную. Топить ее начинаютъ всегда при началѣ первыхъ родовыхъ схватокъ у роженицы. Я считаю, что въ банѣ у бабки не меньше дѣла, чѣмъ было при веденіи родовъ. Во-первыхъ, бабка сама должна вымыть новорожденнаго. Во-вторыхъ, то же самое она должна продѣлать съ его матерью и вдобавокъ еще ее „растереть“. „Растираніе“ производитъ бабка обыкновенно съ нашептываніемъ заговора. Одинъ изъ такихъ заговоровъ я уже привелъ выше. Второй, позднѣе добытый мною, нашептывается такъ: „Пупъ пупище, донникъ донничище, уймися, установися на свое мѣстище, на свое гнѣздище. Не я тебя заговаривала, не я тебя забабничала, самъ Сусъ Христосъ, Царь небесный! Аминь“. Въ банѣ же бабка рѣшаетъ, нужно ли своей паціанткѣ „подтянуть и затянуть“ животъ. Затягивается онъ полотенцемъ въ самой своей нижней части при наличности у родившей женщины отвиснувшихъ брюшныхъ покрововъ и при большомъ „донникѣ“.

Срокъ ношенія такой брюшной повязки шестинедѣльный. Въ баню свою паціентку бабка водитъ два или три раза. Послѣ первой бани новорожденный допускается къ груди, обыкновенно правой. Это основано на томъ деревенскомъ повѣрьѣ, что, если начать кормить ребенка изъ лѣвой груди, онъ выроститъ лѣвшою. Нѣкоторыя деревенскія женщины, какъ приходилось слышать, допускаютъ къ грудямъ своихъ новорожденныхъ только послѣ крещенія, считая ихъ до этого „неочищенными“ и неимѣющими поэтому права „прикладываться къ сиськамъ“. Какъ бы то ни было, но ни одинъ изъ новорожденныхъ не допускается сразу къ материнской груди. Съ перваго же часа появленія на свѣтъ начинаютъ портить его желудокъ сосками изъ разжеваннаго вмѣстѣ съ сахаромъ кренделя, чернаго хлѣба

и иногда „просвирки“. Бабки додумались дѣлать соски даже изъ толокна и натертой свеклы. Свекольная соска дается новорожденному для того, чтобы онъ росъ съ „красенькими щечками“, т. е., здоровымъ.

Если бабки не вездѣ открыто осмѣливаются „ворожить“ разнаго рода крестьянскіе недуги, за то бабничаньемъ занимаются вездѣ безъ страха и упрека. Нерѣдко онѣ живутъ исключительно на этотъ мало имъ понятный, но важный и, къ большому несчастью, ни передъ кѣмъ неотвѣтственный трудъ. Отъ ихъ то скрюченныхъ нерѣдко болѣзнью, то одеревенѣлыхъ отъ грязной и тяжелой работы рукъ стонетъ втихомолку бабье населеніе деревень и, нерѣшаясь изъ-за общаго невѣжества обращаться за настоящею акушерскою помощью, гибнетъ въ большомъ количествѣ и съ тою трогательною покорностью судьбѣ, которая присуща и крайне невѣжественному, и крайне религіозному народу.

XX.

Въ деревняхъ, гдѣ мнѣ приходилось гоняться за тифомъ, я на каждомъ шагу сталкивался съ бабками-знахарками, нерѣдко положительно пересиливавшими мою врачебную дѣятельность своими совѣтами и своими знахарскими средствами. Лечебная часть моей дѣятельности терпѣла пораженіе потому, что не могла быть правильно поставленной. А это въ свою очередь зависѣло отъ того, что больные у меня были повсюду, были, такъ сказать, разсыпаны по разнымъ мѣстамъ, добраться до которыхъ иногда не приходилась по цѣлымъ днямъ. Другая часть моей дѣятельности была санитарная. Ее я считалъ выше лечебной. Она также не дала никакихъ видимыхъ результатовъ. Если лечебная часть парализовалась главнымъ образомъ бабками-знахарками, то санитарная уничтожалась въ зародышѣ рѣшительно всѣмъ въ деревнѣ или, точнѣе сказать, всѣмъ строемъ деревенской жизни. Въ зараженномъ сыпною

горячкою погостѣ, центрѣ моей врачебно-санитарной дѣятельности, санитарную часть мнѣ пришлось начинать съ дезинфекціи и изолированья зараженныхъ избъ. Эти два способа, какъ и всѣ другіе изъ санитарныхъ мѣропріятій, требуютъ правильной постановки и точнаго выполненія, чтобы они могли замѣтнымъ образомъ способствовать прекращенію какой-либо эпидемической болѣзни. О правильной дезинфекціи мнѣ нечего было и думать при одномъ помощникѣ и тѣхъ средствахъ, которыми я могъ располагать. Тѣмъ не менѣе дезинфекцію я продолжалъ производить до самаго конца эпидеміи. Она была необходима только земской управѣ, какъ доказательство принимаемыхъ мѣръ противъ эпидеміи. Съ ближайшаго земскаго врачебнаго пункта изъ дезинфекціонныхъ средствъ мнѣ высылались неочищенная карболовая кислота и сулема. Изъ этихъ средствъ приготовлялись водные растворы и ими кропились зараженныя избы съ грязною одеждою болѣвшихъ. Къ такимъ кропленіямъ населеніе вездѣ относилось неодобрительно и даже враждебно. Особенно недолюбливалась вездѣ и постоянно „карболовка“ за ея „благой духъ“.

— Что это вы носы зажимаете?—не разъ спрашивалъ я деревенскихъ обывателей, распыляя въ ихъ избахъ, больше для послѣдующаго провѣтриванія, нежели для дезинфекціи, растворъ карболки.

— А ну и къ лѣшему твою карболовку!—обыкновенно горячились бабы.—Духъ отъ ней дюже благой, и здоровому никакъ не сдержаться: сичасъ обморокъ забере. И въ двери ее долго не выгнать. А какъ двери открыть?! Больныхъ такъ простудить можно. Имъ не холодъ, а баня нужна.

Если на такую тему приходилось продолжать начатый разговоръ, то обыкновенно выяснялось, что большинство горячечныхъ больныхъ лечатъ въ деревнѣ „зноемъ“ въ банѣ, что на карболку и прочія подобныя средства управа „зря деньги переводе“ и что, вообще, дезинфекція ставится въ деревнѣ „ровно ни вошто“. Относительно дезинфекціи и я, послѣ

перваго же знакомства съ деревнею, пришелъ къ убѣжденію, что она не была никогда предметомъ тщательнаго обсужденія на земско-санитарныхъ совѣтахъ и есть крупное недоразумѣніе въ дѣлѣ борьбы съ заразными болѣзнями въ деревнѣ. Если пригласить сюда даже полный санитарный отрядъ, подготовленный къ научному производству дезинфекціи и снабженный въ полной мѣрѣ всѣми средствами, то и онъ, думается, не справится съ поставленной ему задачею обеззаразить крестьянскіе дома. Развѣ возможно продезинфецировать обыкновенную крестьянскую избу, гдѣ бревенчатый полъ изъѣденъ многолѣтнимъ слоемъ грязи, гдѣ мшенныя (проконопаченныя мхомъ) стѣны испыляютъ изъ себя массу пыли, гдѣ прокопченный до угля потолокъ черезъ щели, во время вѣтра, пропускаетъ въ избу разный мусоръ и гдѣ, наконецъ, выложенная изъ „сырца" (невыжженнаго кирпича) огромная печь изрыта безконечными трещинами. Для такихъ построекъ только огонь можетъ быть вѣрнымъ дезинфекціоннымъ средствомъ. Равно, какъ и дезинфекція, оказался недѣйствительнымъ и второй способъ изъ ряда санитарныхъ мѣропріятій въ борьбѣ съ заразными болѣзнями, а именно изолированье зараженныхъ избъ. Этотъ способъ, несомнѣнно, есть болѣе санитарно-полицейскій, нежели санитарно-врачебный. Не смотря на это, и онъ постоянно разбивался объ острыя грани крестьянскаго невѣжества, какъ въ пыль разбивается мелкая волна о каменный утесъ. Тамъ, гдѣ всякая болѣзнь считается посланною Богомъ за грѣхи, напрасно разсчитывать поддерживать проведеніе какой либо санитарной мѣры силою. Крайняя религіозность народа его и преждевременное умираніе. Она подрывала значеніе изолированья тѣмъ, что все время внушала крестьянству дополнительную заповѣдь: „навѣсти больного". Никакъ невозможно было урезонить мужика, особливо когда дѣло шло о его больной „родѣ", чтобы онъ безусловно не подчинялся этой морали. Какъ частыя навѣщанія больныхъ, такъ и обязательное прибытіе на

проводы умершихъ ихъ родственниковъ и хорошихъ знакомыхъ распространяли и вызывали въ новыхъ мѣстахъ вспышки тифа. Новые очаги болѣзни дѣлались мнѣ извѣстными иногда спустя долгое время, когда она уже успѣла принять эпидемическій характеръ, т. е., пустить корни въ разные стороны селенія. Обычное запоздалое заявленіе о нагрянувшей повальной болѣзни со стороны самого деревенскаго населенія находитъ себѣ простое объясненіе въ томъ, что деревня равнодушно относится къ болѣзнямъ и, вообще, на всякое свое общественное горе смотритъ, какъ на неотразимое Божье наказаніе за грѣхи. Объ эвакуаціи тифозныхъ больныхъ въ „ближающую“ больницу также нечего было думать. Дѣло въ томъ, что въ зараженный горячкою погостъ я прибылъ въ весеннюю распутицу, когда проселочныя дороги представляли изъ себя непрерывные каналы глубокой грязи. И вотъ, чтобы попасть въ ближайшую больницу, по такой дорогѣ необходимо было тащить больного верстъ двадцать пять не менѣе. Конечно, не находилось никого, кто бы рѣшился своего, обыкновенно тяжелаго, больного подвергнуть пяти—шести часовой дорожной пыткѣ и другимъ невзгодамъ, нерѣдко случающимся въ пути, напримѣръ, дождю, паденію съ повозки, порчѣ ея и проч. Эвакуація, нельзя отрицать, имѣетъ передъ изолированьемъ больныхъ на мѣстѣ, т. е., въ ихъ жилищѣ, больше практическаго смысла. Однако и она имѣетъ и при этомъ довольно крупные недостатки. Во-первыхъ, она возможна не во всякое время года. Такъ, во время половодья зараженная деревня можетъ оказаться совсѣмъ отрѣзанной отъ ближайшей больницы. Во-вторыхъ, эвакуація эпидемическихъ больныхъ изъ селеній, отстоящихъ отъ земскихъ больницъ на большія разстоянія, можетъ открыть дорогу для наступательнаго движенія той повальной болѣзни, съ которой начата борьба. Дѣло въ томъ, что не каждый больной можетъ вынести продолжительную и утомительную поѣздку въ ближайшую больницу безъ того, чтобы не отдохнуть въ какой

нибудь попутной деревнѣ. При такихъ путевыхъ остановкахъ онъ легко можетъ оставить въ гостепріимномъ мѣстѣ заразное начало своей болѣзни. Кромѣ всего этого неосновательно разсчитывать, чтобы ближайшая къ зараженному селенію больница могла принять въ свои стѣны всѣхъ его острозаразныхъ больныхъ. Неосновательно разсчитывать потому, что деревенскія эпидеміи, вслѣдствіе обычно запоздалаго извѣщенія земскаго врача о началѣ ихъ, всегда бываютъ довольно значительны, а земскія больницы съ отдѣленіями для острозаразныхъ больныхъ крайне рѣдки и всегда тѣсны. Дезинфекція, изоляція, эвакуація — всѣ эти слова не вошли еще, хотя бы въ исковерканномъ видѣ, въ народную рѣчь. Это означаетъ еще, что и тѣ понятія, которыя они выражаютъ, невѣдомы еще народу. До тѣхъ поръ, пока онъ ихъ не усвоитъ, онъ будетъ всегда нести чрезмѣрную дань мрачному богу подземнаго царства. Деревенская тифозная эпидемія, поддерживаемая народнымъневѣжествомъ, свободно гуляла по обширному приходу, то легко ломая, то безъ усилія перешагивая черезъ всѣ тѣ преграды, которыя ставились для ея задержанія. Дольше всего она гостила въ самомъ погостѣ, гдѣ перебрала большую половину жителей. Въ то время неожиданно для меня возникъ вопросъ, оказавшійся изъ важныхъ и едва ли гдѣ при эпидеміяхъ предвидѣнный. Вопросъ заключался въ томъ, какъ изолировать цѣлое зараженное селеніе, въ которомъ находится церковь. Вопросъ оказался неподлежащимъ разрѣшенію по той причинѣ, что о закрытіи приходской церкви не можетъ быть никакой рѣчи. Въ церковь изъ всѣхъ концовъ прихода стекалась масса люда и здѣсь перемѣшивалась съ мѣстными больными жителями, не смотря на предостереженія въ видѣ красныхъ флаговъ, вывѣшенныхъ надъ неблагополучными избами. Религіозные прихожане могли заражаться горячкою не только въ избахъ, куда они „залучались“ отдохнуть съ дороги въ ожиданіи начала службы, но и въ самомъ храмѣ, куда, чая быстраго исцѣленія, волоклись мѣстные

жители или въ начальномъ періодѣ заболѣванія горячкою или только что оправившіеся отъ нея. Крайняя религіозность содѣйствовала еще повышенію смертности особенно среди больныхъ, перешагнувшихъ средній возрастъ. Еженедѣльно по средамъ и пятницамъ старъ и младъ, здоровый и больной, богатый и бѣдный, словомъ, весь составъ деревни питался въ то время такою пищею: хлѣбомъ, картошкою, квасомъ, остатками кислой капусты и огурцовъ и иногда плохого сорта постнымъ масломъ. Такой столъ вредилъ горячечнымъ, но хуже всего отзывался на больныхъ, только что перенесшихъ горячку. Реконвалесценты, не рѣшаясь нарушить обычныя въ крестьянской жизни постныя среды и пятницы, обыкновенно медленно собирали растерянныя за болѣзнь силы, часто получали желудочно-кишечныя болѣзни и съ ними доходили до полнаго истощенія, ведшаго уже къ могилѣ. Было очень мало крестьянъ, которыхъ я убѣдилъ забраковать постъ для больныхъ и признать для нихъ необходемость особой пищи, и болѣе легкой, и болѣе питательной, нежели постная. Изъ лицъ, которыя сравнительно скоро поправились отъ горячки и набрались прежнихъ силъ, какія у нихъ были до болѣзни, благодаря тому, что придерживались указанной мною діэты какъ впродолженіе самой болѣзни, такъ и въ періодѣ выздоровленія, я укажу ня мѣстнаго церковнаго старосту Петра „Иваныча", сынъ котораго Васютка въ качествѣ ямщика изъѣздилъ со мною десятокъ—другой окрестныхъ зараженныхъ селеній. Про Петра Иваныча я уже раньше не мало сказалъ. Если бы не встрѣча съ этимъ человѣкомъ да мѣстнымъ батюшкою, то мое полуторамѣсячное пребываніе въ зараженномъ погостѣ бокъ-о-бокъ съ деревенскимъ людомъ навсегда отшибло бы у меня охоту растрачивать безполезно свои силы въ деревнѣ. Петръ Иванычъ, являясь, какъ и батюшка, интереснымъ собесѣдникомъ, былъ въ то же время для меня человѣкомъ необходимымъ. Онъ всегда любилъ выставлять напоказъ всѣ темныя стороны родной деревни

и выставлялъ ихъ, какъ серьезный наблюдатель. Онъ постоянно „корилъ“ мужика за неподвижность его характера, приковывающую его къ всему своему старому, ничуть неотвѣчающему современнымъ даже самымъ скромнымъ требованіямъ земледѣльческой жизни. Въ его характерномъ упрямствѣ онъ искалъ причину устойчиваго существованія деревни „стараго завѣта“, отстаивающей свой образъ дѣйствій съ безпрестанно однимъ и тѣмъ же упорнымъ заявленіемъ: „допрежь и грамоты никто не зналъ, а сежъ сытнѣе жили“. Наступившее разореніе деревни онъ ставилъ въ зависимость главнымъ образомъ отъ неумѣлаго и небрежнаго веденія крестьянствомъ всего своего хозяйства и только отчасти отъ малоземелья. Паденіе нравственности въ деревнѣ объяснялъ наполовину бѣдностью, наполовину развившимися отхожими промыслами и вліяніемъ городской жизни. Онъ „покладалъ“, что деревня можетъ пробиться къ свѣту черезъ густую „поросль“ своего невѣжества только при посредствѣ хорошихъ школъ. И по своему дѣлу, и по своимъ понятіямъ Петръ для деревни являлся человѣкомъ новымъ. Деревня поэтому его не понимала, изъ зависти, гдѣ только возможно, „прижимала“ и давила своею общею темнотою. Сыпной тифъ, какъ вѣрный спутникъ нищенской жизни темнаго народа, схватилъ въ свои цѣпкія лапы и этого сильнаго человѣка. Но онъ не дался ему окончательно, и при этомъ его несчастіи я еще разъ, но вполнѣ, могъ убѣдиться въ дѣйствительной склонности его къ культурной жизни. Мои требованія, которыя я предъявлялъ къ горячечнымъ больнымъ, выполнилъ въ точности только онъ одинъ съ своею семьею. Заболѣвъ разъ безъ всякой видимой причины сильнымъ ознобомъ, Петръ рѣшилъ, что это „она“, т. е., горячка, и перебрался изъ общей жилой избы въ заднюю, которую въ деревняхъ нерѣдко называютъ „задницею“. Онъ не ошибся: ознобъ былъ горячечный. За все время болѣзни, по его настоянію, ухаживала за нимъ только его жена, которая не допускала къ нему никого изъ посторон-

нихъ и не дозволяла никому изъ домашнихъ долго засиживаться при немъ. Прописанная ему діэта, посильная и для всякой другой горячечной семьи, выполнялась во всей своей точности. Молоко, яйца, хорошо выпеченный, но не теплый, хлѣбъ—вотъ та діэта, которая мною прописывалась всѣмъ горячечнымъ больнымъ. Въ нее, какъ видно, не входилъ ни одинъ изъ продуктовъ, которыхъ нельзя достать въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Эта легкая и питательная пища, внимательный уходъ, полное, по окончаніи болѣзни, воздержаніе на нѣкоторое время отъ всякаго труда и ежедневное пребываніе на вешнемъ солнцѣ помогли Петру легко „осилить" горячку и черезъ двѣ недѣли послѣ ея окончанія сдѣлаться такимъ же сильнымъ „трудникомъ", какимъ онъ былъ до болѣзни. Обыкновенно наблюдалось, что большинство перенесшихъ горячку мужиковъ принималось ходить за плугомъ или „кривымъ деревомъ" (сохою) и, вообще, бралось за всю свою обычную работу очень рано, т. е., безъ достаточнаго пополненія расхода ушедшихъ на борьбу съ болѣзнью силъ. Такое раннее по окончаніи болѣзни приступаніе къ обычной работѣ не всегда вызывалось крайнею необходимостью, но зато очень часто вновь валило болѣвшихъ. Въ этихъ случаяхъ развивалось полное безсиліе, или выводившее больныхъ на долгое время изъ рядовъ настоящихъ работниковъ, или приводившее ихъ къ летальному концу.

— Ну, что, Петръ, какъ поправляешься?—обычно спрашивалъ я церковнаго старосту, заглядывая ежедневно въ его опрятную избу.

— Благодареніе Богу! Свалакиваться сталъ. Съ кажинымъ днемъ чувствую, что прибываю. Все по твому дѣлаю. По постнымъ днямъ и то молочко попиваю. Твой за эвто грѣхъ! Когда-жъ, скажешь, за работу можно приниматься? Таперь совсѣмъ не грузно себя чувствую,—отвѣчалъ мой паціентъ, еще не совсѣмъ окрѣпшій послѣ перенесенной горячки, но уже тревожимый „думками" объ оставленномъ на молодежи хозяйствѣ.

— Повременить еще надо. Для вашихъ работъ сила нужна, а ты ее за болѣзнь, гляди, не мало растерялъ.

— Твоя правда! Эвто такъ! Что-жъ, придется, значитъ, съ работою повременить!

— И до тѣхъ поръ за нее не принимайся, пока совсѣмъ не окрѣпнешь. Пищу, смотри, принимай молочную. Курятинка не повредитъ. Не скупись! Выходишь ли на солнышко? Хорошо оно для тебя.

— Какъ что въ тебя сказано, такъ въ аккуратъ сполняю. Молока, самъ вѣдаешь, у насъ вдосталь, ярового опять хватае и курицу можно. Дома не сижу. На солнышко таперь ижно самого такъ и тяне. Его довольно-таки посасать таперь можно. Что-жъ, спасибо тебѣ, спасибо!

Этотъ единственный, во всемъ „послухмяный", паціентъ, былъ изъ числа послѣднихъ жертвъ сыпной горячки въ погостѣ. Развивъ всю свою силу въ массѣ человѣческаго тѣла и не найдя больше свѣжаго матеріала, она сама собою должна была замереть. Ея шествіе по деревнямъ до сихъ поръ не встрѣчало ни одной сколько нибудь серьезной преграды. Это было шествіе побѣдное. Медицина пока безсильна въ борьбѣ съ деревенскими эпидеміями. Эпидемическій врачъ въ деревнѣ пока вынужденъ бороться не съ своимъ прямымъ и грознымъ врагомъ, т. е., съ заразною болѣзнью, а невѣжествомъ деревенскаго населенія. И эта борьба въ сущности не есть даже борьба, а только попытка, къ стыду сказать, обличенія деревенскаго люда въ его невольныхъ грѣхахъ „темноты" и „сѣрости". Такая попытка, вездѣ до сихъ поръ робкая, во время деревенскихъ эпидемій вызывается крайней необходимостью проведенія какихъ либо санитарныхъ мѣръ. Она должна быть нравственнымъ долгомъ для всякаго интеллигентнаго работника въ деревнѣ. Сюда онъ долженъ являться не узкимъ спеціалистомъ своего дѣла, а, вообще, учителемъ, разрушающимъ дикія суевѣрія и расширяющимъ умственный кругозоръ отовсюду тѣснимаго недугами крестьянства.

Если забота о развитіи крестьянства, лежащая до сихъ поръ всецѣло на земствѣ, должна быть постоянною или, точнѣе сказать, непрерывною, то, конечно, нельзя привѣтствовать только временныхъ вспышекъ ея. Къ такимъ заботливымъ со стороны земства вспышкамъ нужно отнести высылку и раздачу населенію, уже охваченному эпидеміею какой либо заразной болѣзни, разнаго рода медицинскихъ брошюръ и наставленій какъ уберечь себя отъ зараженія эпидемическими болѣзнями. Съ подобнымъ явленіемъ и мнѣ пришлось столкнуться въ пережитую эпидемію сыпного тифа. Это явленіе можно было сравнить съ позднимъ желаніемъ домохозяина застраховать горящее зданіе. Отрицать необходимость знакомства народа съ медициною и гигіеною невозможно. Эта необходимость давно уже является даже крайнею. Но знакомить народъ съ необходимыми для него знаніями, какъ медицинскими, такъ и всякими другими, полезнѣе всего въ сельскихъ аудиторіяхъ, открытіе которыхъ въ деревняхъ гдѣ-то и почему-то все еще тормозится. Голода на книгу у народа я не замѣчалъ. Убѣдился только, что деревенскій грамотѣй не въ состояніи вполнѣ усвоить содержаніе даже пустой книжонки. Только однѣ, думается, народныя аудиторіи вызовутъ въ деревнѣ спросъ на книгу, разовьютъ здѣсь къ ней интересъ и извлекутъ ее изъ божницъ и крестьянскихъ сундуковъ, куда она „хоронится“ часто только потому, чтобъ не попала кому на „цигарки“.

XXI.

На канунѣ моего отъѣзда изъ деревни ко мнѣ на домъ зашелъ Петръ съ приглашеніемъ явиться къ нему на послѣднюю „бесѣдку“. Онъ пригласилъ и фельдшера, а также отправился звать „малку“, какъ „дражилъ“ онъ сотскаго. Тихо уже было въ деревнѣ, когда я съ своимъ помощникомъ вышелъ изъ училища, направляясь на послѣдній вечерній чай къ Петру. Вечеръ былъ лунный и теплый. Бѣ-

лые туманы висѣли надъ всѣми окрестными лугами и молодая листва убогихъ крестьянскихъ садовъ серебрилась отъ росы, обильно осыпавшейся на насъ, когда мы были принуждены прижиматься къ сучьямъ, вылѣзшимъ на узкіе прогоны извилистой деревенской дороги. У Петра насъ поджидали. Сотскій былъ на лицо. Столъ, накрытый „семикопью“ тканной скатертью, былъ уставленъ разнаго рода „снѣдью“. Огромная жареная „щебера“ (лещъ) „грузно“ лежала на небольшой тарелкѣ; цѣлая вареная „кура“ выглядывала изъ муравлешки; толстые, пальца въ два—три, куски „аржаного“ горкой высились надъ чашкою, а связка баранокъ лежала прямо на скатерти. Надъ всѣмъ этимъ „угощеніемъ“ выдавался изрядныхъ размѣровъ пузатый графинъ водки, окруженный разнокалиберными, но въ общемъ „исправной“ емкости, рюмками. „Хозяйственный“, двухведерный самоваръ уже „ревѣлъ“ около русской печи, возлѣ входной двери. Хозяинъ не замедлилъ усадить всѣхъ насъ за столъ, а хозяйка протянуть по нашимъ колѣнамъ длинное полотенце, расшитое по концамъ крупнымъ узоромъ.

— Вотъ вы завтра и въ отъѣздѣ,—началъ хозяинъ вмѣстѣ съ бульканьемъ изъ графина въ наши рюмки.—Такъ нельзя ли пожелать вамъ счастливаго пути? Потрудились вы для насъ, грѣшныхъ, довольно-таки.

— Трудиться то—трудился да только безъ особой пользы,—замѣтилъ я, чокаясь съ протянутыми ко мнѣ съ трехъ мѣстъ рюмками.

— Нѣтъ, я того признать, что хотите, не могу, чтобъ вы безъ пользы здѣсь были. Безъ васъ, вотъ, мнѣ ужъ быть давно бы на погостѣ. Распаленіе во мнѣ ужасти какое было!

— Да што огонь единый съ него палилъ,—серьезно вставила хозяйка и бросилась къ уплывавшему самовару.

— Лечить васъ, деревенскихъ, Петръ Иванычъ, нѣтъ никакой возможности,—вмѣшался въ разговоръ и мой фельдшеръ.—Вѣры у васъ въ наше дѣло пока ни-

какой не имѣется. Вы, вотъ, больше склоняетесь къ вашимъ знахарямъ да шептухамъ.

— Это точно, господинъ фершалъ,—поспѣшилъ отвѣтить сотскій, растирая медленными боковыми движеніями старческихъ челюстей куски леща, оказавшагося жирнымъ и очень вкуснымъ.—И все тому причина одна: мужицкая темнота да сѣрость. Сѣрѣе васъ, Псковскихъ, во всей Рассеи нѣтъ. Про васъ даже чтеніе есть.

— Что это за чтеніе?—поинтересовался я.

— Да развѣ вы не слыхали? Смѣхъ одинъ.. На службу, значитъ, сдали нашего, псковскаго. Вотъ тамъ начальство и вызываетъ его: ты какой вѣры будешь? А онъ возьми да и ляпни, да еще по нашему: псковськой.

— Этихъ прибабунекъ сколько хочешь, — спокойно замѣтилъ Петръ.— Всѣ, вотъ, только высмѣхаютъ мужицкую темноту, а никто вѣдь не спроситъ: почему эвто такъ теменъ нашъ братъ мужикъ?

— Чего спрашивать!—возражалъ сотскій. Всякъ и безъ того знаетъ, что вашъ братъ теменъ потому, что въ васъ ни къ какому дѣлу нѣтъ настоящаго желанья. Въ насъ, вотъ, что ни на есть, все прежде такъ палкой вбивали. А теперь въ народѣ, опять вотъ, распущеніе идетъ. Только эвто и слышишь про ваше пьянство да драки. Какъ будто мужикъ на водкѣ растворенъ. А дерутся то какъ сейчасъ! Въ колья да гирьемъ, чтобы, значитъ, безпремѣнно до увѣчья доходило.

Старый служака, хвалившій, какъ и всѣ старые люди, свое время больше за дисциплину, внушавшуюся вездѣ зуботычинами и другими способами наружнаго воздѣйствія, не могъ не встрѣтить со стороны нашего хозяина, человѣка нарождающейся въ деревнѣ культурной жизни, отпора на обвиненіе въ крайней распущенности невѣжественнаго, голоднаго и холоднаго крестьянства.

— Хошь и живешь ты, милый человѣкъ, заговорилъ воодушевившись Петръ, съ нами бокъ-о-бокъ уже давнымъ давно да нисколько не знаешь ты на-

шего положенья. Правда твоя, въ крестьянствѣ большое распущеніе. Да отчего оно? Отчего вездѣ у насъ водка да драки? Притчина тому главная — большая нищета. Таперь крестьянинъ обнищалъ до того, что на все махнулъ рукою. Поди, и самъ примѣчаешь, что пьянствуетъ, дерется да озорничаетъ одна наша деревенская голытьба. А что ей и дѣлать?! У однихъ земля не стала родить и заброшена, у другихъ ей стало приходиться тепер совершенный пустякъ — въ иншихъ случаяхъ съ полъ десятины и того меньше на душу. Такую земельку спустить легко. Съ нее мужику нужно взять все: и себя съ семейкой, и батьку съ причтомъ прокормить да еще всѣ повинности выправить. А повинности то все прутъ въ гору.

— Это въ гору прутъ только земскія, — дѣльно замѣтилъ сотскій, отрывая отъ курицы цѣлую ногу для „забойки“ налитой рюмки водки. — А они все-жъ опять идутъ обратно вамъ — на ваши, значитъ, дороги, на школы тамъ и на многое тамъ другое.

— Идутъ то - идутъ да жаль, что неравно: гдѣ, значитъ, густо, а гдѣ и пусто. Въ иншемъ мѣстѣ, гдѣ въ гласныхъ баринъ, тамъ и школу скоро выстроятъ, а то и больницу, и дорогу тамъ проведутъ. Хотъ и помога идетъ намъ неровная, мы земство не стали бъ хаитъ, если бъ оно побольше вниманья обращало на крестьянское хозяйство. Если для эвтого, какъ говорятъ, силы въ немъ настоящей нѣту, то жаль.

— Эвто точно, что на васъ, сиволапыхъ, силы ни у кого не стало... отъ рукъ отбившись, не желая больше понимать Петра, перебилъ его замѣтно „царапнувшій“ сотскій. — Бывало, какъ драли въ волости, куда лучше народъ былъ. Какъ всыплютъ эвто другому молодцу горяченькихъ штучекъ двадцать съ пяткомъ, такъ долго о немъ ни слуху, ни духу не было.

— Не то совсимъ говоришь, — серьезно продолжалъ Петръ. — Ноньма среднему жихарю конецъ пришелъ. Только и житье, что богатому да кусов-

нику (нищему). Разоренье огромадное вышло отъ многихъ притчинъ. Первая такая, что годы вплотную тянутся скудные; вторая, крестьянство хвалить нельзя: не понимаетъ вовсе нонѣшняго хозяйства, а третья, эвто точно, есть малость стѣсненья въ землѣ. Земство, нѣтъ словъ, таперь мужику пособить не можетъ.

Споръ затянулся и шелъ преимущественно между сотскимъ и Петромъ. Петръ говорилъ спокойно. Сотскій очень горячился. Въ концѣ концовъ онъ былъ побитъ спокойнымъ спорщикомъ, потому что не могъ идти дальше необходимости для крестьянства розги. Розга все время вертѣлась у него на языкѣ, и онъ не безъ удовольствія постоянно приводилъ свое излюбленное выраженіе: „лѣсъ казенный, дерите сколько угодно". Петръ не отрицалъ крайняго невѣжества и дикой грубости деревни, но всегда старался выяснить причину этихъ печальныхъ явленій. Эта причина кроется въ матерьяльной необезпеченности крестьянства, доходящей въ послѣднее время часто до того, что становится вѣрной поговорка: „хлѣба, что въ брюхѣ, одежи, что на спинѣ". На свои несчастные гроши крестьянство, помимо всего другого, должно и учить самого себя. Ученіе это не можетъ идти дальше нѣкотораго знакомства съ грамотою. Сельско-хозяйственныхъ занятій, такъ необходимыхъ крестьянству, деревенская школа не даетъ: она не поставлена еще въ такую возможность. Спеціальныхъ же сельско-хозяйственныхъ школъ такъ мало, что о нихъ не всѣмъ приходится и слышать. Мужицкая земля выпахана, испустована. Чтобы поднять ее и улучшить полевое хозяйство, деревнѣ необходимо перейти къ многополью съ травосѣяньемъ. Но для этого нужны средства. Кромѣ этого сильною помѣхою являются здѣсь общинное владѣніе и земельная черезполосица. При общинномъ владѣніи только въ исключительныхъ пока случаяхъ удается добиться общаго деревеннаго согласія на переходъ къ многополью и травосѣянью. Всѣ эти основныя положенія, вылившіяся весьма рельефно

въ спорѣ Петра съ сотскимъ, мнѣ были уже извѣстны. Моему помощнику они также были по душѣ. Только сотскій ихъ не признавалъ, не переставая все время „зря“ спорить и переливать содержимое пузатаго графина въ „свою посудину“. или, понятнѣе, въ свой животъ. Принявшись за чай, онъ „остепенился“. Чай всѣ „гоняли“ усердно—до испарины и пота и вспоминали изъ только что тревожно пережитой эпидеміи все, что у кого было интереснаго. Наша бесѣда окончилась съ полнымъ опорожненіемъ самовара и тѣмъ доказала еще справедливость деревенской пословицы: баринъ пьетъ парочку, купецъ пока чай хорошъ, а мужикъ пока вода вся. Разрумяненные встали мы изъ-за стола и, поблагодаривъ хлѣбосольныхъ хозяевъ, оставили ихъ гостепріимную избу. Я вышелъ съ фельдшеромъ. Сотскій, не особенно твердый на своихъ „катушкахъ“ (ногахъ), не могъ сравняться съ нами въ ходьбѣ, и отсталъ. На другой день я долженъ былъ выселиться изъ погоста въ другое селеніе, отстоящее отъ него верстъ на пятнадцать, гдѣ также долженъ былъ начать вести дѣло съ эпидеміею сыпного тифа. Изъ особаго что ли уваженія ко мнѣ везти меня настоялъ самъ Петръ. Съ разсвѣтомъ около крыльца земской школы остановилась телѣга. Задребезжало оконное стекло. Это Петръ нѣсколькими энергичными постукиваніями кнутовища далъ знать, что онъ явился. Я не заставилъ себя долго ждать. Простившись съ фельдшеромъ, который съ походною аптечкою долженъ былъ тронуться на день позднѣе меня, я вышелъ на улицу. На веревочномъ переплетѣ телѣги высилась цѣлая горка, сложенная изъ вороха сѣна и длинной постельной подушки. Такъ приготовлено было Петромъ для меня сидѣнье. Самъ онъ одѣтъ былъ въ новый, свѣтло-сѣрый, короткій полукафтанъ съ воротникомъ, обшитымъ кожанымъ ремешкомъ, и въ ожиданіи меня стоялъ возлѣ своей „гладенькой лошадки съ большими, что „плошки“, темными глазами, безпрестанно поглядывавшими въ сторону своего хозяина. Подсадивши меня на мое мѣсто,

Петръ ловко вскочилъ впереди меня въ телѣгу и усѣлся, свѣсивъ за край ея ноги. Мы тронулись и сейчасъ же за училищемъ врѣзались въ холодный густой бѣлый туманъ ранняго весенняго утра. Дорога пошла по сырымъ пожнямъ, и колеса все время оставляли за нами глубоко вдавленный слѣдъ. Изъ-за густого тумана впереди ничего не было видно. Но Петръ ѣхалъ увѣренно.

— Петръ, не заблудиться бы намъ? — обратился я.

— Алибо доѣдемъ.

— Навѣрно собьемся.

— Во—о!

Пронизываемый холодными испареніями, я поневолѣ ежился, „сгорбанился“ и чувствовалъ не по себѣ.

— Вы, вотъ, баринъ, намедни частенько насъ выспрашивали насчетъ, значитъ, эвтихъ нашихъ знахарокъ, — началъ Петръ, замѣтивъ мое настроеніе и желая, быть можетъ, оборвать его.—Вотъ скоро тутъ для нихъ покосъ зачнется,—указалъ онъ кнутомъ на дымящуюся по сторонамъ равниу.—Вотъ и пойдутъ кто зачимъ. Кто, стало быть, стрекеля (бодяга) стане брать отъ лома, кто палочника отъ порѣза, кто звѣробойныхъ цвѣтовъ отъ грудины, кто подорожника отъ разбоя. Его еще къ ранамъ прикладываютъ. Спервоначала надо его только съ масломъ растереть. И чего-чего еще въ нихъ не надумано. Попадаютъ средствія и настоящія, хорошія. А только большинство—просто бабья дурость, бабьи бредни.

Начатый разговоръ, если и отвлекъ мое вниманіе отъ непріятнаго настроенія, вызываемаго ощущеніемъ всей свѣжести утра ранней весны, зато вызвалъ въ моей памяти недавнія картины крайняго невѣжества и всей неприглядности деревенской жизни. Надъ каждымъ ея уродливымъ явленіемъ стоялъ теперь неотразимый вопросъ, возможно ли пробиться къ свѣту человѣку, вся жизнь котораго исключительно наполнена заботою о тяжеломъ пріобрѣтеніи

куска хлѣба, котораго онъ тѣмъ не менѣе не всегда имѣетъ вдосталь. Занятый пережитымъ въ деревнѣ, я и не замѣтилъ, что туманъ сталъ рѣдѣть. Яркіе лучи выкатившагося изъ-за горизонта огромнаго огненнаго шара побѣдоносно раздѣлывались съ нимъ. Съ минуты на минуту становилось теплѣе. Я оглянулся назадъ. Вдали блестѣла яркая точка на „кумполѣ“ храма въ оставленномъ нами изнуренномъ селеніи, отражая въ догонку за нами золотыя нити мерцающихъ безконечныхъ лучей. Селеніе въ своемъ безысходномъ горѣ лежало еще подъ шапкою тумана.

Э. Заленскій.

Цѣна 1 руб.